

Стефан ЦВЕЙГ

Звездные часы человечества

Цикл:

Гений одной ночи.

Невозвратимое мгновение.

Открытие Эльдорадо.

Борьба за Южный полюс.

Завоевание Византии

Побег в бессмертие

Мариенбадская элегия

Первое слово из-за океана

ГЕНИЙ ОДНОЙ НОЧИ

(Марсельеза. 25 апреля 1792 года)

1792 год. Уже целых два - уже три месяца не может Национальное собрание решить вопрос: мир или война против австрийского императора и прусского короля. Сам Людовик XVI пребывает в нерешительности: он понимает, какую опасность несет ему победа революционных сил, но понимает он и опасность их поражения. Нет единого мнения и у партий. Жирондисты, желая удержать в своих руках власть, рвутся к войне; якобинцы с Робеспьером, стремясь стать у власти, борются за мир. Напряжение с каждым днем возрастает: газеты вопят, в клубах идут бесконечные споры, все неистовей роятся слухи, и все сильней и сильней распаляется благодаря им общественное мнение. И потому, когда 20 апреля король Франции объявляет наконец войну, все невольно испытывают облегчение, как бывает при разрешении любого трудного вопроса. Все эти бесконечные долгие недели над Парижем тяготела давящая душу грозная атмосфера, но еще напряженнее, еще тягостнее возбуждение, царящее в пограничных городах. Ко всем бивакам уже подтянуты войска, в каждой деревне, в каждом городе снаряжаются добровольческие дружины и отряды Национальной гвардии; повсюду возводятся укрепления, и прежде всего в Эльзасе, где знают, что на долю этого маленького клочка французской земли, как всегда в боях между Францией и Германией, выпадет первое, решающее сражение. Здесь, на берегу Рейна, враг, противник - это не отвлеченное, расплывчатое понятие, не риторическая фигура, как в Париже, а сама осязаемая, зримая действительность; с предмостного укрепления - башни собора - можно невооруженным глазом

различить приближающиеся прусские полки. По ночам над холодно сверкающей в лунном свете рекой ветер несет с того берега сигналы вражеского горна, бряцанье оружия, грохот пушечных лафетов. И каждый знает: единое слово, один королевский декрет - и жерла прусских орудий извергнут гром и пламя, и возобновится тысячелетняя борьба Германии с Францией, на сей раз во имя новой свободы, с одной стороны; и во имя сохранения старого порядка - с другой.

И потому столь знаменателен день 25 апреля 1792 года, когда военная эстафета доставила из Парижа в Страсбург сообщение о том, что Франция объявила войну. Тотчас же из всех домов и переулков хлынули потоки возбужденных людей; торжественно, полк за полком, проследовал для последнего смотра на главную площадь весь городской гарнизон. Там его ожидает уже мэр Страсбурга Дитрих с трехцветной перевязью через плечо и трехцветной кокардой на шляпе, которой он размахивает, приветствуя дефилирующие войска. Фанфары и барабанная дробь призывают к тишине, и Дитрих громко зачитывает составленную на французском и немецком языках декларацию, он читает ее на всех площадях. И едва умолкают последние слова, полковой оркестр играет первый из маршей революции - Карманьолу. Это, собственно, даже не марш, а задорная, вызывающе-насмешливая танцевальная песенка, но мерный звякающий шаг придает ей ритм походного марша. Толпа снова растекается по домам и переулкам, повсюду разнося охвативший ее энтузиазм; в кафе, в клубах произносят зажигательные речи и раздают прокламации. "К оружию, граждане! Вперед, сыны отчизны! Мы никогда не склоним выи!" Такими и подобными призывами начинаются все речи и прокламации, и повсюду, во всех речах, во всех газетах, на всех плакатах, устами всех граждан повторяются эти боевые, звучные лозунги:

"К оружию, граждане! Дрожите, коронованные тираны! Вперед, свобода дорогая!" И слыша эти пламенные слова, ликующие толпы снова и снова подхватывают их.

При объявлении войны на площадях и улицах всегда ликует толпа; но в эти нее часы всеобщего ликования слышны и другие, осторожные голоса; объявление войны пробуждает страх и заботу, которые, однако, притаились в робком молчании либо шепчут чуть слышно по темным углам. Всегда и повсюду есть матери; а не убьют ли чужие солдаты моего сына?

- думают они; везде есть крестьяне, которым дороги их домишки, земля, имущество, скот, урожай; так не будут ли их жилища разграблены, а нивы истоптаны озверелыми полчищами? Не будут ли напитаны кровью их пашни? Но мэр города Страсбурга, барон Фридрих Дитрих, хотя он и аристократ, как лучшие представители французской аристократии, всей душою предан делу новой свободы; он желает слышать лишь громкие, уверенно звучащие голоса надежды, и потому он превращает день объявления войны в народный праздник. С трехцветной перевязью через плечо спешит он с собрания на собрание, воодушевляя народ. Он приказывает раздать выступающим в поход солдатам вино и дополнительные пайки, а вечером устраивает в своем просторном особняке на Плас де Бройльи прощальный вечер для генералов, офицеров и высших административных лиц, и царящее на нем воодушевление заранее превращает его в празднество победы. Генералы, как вообще все генералы на свете, твердо уверены в том, что победят; они играют на этом вечере роль почетных председателей, а молодые офицеры, которые видят в войне весь смысл своей жизни, свободно делятся мнениями, так и подзадоривая друг друга. Они размахивают шпагами, обнимаются, провозглашают тосты и, подогретые добрым вином, произносят все более и более пылкие речи. И в речах этих вновь повторяются зажигательные лозунги газет и прокламаций: "К оружию, граждане! Вперед, плечом к плечу! Пусть дрожат коронованные тираны, пронесем наши знамена над Европой! Священна к родине любовь!" Весь народ, вся страна, сплоченная верой в победу, общим стремлением бороться за свободу, жаждет в такие моменты слиться воедино.

И вот в разгар речей и тостов барон Дитрих обращается к сидящему возле него молоденькому капитану инженерных войск по имени Руже. Он вспомнил, что этот славный - не то чтобы красавец, но весьма симпатичный офицерик - полгода тому назад написал в честь провозглашения конституции неплохой гимн свободе, тогда же переложенный для оркестра полковым музыкантом Плейелем. Вещица оказалась мелодичной, военная хоровая капелла разучила ее, и она была успешно исполнена в сопровождении оркестра на главной площади города. Не устроить ли такое же торжество и по случаю объявления войны и выступления войск в поход? Барон Дитрих небрежным тоном, как обычно

просят добрых знакомых о каком-нибудь пустячном одолжении, спрашивает капитана Руже (кстати говоря, этот капитан без каких бы то ни было оснований присвоил дворянский титул и носит фамилию Руже де Лиль), не воспользуется ли он патриотическим подъемом, чтобы сочинить походную песню для Рейнской армии, которая завтра уходит сражаться с врагом.

Руже - маленький, скромный человек он: никогда не мнил себя великим художником - стихи его никто не печатает, а оперы отвергают все театры, но он знает, что стихи на случай ему удаются. Желая угодить высокому должностному лицу и другу, он соглашается. Хорошо, он попробует. - Bravo, Руже! - Сидящий напротив генерал пьет за его здоровье и велит, как только песня будет готова, тотчас же прислать ее на поле сражения - пусть это будет что-нибудь вроде окрыляющего шаг патриотического марша. Рейнской армии в самом деле нужна такая песня. Между тем кто-то уже произносит новую речь. Снова тосты, звон бокалов, шум. Могучая волна всеобщего воодушевления поглотила случайный краткий разговор. Все восторженней и громче звучат голоса, все более бурной становится пирушка, и лишь далеко за полночь покидают гости дом мэра.

Глубокая ночь. Кончился столь знаменательный для Страсбурга день 25 апреля, день объявления войны, - вернее, уже наступило 26 апреля. Все дома окутаны мраком, но мрак обманчив - в нем нет ночного покоя, город возбужден. Солдаты в казармах готовятся к походу, а во многих домах с закрытыми ставнями более осторожные из граждан, быть может, уже собирают пожитки, готовясь к бегству. По улицам маршируют взводы пехотинцев; то проскачет, цокая копытами, конный вестовой, то прогрохочут по мостовой пушки, и все время раздается монотонная переключка часовых. Враг слишком близок: слишком взволнована и встревожена душа города, чтобы он мог уснуть в столь решающие мгновения.

Необычайно взволнован и Руже, добравшийся наконец по винтовой лестнице до скромной своей комнатухи в доме 126 на Гранд Рю. Он не забыл обещания поскорей сочинить для Рейнской армии походный марш. Он беспокойно расхаживает из угла в угол по тесной комнате. Как начать? Как начать? В ушах его все еще звучит хаотическая смесь

пламенных воззваний, речей, тостов. "К оружию, граждане!.. Вперед, сыны свободы!.. Раздавим черную силу тирании!.." Но вспоминаются ему и другие, подслушанные мимоходом слова: то голоса женщин, дрожащих за жизнь сыновей, голоса крестьян, боящихся, что поля их будут растоптаны вражескими полчищами и политы кровью. Он берет перо и почти бессознательно записывает первые две строки; это лишь отзвук, эхо, повторение слышанных им воззваний:

Вперед, сыны отчизны милой!

Мгновенье славы настает!

Он перечитывает и сам удивляется: как раз то, что нужно. Начало есть. Теперь подобрать бы подходящий ритм, мелодию. Руже вынимает из шкафа скрипку и проводит смычком по струнам. И - о чудо! - с первых же тактов ему удается найти мотив. Он снова хватается за перо и пишет, увлекаемый все дальше какой-то внезапно овладевшей им неведомой силой. И вдруг все приходит в гармонию: все порожденные этим днем чувства, все слышанные на улице и банкете слова, ненависть к тиранам, тревога за родину, вера в победу, любовь к свободе. Ему даже не приходится сочинять, придумывать, он лишь рифмует, облекает в ритм мелодии переходившие сегодня, в этот знаменательный день, из уст в уста слова, и он выразил, пропел, рассказал в своей песне все, что перечувствовал в тот день весь французский народ. Не надо ему сочинять и мелодию, сквозь закрытые ставни в комнату проникает ритм улицы, ритм этой тревожной ночи, гневный и вызывающий; его отбивают шаги марширующих солдат, грохот пушечных лафетов. Быть может, и слышит-то его не сам он, Руже, чутким своим слухом, а дух времени, на одну только ночь вселившийся в брентную оболочку человека, ловит этот ритм. Все покорнее подчиняется мелодия ликующему и словно молотом отбиваемому такту, который выстукивает сердце всего французского народа. Словно под чью-то диктовку, поспешнее и поспешнее записывает Руже слова и ноты - он охвачен бурным порывом, какого доселе не ведала его мелкая мещанская душа. Вся экзальтация, все вдохновение, не присущие ему, нет, а лишь чудесно завладевшие его душой, сосредоточились в единой точке и могучим взрывом вознесли жалкого дилетанта на колоссальную высоту над его скромным дарованием, словно яркую, сверкающую ракету метнули до самых звезд. На одну только ночь суждено капитану Руже

де Лилю стать братом бессмертных; первые две строки песни, составленные из готовых фраз, из лозунгов, почерпнутых на улице и в газетах, дают толчок творческой мысли, и вот появляется строфа, слова которой столь же вечны и непреходящи, как и мелодия:

Вперед, плечом к плечу шагая!

Священна к родине любовь.

Вперед, свобода дорогая,

Одушевляй нас вновь и вновь.

Еще несколько строк - и бессмертная песня, рожденная единым порывом вдохновения, в совершенстве сочетающая слова и мелодию, закончена до рассвета. Руже гасит свечу и бросается на постель. Какая-то сила, он и сам не знает какая, вознесла его до неведомых ему высот духовного озарения, а теперь та же сила повергла в тупое изнеможение. Он спит непробудным сном, похожим на смерть. Да так оно и есть: в нем снова умер творец, поэт, гений. Но зато на столе, целиком отделившись от спящего, который создал в порыве истинно святого вдохновения это чудо, лежит законченный труд. Едва ли за всю долгую историю человечества был другой случай, когда бы слова и звуки столь же быстро и одновременно стали песней.

Но вот колокола древнего собора возвещают, как и всегда, наступление утра. Время от времени ветер доносит с того берега Рейна звуки залпов - началась первая перестрелка. Руже просыпается, с трудом выбираясь из глубин мертвого сна. Он смутно чувствует: что-то произошло, произошло с ним, оставив по себе только слабое воспоминание. И вдруг он замечает на столе исписанный листок. Стихи? Но когда же я их сочинил? Музыка? Ноты, набросанные моей рукой? Но когда же я это написал? Ах, да! Обещанная вчера другу Дитриху походная песня для Рейнской армии! Руже пробегает глазами стихи, мычит про себя мотив. Но, как всякий автор только что созданного произведения, чувствует лишь полную неуверенность. Рядом с ним живет его товарищ по полку. Руже спешит показать и спеть ему свою песню. Тому нравится, он предлагает лишь несколько небольших поправок. Эта первая похвала вселяет в Руже уверенность. Сгорая от авторского нетерпения и гордясь, что так быстро выполнил обещанное, он мчится к мэру и застаёт Дитриха на утренней прогулке; расхаживая по саду, он сочиняет новую речь.

Как! Уже готово? Ну что ж, послушаем. Оба идут в гостиную; Дитрих садится за клавесин, Руже поет. Привлеченная необычной в столь ранний час музыкой, приходит супруга мэра. Она обещает переписать песенку, размножить ее и, как истая музыкантша, вызывается написать аккомпанемент, чтобы сегодня же вечером можно было исполнить эту новую песню, вместе со многими другими, перед друзьями дома. Мэр, который гордится своим довольно приятным тенорком, берется выучить ее наизусть; и вот 26 апреля, то есть вечером того же дня, на заре которого были написаны слова и музыка песни, она впервые исполняется в гостиной мэра города Страсбурга перед случайными слушателями.

Вероятно, слушатели дружески аплодировали автору и не скупились на любезные комплименты. Но, разумеется, ни у кого из гостей особняка на главной площади Страсбурга не мелькнуло даже малейшего предчувствия, что в их бренный мир впорхнула на незримых крылах бессмертная мелодия. Редко случается, чтобы современники великих людей и великих творений сразу же постигали все их значение; примером может служить письмо супруги мэра своему брату, где это свершившееся чудо гениальности низведено до уровня банального эпизода из светской жизни:

"Ты же знаешь, мы часто принимаем гостей, и поэтому, чтобы внести разнообразие в наши вечера, вечно приходится что-то придумывать. Вот мужу и пришла мысль заказать песню по случаю объявления войны. Некий Руже де Лиль, капитан инженерного корпуса, славный молодой человек, поэт и композитор, очень быстро сочинил слова и музыку походной песни. Муле, у которого приятный тенор, тут же спел ее, песенка очень мила, в ней есть что-то своеобразное. Это Глюк, только гораздо лучше и живее. Пригодился и мой талант: я сделала оркестровку и написала партитуру для клавира и других инструментов, так что на мою долю выпало немало труда. Вечером песня была исполнена у нас в гостиной к большому удовольствию всех присутствующих".

"К большому удовольствию всех присутствующих" - каким холодом дышат для нас эти слова! Но ведь при первом исполнении Марсельеза и не могла возбудить иных чувств, кроме дружеского сочувствия и одобрения, ибо она не могла еще предстать во всей своей силе. Марсельеза не камерное произведение для приятного тенора и предназначена отнюдь не для того, чтобы исполняться в провинциальной

гостиной одним-единственным певцом между какой-нибудь итальянской арией и романсом. Песня, волнующий, упругий и ударный ритм которой рожден призывом:

"К оружию, граждане!" - обращение к народу, к толпе, и единственный достойный ее аккомпанемент - звон оружия, звуки фанфар и поступь марширующих полков. Не для равнодушных, удобно расположившихся гостей создана эта песня, а для единомышленников, для товарищей по борьбе. И петь ее должен не одинокий голос, тенор или сопрано, а тысячи людских голосов, ибо это походный марш, гимн победы, похоронный марш, песнь отчизны, национальный гимн целого народа. Всю эту многообразную, вдохновляющую силу зажжет в песне Руже де Лиля вдохновение, подобное тому, что породило ее. А пока ее слова и мелодия, в их волшебном созвучии, не проникли еще в душу нации; армия не познала еще в ней своего походного марша, песни победы, а революция - бессмертного пеона, гимна своей славы.

Да и сам Руже де Лиль, с которым произошло это чудо, не больше других понимает значение того, что он создал в лунатическом состоянии под чарами некоего изменчивого духа. Этот симпатичный дилетант от души рад аплодисментам и любезным похвалам. С мелким тщеславием маленького человека он стремится до конца использовать свой маленький успех в маленьком провинциальном кругу. Он поет новую песню своим друзьям в кофейнях, заказывает с нее рукописные копии и посылает их генералам Рейнской армии. Тем временем по приказу мэра и рекомендациям военного начальства страсбургский полковой оркестр Национальной гвардии разучивает "Походную песню Рейнской армии", и четыре дня спустя, при выступлении войск, исполняет ее на главной площади города. Патриотически настроенный издатель вызывается напечатать ее, и она выходит с почтительным посвящением Руже де Лиля его начальнику, генералу Люкнеру. Никто из генералов и не думает, однако, вводить у себя при походе новый марш: очевидно, и этой песне Руже де Лиля, подобно всем предшествующим ей произведениям, суждено ограничиться салонным успехом одного вечера, остаться эпизодом провинциальной жизни, обреченным на скорое забвение.

Но никогда живая сила, вложенная в творение мастера, не даст надолго упрятать себя под замок. Творение могут на время забыть, оно

может быть запрещено, даже похоронено, и все же стихийная сила, живущая в нем, одержит победу над преходящим. Месяц, два месяца о "Походной песне Рейнской армии" ни слуху ни духу. Печатные и рукописные экземпляры ее валяются где-нибудь или ходят по рукам равнодушных людей. Но достаточно и того, если вдохновенный труд воодушевит хотя бы одного-единственного человека, ибо подлинное воодушевление всегда плодотворно. 22 июня на противоположном конце Франции, в Марселе, клуб "Друзей конституции" дает банкет в честь выступающих в поход добровольцев. За длинными столами сидят пятьсот пылких юношей в новеньких мундирах Национальной гвардии. Здесь царит то же лихорадочное оживление, что и на пирушке в Страсбурге 25 апреля, но еще более страстное и бурное благодаря южному темпераменту марсельцев и вместе с тем не столь крикливо победоносное, как тогда, в первые часы по объявлении войны. Ибо, вопреки хвастливым заверениям генералов, что французские революционные войска легко переправятся через Рейн и повсюду будут встречены с распростертыми объятиями, этого отнюдь не произошло. Напротив, неприятель глубоко вклинился в пределы Франции, он угрожает ее независимости, свобода в опасности.

В разгар банкета один из юношей - имя его Мирер, он студент-медик университета в Монпелье - стучит по своему бокалу и встает. Все умолкают и глядят на него, ожидая речи, тоста. Но вместо этого юноша, подняв руку, запекает песню, какую-то совсем новую, незнакомую им и неведомо как попавшую в его руки песню, которая начинается словами: "Вперед, сыны отчизны милой!" И вдруг, словно искра попала в бочку с порохом, вспыхнуло пламя: чувство соприкоснулось с чувством - извечные полюсы человеческой воли. Все эти выступающие завтра в поход юноши жаждут сразиться за дело свободы, готовы умереть за отечество; в словах песни они слышали выражение своих самых заветных желаний, самых сокровенных дум; ее ритм неудержимо захватывает их единым восторженным порывом воодушевления. Каждая строфа сопровождается ликующими возгласами, песня исполняется еще раз, все уже запомнили ее мотив и, повскакав с мест, с поднятыми бокалами громовыми голосами вторят припеву: "К оружию, граждане! Ровняй военный строй!" На улице под окнами собрались любопытные, желая послушать, что это здесь поют с таким воодушевлением, и вот они тоже подхватывают припев, а на

другой день песню распевают уже десятки тысяч людей. Она печатается новым изданием, и когда 2 июля пятьсот добровольцев покидают Марсель, вместе с ними выходит оттуда и песня. Отныне всякий раз, когда люди устанут шагать по большим дорогам и силы их начнут сдавать, стоит кому-нибудь затянуть новый гимн, и его бодрящий, подхлестывающий ритм придает шагающим новую энергию. Когда они проходят по деревне и отовсюду сбегаются крестьяне поглазеть на солдат, марсельские добровольцы запевают ее дружным хором. Это их песня: не зная, кем и когда она была написана, не зная и того, что она предназначалась для Рейнской армии, они сделали ее гимном своего батальона. Она их боевое знамя, знамя их жизни и смерти, в своем неудержимом стремлении вперед они жаждут пронести ее над миром.

Париж - вот первая победа Марсельезы, ибо так будет вскоре называться гимн, сочиненный Руже де Лилем. 30 июля батальон марсельских добровольцев со своим знаменем и песней шагает по предместьям города. На улицах толпятся тысячи и тысячи парижан, желая оказать солдатам почетную встречу; и когда пятьсот человек, маршируя по городу, дружно, в один голос поют в такт своим шагам песню, толпа настораживается. Что это за песня? Какая чудесная, окрыляющая шаг мелодия! Какой торжественный, точно звуки фанфар, припев: "К оружию, граждане!" Эти слова, сопровождаемые раскатистой барабанной дробью, проникают во все сердца! Через два-три часа их поют уже во всех концах Парижа. Забыта Карманьола, забыты все истасканные куплеты и старые марши. Революция обрела в Марсельезе свой голос, и революция приняла ее как свой гимн.

Победоносное шествие Марсельезы неудержимо, оно подобно лавине. Ее поют на банкетах, в клубах, в театрах и даже в церквях после Те Деум, а вскоре и вместо этого псалма. Каких-нибудь два-три месяца, и Марсельеза становится гимном целого народа, походной песней всей армии. Серван, первый военный министр французской республики, сумел почувствовать огромную окрыляющую силу этой единственной в своем роде национальной походной песни. Он издает приказ срочно разослать сто тысяч экземпляров Марсельезы по всем музыкантским командам, и два-три дня спустя песня безвестного автора получает более широкую известность, чем все произведения Расина, Мольера и Вольтера. Ни одно

торжество не заканчивается без Марсельезы, ни одна битва не начинается, прежде чем полковой оркестр не проиграет этот марш свободы. В сражениях при Жемаппе и Нервиндене под его звуки строятся для атаки французские войска, и вражеские генералы, подбадривающие своих солдат по старому рецепту двойной порцией водки, с ужасом видят, что им нечего противопоставить всеокрушающей силе этой "страшной" песни, которая, когда ее хором поют тысячи голосов, буйной и гулкой волной бьет по рядам их солдат. Всюду, где сражается Франция, парит Марсельеза, подобно крылатой Нике, богине победы, увлекая на смертный бой бесчисленное множество людей.

А между тем в маленьком гарнизоне Хюнинга сидит никому на свете не известный капитан инженерных войск Руже де Лиль, прилежно вычерчивая планы траншей и укреплений. Быть может, он успел уже и забыть "Походную песню Рейнской армии", созданную им в ту давно минувшую ночь на 26 апреля 1792 года; по крайней мере когда он читает в газетах о новом гимне, о новой походной песне, покорившей Париж, ему и в голову не приходит, что эта победоносная "Песня марсельцев", каждый ее такт, каждое слово ее и есть то самое чудо, которое совершилось в нем, произошло с ним далекой апрельской ночью.

Злая насмешка судьбы: эта до небес звучащая, к звездам возносящая мелодия не вздымает на своих крыльях единственного человека - именно того, кто ее создал. Никто в целой Франции и не думает о капитане инженерных войск Руже де Лиле, и вся огромная, небывалая для песни слава достается самой песне: даже слабая тень ее не падает на автора. Имя его не печатается на текстах Марсельезы, и сильные мира сего, верно, так и не вспомнили бы о нем, не возбудил он сам их враждебного к себе внимания. Ибо - и это гениальный парадокс, который может изобрести только история, - автор гимна революции вовсе не революционер; более того: он, как никто другой способствовавший своей бессмертной песней делу революции, готов отдать все свои силы, чтобы сдержать ее. И когда марсельцы и толпы парижан с его песней на устах громят Тюильри и свергают короля, Руже де Лиль отворачивается от революции. Он отказывается присягнуть Республике и предпочитает выйти в отставку, чем служить якобинцам. Он не желает вкладывать новый смысл в слова своей песни "свобода дорогая"; для него деятели Конвента то

же, что коронованные тираны по ту сторону границы. Когда по приказу Комитета общественного спасения ведут на гильотину его друга и крестного отца Марсельезы, мэра Дитриха, генерала Люкнера, которому она посвящена, и всех офицеров-дворян, бывших первыми ее слушателями, Руже дает волю своему озлоблению; и вот - ирония судьбы! - певца революции бросают в тюрьму как контрреволюционера, судят его за измену родине. И только 9 термидора, когда с падением Робеспьера распахнулись двери темниц, спасло французскую революцию от нелепости - отправить под "национальную бритву" [Имеется в виду гильотина] творца своей бессмертной песни.

И все же то была бы героическая смерть, а не прозябание в полной неизвестности, на которое он обречен отныне. Больше чем на сорок лет, на тысячи и тысячи долгих дней суждено злополучному Руже пережить свой единственный в жизни подлинно творческий час. У него отняли мундир, лишили его пенсии; стихи, оперы, пьесы, которые он пишет, никто не печатает, их нигде не ставят. Судьба не прощает дилетанту его вторжения в ряды бессмертных; мелкому человеку приходится поддерживать свое мелкое существование всякого рода мелкими и далеко не всегда чистыми делишками. Карно и позднее Бонапарт пытаются из сострадания помочь ему. Однако с той злосчастной ночи что-то безнадежно надломилось в его душе; она отравлена чудовищной жестокостью случая, дозволившего ему три часа пробить гением, богом, а затем с презрением отшвырнувшего его к прежнему ничтожеству. Руже ссорится со всеми властями: Бонапарту, который хотел ему помочь, он пишет дерзкие патетические письма и во всеуслышание хвастает, что голосовал против него. Запутавшись в делах, Руже пускается на подозрительные спекуляции, попадает даже в долговую тюрьму Сент-Пелажи за неуплату по векселю. Всем досадивший, осаждаемый кредиторами, выслеживаемый полицией, он забирается под конец куда-то в провинциальную глушь и оттуда, точно из могилы, всеми покинутый и забытый, наблюдает за судьбой своей бессмертной песни. Ему довелось еще быть свидетелем того, как Марсельеза вместе с победоносными войсками Наполеона вихрем промчалась по всем странам Европы, после чего Наполеон, едва став императором, вычеркнул эту песню, как слишком революционную, из программ всех официальных торжеств, а после

Реставрации Бурбоны и совсем запретили ее. И когда по прошествии целого человеческого века, в июльскую революцию 1830 года, слова и мелодия песни со всей былой силой вновь прозвучали на баррикадах Парижа и король-буржуа Луи-Филипп пожаловал ее автору крохотную пенсию, озлобленный старик не испытывает уже ничего, кроме удивления. Заброшенному в своем одиночестве человеку кажется чудом, что о нем кто-то вдруг вспомнил; но и эта память недолговечна, и когда в 1836 году семидесятишестилетний старец умер в Шуази-ле-Руа, никто уже не помнил его имени.

И лишь во время мировой войны, когда Марсельеза, давно уже ставшая государственным гимном, вновь воинственно гремела на всех фронтах Франции, последовал приказ перенести прах маленького капитана Руже де Лиля в Дом Инвалидов и похоронить его рядом с прахом маленького капрала Бонапарта, наконец-то неведомый миру творец бессмертной песни мог отдохнуть в усыпальнице славы своей родины от горького разочарования, что лишь единственную ночь довелось ему быть поэтом.

НЕВОЗВРАТИМОЕ МГНОВЕНИЕ

(Ватерлоо, 18 июня 1815 года)

Судьбу влечет к могущественным и властным. Годами она рабски покорствуется своему избраннику - Цезарю, Александру, Наполеону, ибо она любит природы стихийные, подобные ей самой - непостижимой стихии.

Но иногда - хотя во все эпохи лишь изредка - она вдруг по странной прихоти бросается в объятия посредственности. Иногда - и это самые поразительные мгновения в мировой истории - нить судьбы на одну-единственную трепетную минуту попадает в руки ничтожества. И эти люди обычно испытывают не радость, а страх перед ответственностью, вовлекающей их в героическую мировую игру, и почти всегда они выпускают из дрожащих рук нечаянно доставшуюся им судьбу. Мало кому из них дано схватиться за счастливый случай и возвеличить себя вместе с ним. Ибо лишь на миг великое снисходит до ничтожества, и кто упустит этот миг, для того он потерян безвозвратно.

ГРУШИ

В разгар балов, любовных интриг, козней и препирательств Венского конгресса словно пушечный выстрел грянула весть о том, что Наполеон

- плененный лев - вырвался из своей клетки на Эльбе; и уже летит эстафета за эстафетой: он занял Лион, изгнал короля, полки с развернутыми знаменами переходят на его сторону, он в Париже, в Тюильри - напрасна была победа под Лейпцигом, напрасны двадцать лет кровавой войны. Точно схваченные чьей-то когтистой лапой, сбиваются в кучу только что пререкавшиеся и ссорившиеся министры; спешно стягиваются английские, прусские, австрийские, русские войска, дабы вторично и окончательно сокрушить узурпатора; никогда еще Европа наследственных королей и императоров не была так единодушна, как в этот час смертельного испуга. С севера на Францию двинулся Веллингтон, ему на помощь идет прусская армия под предводительством Блюхера, на Рейне готовится к наступлению Шварценберг, и в качестве резерва медленно и тяжело шагают через Германию русские полки.

Наполеон единым взглядом охватывает грозящую ему опасность. Он знает, что нельзя ждать, пока соберется вся свора. Он должен их разъединить, должен напасть на каждого в отдельности - на пруссаков, англичан, австрийцев - раньше, чем они станут европейской армией и разгромят его империю. Он должен спешить, пока не поднялся ропот внутри страны; должен добиться победы раньше, чем республиканцы окрепнут и соединятся с роялистами, раньше, чем двуличный неуловимый Фуше в союзе с Талейраном - своим противником и двойником - вонзит ему нож в спину. Он должен, пользуясь воодушевлением, охватившим его армию, одним стремительным натиском разбить врагов. Каждый упущенный день означает урон, каждый час усугубляет опасность. И он немедленно бросает жребий войны на самое кровавое поле битвы Европы - в Бельгию. 15 июня в три часа утра авангард великой и ныне единственной наполеоновской армии переходит границу. 16-го, у Линьи, она отбрасывает прусскую армию. Это первый удар лапы вырвавшегося на свободу льва - сокрушительный, но не смертельный. Побежденная, но не уничтоженная прусская армия отходит к Брюсселю.

Наполеон готовит второй удар, на этот раз против Веллингтона. Ни минуты передышки не может он позволить ни себе, ни врагам, ибо день ото дня растут их силы, а страна позади него, обескровленный, ропщущий французский народ должен быть оглушен дурманом победных

сводок. Уже 17-го он подступает со всей своей армией к Катр-Бра, где укрепился холодный, расчетливый противник - Веллингтон. Никогда распоряжения Наполеона не были предусмотрительнее, его военные приказы яснее, чем в тот день: он не только готовится к атаке, он предвидит и опасность ее: разбитая им, но не уничтоженная армия Блюхера может соединиться с армией Веллингтона. Чтобы предотвратить это, он отделяет часть своей армии - она должна преследовать по пятам прусские войска и помешать им соединиться с англичанами.

Командование этой частью армии он вверяет маршалу Груши. Груши - человек заурядный, но храбрый, усердный, честный, надежный, испытанный в боях начальник кавалерии, но не больше, чем начальник кавалерии. Это не отважный, горячий предводитель конницы, как Мюрат, не стратег, как Сен-Сир и Бертье, не герой, как Ней. Его грудь не прикрыта кирасой, его имя не окружено легендой, в нем нет ни одной отличительной черты, которая принесла бы ему славу и законное место в героическом мифе наполеоновской эры; только злополучием своим, своей неудачей прославился он. Двадцать лет он сражался во всех битвах, от Испании до России, от Нидерландов до Италии, медленно поднимаясь от чина к чину, пока не достиг звания маршала, не без заслуг, но и без подвигов. Пули австрийцев, солнце Египта, кинжалы арабов, морозы России устранили с его пути предшественников: Дезе при Маренго, Клебера в Каире, Ланна при Ваграме; дорогу к высшему сану он не проложил себе сам - ее расчистили для него двадцать лет войны.

Что Груши не герой и не стратег, а только надежный, преданный, храбрый и рассудительный командир, - Наполеону хорошо известно. Но половина его маршалов в могиле, остальные не желают покидать свои поместья, по горло сытые войной, и он вынужден доверить посредственному полководцу решающее, ответственное дело.

17 июня в одиннадцать часов утра - назавтра после победы у Линьи, в канун Ватерлоо - Наполеон впервые поручает маршалу Груши самостоятельное командование. На одно мгновение, на один день скромный Груши покидает свое место в военной иерархии, чтобы войти в мировую историю. Только на один миг, но какой миг! Приказ Наполеона ясен. В то время как сам он поведет наступление на англичан, Груши с одной третьей армии должен преследовать пруссаков. На первый взгляд очень

несложное задание, четкое и прямое, но вместе с тем растяжимое и обоюдоострое, как меч. Ибо Груши вменяется в обязанность во время операции неукоснительно держать связь с главными силами армии.

Маршал нерешительно принимает поручение. Он не привык действовать самостоятельно; человек осторожный, без инициативы, он обретает уверенность лишь в тех случаях, когда гениальная зоркость императора указывает ему цель. Помимо того, он чувствует за спиной недовольство своих генералов и - кто знает?- быть может, зловещий шум крыльев надвигающейся судьбы. Только близость главной квартиры несколько успокаивает его: всего три часа форсированного марша отделяют его армию от армии императора.

Под проливным дождем Груши выступает. Медленно шагают его солдаты по вязкой, глинистой дороге вслед за пруссаками или - по крайней мере - по тому направлению, где они предполагают найти войска Блюхера.

НОЧЬ В КАЙУ

Северный дождь льет беспрерывно. Словно промокшее стадо, подходят в темноте солдаты Наполеона, таща на подошвах фунта по два грязи; нигде нет пристанища - ни дома, ни крова. Солома так отсырела, что не ляжешь на нее, поэтому солдаты спят сидя, прижимаясь спинами друг к другу, по десять - пятнадцать человек, под проливным дождем. Нет отдыха и императору. Лихорадочное возбуждение гонит его с места на место; рекогносцировкам мешает непроглядное ненастье, лазутчики приносят лишь путаные сообщения. Он еще не знает, примет ли Веллингтон бой; нет также известий о прусской армии от Груши. И в час ночи, пренебрегая хлещущим ливнем, он сам идет вдоль аванпостов, приближаясь на расстояние пушечного выстрела к английским бивакам, где то тут, то там светятся в тумане тусклые дымные огоньки, и составляет план сражения. Лишь на рассвете возвращается он в Кайу, в свою убогую штаб-квартиру, где находит первые депеши Груши: смутные сведения об отступающих пруссаках, но вместе с тем и успокоительное обещание продолжать погоню. Постепенно дождь стихает. Император нетерпеливо шагает из угла в угол, поглядывая в окно на желтеющие дали, - не прояснился ли наконец горизонт, не настало ли время принять решение.

В пять часов утра - дождь уже прекратился - все сомнения рассеиваются. Он отдает приказ: к девяти часам всей армии построиться

и быть готовой к атаке. Ординарцы скачут по всем направлениям. Уже барабаны бьют сбор. И только после этого Наполеон бросается на походную кровать для двухчасового сна.

УТРО В ВАТЕРЛОО

Девять часов утра. Но еще не все полки в сборе. Размякшая от трехдневного ливня земля затрудняет передвижение и задерживает подходящую артиллерию. Дует резкий ветер, лишь постепенно проглядывает солнце; но это не солнце Аустерлица, яркое, лучистое, сулящее счастье, а лишь уныло мерцающий северный отсвет. Наконец полки построены, и перед началом битвы Наполеон еще раз верхом на своей белой кобыле объезжает фронт. Орлы на знаменах склоняются, словно под буйным ветром, кавалеристы воинственно взмахивают саблями, пехота в знак приветствия подымает на штыках свои медвежьи шапки. Исступленно гремят барабаны, неистово-радостно встречают полководца трубы, но весь этот фейерверк звуков покрывает раскатистый, дружный, ликующий крик семидесятитысячной армии: "Vive l'Empereur!" [Да здравствует император! (франц.)]

Ни один парад за все двадцать лет правления Наполеона не был величественнее и торжественнее этого - последнего - смотра. Едва утихли крики, в одиннадцать часов - с опозданием на два часа, роковым опозданием, - канонирам отдан приказ бить картечью по красным мундирам у подножия холма. И вот Ней, "храбрейший из храбрых", двинул вперед пехоту. Настал решающий час для Наполеона. Несчетное число раз описана эта битва, и все же не устаешь следить за ее перипетиями, перечитывая рассказ о ней Вальтер Скотта или описание отдельных эпизодов у Стендаля. Она равно знаменательна и многообразна, откуда ни смотреть на нее - издали или вблизи, с генеральского холмика или кирасирского седла. Эта битва - шедевр драматического нагнетания с непрерывной сменой страхов и надежд, с развязкой, в которой все разрешается конечной катастрофой, образец истинной трагедии, ибо здесь судьба героя предопределила судьбы Европы, и фантастический фейерверк наполеоновской эпопеи, прежде чем навеки угаснуть, низвергаясь с высоты, еще раз ракетой взвился к небесам.

С одиннадцати до часу французские полки штурмуют высоты, занимают деревни и позиции, снова отступают и снова идут в атаку. Уже десять

тысяч тел покрывают глинистую мокрую землю холмистой местности, но еще ничего не достигнуто, кроме изнеможения, ни той, ни другой стороной. Обе армии утомлены, оба главнокомандующих встревожены. Оба знают, что победит тот, кто первый получит подкрепление - Веллингтон от Блюхера, Наполеон от Груши. Наполеон то и дело хватается за подзорную трубу, посылает ординарцев; если его маршал подоспеет вовремя, над Францией еще раз засияет солнце Аустерлица

ОШИБКА ГРУШИ

Груши, невольный вершитель судьбы Наполеона, по его приказу накануне вечером выступил в указанном направлении. Дождь перестал. Беззаботно, словно в мирной стране, шагают роты, вчера впервые понюхавшие пороха; все еще не видно неприятеля, нет и следа разбитой прусской армии.

Вдруг, в то время как маршал наскоро завтракает в фермерском доме, земля слегка сотрясается под ногами. Все прислушиваются. Снова и снова, глухо и уже замирая, докатывается грохот: это пушки, далекий орудейный огонь, впрочем, не такой и далекий, самое большее - на расстоянии трехчасового перехода. Несколько офицеров по обычаю индейцев приникают ухом к земле, чтобы уловить направление. Непрерывно доносится глухой далекий гул. Это канонада у Мон-Сен-Жана, начало Ватерлоо. Груши созывает совет. Горячо, пламенно требует Жерар, его помощник: "Il faut marcher au canon" - вперед, к месту огня! Другой офицер его поддерживает: туда, скорее туда! Все понимают, что император столкнулся с англичанами и ожесточенный бой в разгаре. Груши колеблется. Приученный к повиновению, он боязливо придерживается предначертаний, приказа императора - преследовать отступающих пруссаков. Жерар выходит из себя, видя нерешительность маршала: "Marchez au canon!" [Идите к месту огня! (франц.)] - командой, не просьбой звучит это требование подчиненного в присутствии двадцати человек - военных и штатских. Груши недоволен. Он повторяет более резко и строго, что обязан в точности выполнять свой долг, пока император сам не изменит приказа. Офицеры разочарованы, и пушки грохочут среди гневного молчания.

Жерар делает последнюю отчаянную попытку: он умоляет разрешить ему хотя бы с одной дивизией и горсточкой кавалерии двинуться к полю

битвы и обязуется своевременно быть на месте. Груши задумывается. Он думает одну лишь секунду.

РЕШАЮЩЕЕ МГНОВЕНИЕ В МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Одну секунду думает Груши, и эта секунда решает его судьбу, судьбу Наполеона и всего мира. Она предопределяет, эта единственная секунда на ферме в Вальгейме, весь ход девятнадцатого века; и вот - залог бессмертия - она медлит на устах очень честного и столь же заурядного человека, зримо и явственно трепещет в руках его, нервно комкающих злополучный приказ императора. Если бы у Груши хватило мужества, если бы он посмел ослушаться приказа, если бы он поверил в себя и в явную, насущную необходимость, - Франция была бы спасена. Но человек подначальный всегда следует предписаниям и не повинуется зову судьбы.

Груши энергично отвергает предложение. Нет, недопустимо еще дробить такую маленькую армию. Его задача - преследовать пруссаков, и только. Он отказывается действовать вопреки полученному приказу. Недовольные офицеры безмолвствуют. Вокруг Груши воцаряется тишина. И в этой тишине безвозвратно уходит то, чего не вернут уж ни слова, ни деяния, - уходит решающее мгновение. Победа осталась за Веллингтоном.

И полки шагают дальше. Жерар, Вандам гневно сжимают кулаки. Груши встревожен и час от часу теряет уверенность, ибо - странно! - пруссаков все еще не видно, ясно, что они свернули с брюссельской дороги. Вскоре разведчики приносят подозрительные вести: по всей видимости, отступление пруссаков обратилось в фланговый марш к полю битвы. Еще есть время прийти на помощь императору, и все нетерпеливее ждет Груши приказа вернуться. Но приказа нет. Только все глуше грохочет над содрогающейся землей далекая канонада - железный жребий Ватерлоо.

ПОСЛЕ ПОЛУДНЯ

Между тем уже час дня. Четыре атаки отброшены, но они заметно ослабили центр Веллингтона; Наполеон готовится к решительному штурму. Он приказывает усилить артиллерию у Бель-Альянса, и, прежде чем дым орудий протянет завесу между холмами, Наполеон бросает последний взгляд на поле битвы.

И вот на северо-востоке он замечает какую-то тень, которая словно

выползает из леса: свежие войска! Мгновенно все подзорные трубы обращаются в ту сторону: Груши ли это, смело преступивший приказ, чудом подоспел в решительную минуту? Нет, пленный сообщает, что это авангард генерала Блюхера, прусские полки. Впервые у императора мелькает догадка, что разбитая прусская армия избежала преследования и идет на соединение с англичанами, а треть его собственной армии без всякой пользы передвигается в пустом пространстве. Тотчас же он пишет Груши записку, приказывая, во что бы то ни стало держать связь и помешать вступлению в бой пруссаков.

В то же время маршал Ней получает приказ атаковать. Веллингтон должен быть опрокинут прежде, чем подойдут пруссаки: сейчас, когда столь внезапно и резко уменьшились шансы, нужно, не колеблясь, все поставить на карту. И вот в течение нескольких часов одна за другой следуют яростные атаки, все новые и новые пехотные части вступают в бой. Они занимают разрушенные селения, отступают, и снова людской вал с ожесточением кидается на уже потрепанные каре неприятеля. Но Веллингтон все еще держится, а от Груши все еще нет известий. "Где Груши? Где застрял Груши?" - в тревоге шепчет император, глядя на приближающийся авангард пруссаков. И его генералы начинают терять терпение. Решившись силой вырвать исход битвы, маршал Ней, действуя столь же дерзновенно и отважно, сколь неуверенно действовал Груши (три лошади уже убиты под ним), бросает сразу в огонь всю французскую кавалерию. Десять тысяч кирасиров и драгун скачут навстречу смерти, врезаются в каре, сминают ряды, косят орудейную прислугу. Правда, их отбрасывают, но сила английской армии иссякает, кулак, стиснувший укрепленные холмы, начинает разжиматься. И когда поредевшая французская кавалерия отступает перед ядрами, последний резерв Наполеона - старая гвардия - твердой и медленной поступью идет на штурм высот, обладание которыми знаменует судьбу Европы.

РАЗВЯЗКА

Весь день четыреста пушек гремят с той и другой стороны. На поле битвы топот коней сливается с залпами орудий, оглушительно бьют барабаны, земля сотрясается от грохота и гула. Но на возвышении, на обоих холмах, оба военачальника настороженно ловят сквозь шум сражения более тихие звуки.

Хронометры чуть слышно, как птичье сердце, тикают в руке императора и в руке Веллингтона; оба то и дело выхватывают часы и считают минуты и секунды, поджидая последнюю, решающую помощь. Веллингтон знает, что Блюхер подходит, Наполеон надеется на Груши. Оба они исчерпали свои резервы, и победит тот, кто первым получит подкрепление. Оба смотрят в подзорную трубу на лесную опушку, где, словно легкое облако, маячит прусский авангард. Передовые разъезды или сама армия, ушедшая от преследования Груши? Уже слабеет сопротивление англичан, но и французские войска устали. Тяжело переводя дыхание, как два борца, стоят противники друг против друга, собираясь с силами для последней схватки, которая решит исход борьбы.

И вот наконец со стороны леса доносится пальба - стреляют пушки, ружья: "Enfin Grouchy!" - наконец, Груши! Наполеон вздыхает с облегчением. Уверенный, что его флангу теперь ничто не угрожает, он стягивает остатки армии и снова атакует центр Веллингтона, дабы сбить британский засов, запирающий Брюссель, взломать ворота в Европу.

Но перестрелка оказалась ошибкой: пруссаки, введенные в заблуждение неанглийской формой, открыли огонь по ганноверцам; стрельба прекращается, и беспрепятственно широким и могучим потоком выходят из лесу прусские войска. Нет, это не Груши со своими полками, это приближается Блюхер и вместе с ним - неотвратимая развязка. Весть быстро распространяется среди императорских полков, они начинают отступать - пока еще в сносном порядке. Но Веллингтон чувствует, что настала критическая минута. Он выезжает верхом на самый край столь яростно защищаемого холма, снимает шляпу и машет ею над головой, указывая на отступающего врага. Его войска тотчас понимают смысл этого торжествующего жеста. Дружно поднимаются остатки английских полков и бросаются на французов. В то же время с фланга на усталую, поредевшую армию налетает прусская кавалерия. Раздается крик, убийственное "Спасайся, кто может!". Еще несколько минут - и великая армия превращается в неудержимый, гонимый страхом поток, который все и вся, даже Наполеона, увлекает за собой. Словно в податливую воду, не встречая сопротивления, бросается неприятельская конница в этот быстро откатывающийся и широко разлившийся поток; из пены панических воплей выуживают карету Наполеона, войсковую казну и всю артиллерию;

только наступление темноты спасает императору жизнь и свободу. Но тот, кто в полночь, забрызганный грязью, обессиленный, падает на стул в убогом деревенском трактире, - уже не император. Конец империи, его династии, его судьбе; нерешительность маленького, ограниченного человека разрушила то, что храбрейший, прозорливейший из людей создал за двадцать героических лет.

ВОЗВРАТ В ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

Не успела английская атака разгромить армию Наполеона, как некто, доселе почти безымянный, уже мчится в экстренной почтовой карете по брюссельской дороге, из Брюсселя к морю, где его ждет корабль. Он прибывает в Лондон раньше правительственных курьеров и, пользуясь тем, что вести до столицы еще не дошли, буквально взрывает биржу; этим гениальным ходом Ротшильд основывает новую империю, новую династию.

Назавтра вся Англия узнает о победе, а в Париже верный себе предатель Фуше - о поражении; над Брюсселем и Германией разносится победный колокольный звон.

Один лишь человек на другое утро еще ничего не знает о Ватерлоо, несмотря на то, что всего четырехчасовой переход отделяет его от места трагедии: злополучный Груши, который неуклонно выполняет приказ - преследовать пруссаков. Но как ни удивительно, пруссаков нигде нет, и это тревожит его. И все громче и громче гремят пушки, точно взывая о помощи. Все чувствуют, как дрожит под ними земля, и каждый выстрел отдается у них в сердце. Все знают: это не простая перестрелка - разгорелась гигантская, решающая битва. В угрюмом молчании едет Груши, окруженный своими офицерами. Они больше не спорят с ним: ведь он не внял их совету.

Наконец у Вавра они натываются на единственный прусский отряд - арьергард Блюхера, и это кажется им избавлением. Как одержимые, бросаются они на неприятельские траншеи - впереди всех Жерар; быть может, томимый мрачными предчувствиями, он ищет смерти. Пуля настигает его, он падает, раненный: тот, кто подымал голос протеста, умолк. К вечеру они занимают селение, но все догадываются, что эта маленькая победа уже бесполезна, ибо там, в той стороне, где поле битвы, внезапно все стихло. Наступила грозная, немая до ужаса, мирная

гробовая тишина. И все убеждаются, что грохот орудий был все же лучше, чем эта мучительная неизвестность. Битва, видимо, закончилась, битва при Ватерлоо, о которой Груши получает наконец (увы, слишком поздно!) известие вместе с требованием Наполеона идти на подкрепление. Она кончена, гигантская битва, но за кем осталась победа?

Они ждут всю ночь. Тщетно! Вестей нет, словно великая армия забыла о них, и они, никому не нужные, бессмысленно стоят здесь, в непроницаемом мраке. Утром они снимаются с бивака и снова шагают по дорогам, смертельно усталые и уже зная наверное, что все их передвижения потеряли всякий смысл. Наконец в десять часов утра навстречу скачет офицер из главного штаба. Ему помогают сойти с седла, забрасывают вопросами. Лицо офицера искажено отчаянием, взмокшие от пота волосы прилипли к вискам, его трясет от смертельной усталости, и он едва в состоянии пробормотать несколько невнятных слов, но этих слов никто не понимает, не может, не хочет понять. Его принимают за сумасшедшего, за пьяного, ибо он говорит, что нет больше императора, нет императорской армии, Франция погибла. Но мало-помалу от него добиваются подробных сведений, и все узнают сокрушительную, убийственную правду. Груши, бледный, дрожащий, стоит, опираясь на саблю; он знает, что для него началась жизнь мученика. Но он с твердостью берет на себя всю тяжесть вины. Нерешительный и робкий подчиненный, не умевший в те знаменательные мгновения разгадать великие судьбы, теперь, лицом к лицу с близкой опасностью, становится мужественным командиром, почти героем. Он тотчас собирает всех офицеров и, со слезами гнева и печали на глазах, в кратком обращении оправдывает свои колебания и вместе с тем горько сожалеет о них.

Молча слушают его те, кто вчера еще гневался на него. Каждый мог бы его обвинить, похваляясь, что предлагал другое, лучшее решение. Но никто не осмеливается, никто не хочет этого делать. Они молчат и молчат. Безмерная скорбь заградила им уста.

И вот в этот час, упустив решающую секунду, Груши с опозданием проявляет свой недюжинный талант военачальника. Все его достоинства - благоразумие, усердие, выдержка, исполнительность - обнаруживаются с той минуты, как он опять доверяет самому себе, а не букве приказа. Окруженный в пять раз превосходящими силами неприятеля, он блестящим

тактическим маневром сквозь гущу вражеских войск выводит свои полки, не потеряв ни единой пушки, ни единого солдата, и спасает для Франции, для империи остатки ее армии. Но нет императора, чтобы поблагодарить его, нет врага, чтобы бросить против них свои полки. Он опоздал, опоздал навеки. И хотя в дальнейшей жизни он возносится высоко, получает звание главнокомандующего и пэра Франции и в любой должности заслуживает всеобщее уважение твердостью и распорядительностью, ничто не может возместить ему той секунды, которая сделала его вершителем судьбы и которую он не сумел удержать.

Так страшно мстит за себя великое, неповторимое мгновение, лишь изредка выпадающее на долю смертного, если тот, кто призван по ошибке, отступает от него. Все мещанские добродетели - надежный щит от требований мирно текущих будней: осмотрительность, рвение, здравомыслие, - все они беспомощно тают в пламени одной-единственной решающей секунды, которая открывается только гению и в нем ищет свое воплощение. С презрением отталкивает она малодушного; лишь отважного возносит она огненной десницей до небес и причисляет к сонму героев.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Груши
Ночь в Кайу
Утро в Ватерлоо
Ошибка Груши
Решающее мгновение в мировой истории
После полудня
Развязка
Возврат в повседневность

ОТКРЫТИЕ ЭЛЬДОРАДО

(И.А.Зутер, Калифорния, январь 1848 года)

ЧЕЛОВЕК, КОТОРОМУ НАДОЕЛА ЕВРОПА

1834 год. Американский пароход держит путь из Гавра в Нью-Йорк. На борту среди сотен искателей приключений Иоганн Август Зутер; ему тридцать один год, он родом из Рюненберга, близ Базеля, и с нетерпением ждет той минуты, когда между ним и европейскими стражами закона ляжет океан. Банкрот, вор, аферист, он, недолго думая, бросил на произвол судьбы жену и троих детей, по подложному документу добыл

в Париже немного денег, и вот он уже на пути к новой жизни. 7 июля он высадился в Нью-Йорке и два года подряд занимался здесь чем придется: был упаковщиком, аптекарем, зубным врачом, торговцем всевозможными снадобьями, содержателем кабака. Наконец, несколько остепенившись, он открыл гостиницу, но вскоре продал ее и, следуя властному зову времени, отправился в Миссури. Там он стал земледельцем, сколотил за короткое время небольшое состояние и, казалось, мог бы уже зажить спокойно. Но мимо его дома бесконечной вереницей, торопясь куда-то, проходят люди - торговцы пушниной, охотники, солдаты, искатели приключений, - они идут с запада и уходят на запад, и это слово "запад" постепенно приобретает для него какую-то магическую силу. Сначала - это всем известно - простираются прерии, прерии, где пасутся огромные стада бизонов, прерии, по которым можно ехать дни и недели, не встретив ни души, лишь изредка промчатся краснокожие всадники; дальше начинаются горы, высокие, неприступные, и, наконец, та неведомая страна, Калифорния, о ней никто ничего точно не знает, а о сказочных богатствах ее рассказывают чудеса; там реки млека и меда к твоим услугам, только пожелай, - но до нее далеко, очень далеко, и добраться туда можно, лишь рискуя жизнью.

Но в жилах Иоганна Августа Зутера текла кровь авантюриста. Жить спокойно и возделывать свою землю! Нет, это не прельщало его. В 1837 году он распродал все свое добро, снарядил экспедицию - обзавелся фургонами, лошадьми, волами и, выехав из форта Индепенданс, пустился в Неведомое.

ПОХОД В КАЛИФОРНИЮ

1838 год. В фургоне, запряженном волами, по бесконечной пустынной равнине, по бескрайним степям и, наконец, через горы, навстречу Тихому океану, вместе с Зутером едут два офицера, пять миссионеров и три женщины. Через три месяца, в конце октября, они прибывают в форт Ванкувер. Офицеры покинули Зутера еще раньше, миссионеры дальше не едут, женщины умерли в пути от лишений.

Зутер остался один. Напрасно пытались удержать его здесь, в Ванкувере, напрасно предлагали ему службу; он не поддавался на уговоры, его неудержимо влекло магическое слово "Калифорния". На старом, разбитом паруснике он пересекает океан, направляется сначала к

Сандвичевым островам, а потом, с огромными трудностями миновав Аляску, высаживается на побережье, на забытом богом клочке земли, именуемом Сан-Франциско. Но это не тот Сан-Франциско - город с миллионным населением, невиданно разросшийся после землетрясения, каким мы его знаем сегодня. Нет, это было жалкое рыбацкое селение, названное так миссионерами-францисканцами, даже не столица той незнакомой мексиканской провинции - Калифорнии, забытой и заброшенной в одной из богатейших частей нового континента. Бесхозяйственность испанских колонизаторов сказывалась здесь во всем: не было твердой власти, то и дело вспыхивали восстания, не хватало рабочих, скота, недоставало энергичных, предприимчивых людей. Зутер нанимает лошадь и спускается в плодородную долину Сакраменто; ему достаточно было дня, чтобы убедиться в том, что здесь найдется место не только для фермы или большого ранчо, но и для целого королевства. Назавтра он является в Монтерей, в убогую столицу, представляется губернатору Альверато и излагает ему план освоения края: с ним приехало несколько полинезийцев с островов, и в дальнейшем по мере надобности он будет привозить их сюда, он готов устроить здесь поселение, основать колонию, которую он назовет Новой Гельвецией.

- Почему "Новой Гельвецией"? - спросил губернатор.

- Я швейцарец и республиканец, - ответил Зутер.

- Хорошо, делайте, что хотите, даю вам концессию на десять лет.

Вот видите, как быстро делались там дела. За тысячу миль от всякой цивилизации энергия отдельного человека значила много больше, чем в Старом Свете.

НОВАЯ ГЕЛЬВЕЦИЯ

1839 год. Вверх по берегу реки Сакраменто медленно тянется караван. Впереди верхом Иоганн Август Зутер с ружьем через плечо, за ним два-три европейца, потом сто пятьдесят полинезийцев в коротких рубашках, тридцать запряженных волами фургонов со съестными припасами, семенами, оружием, пятьдесят лошадей, сто пятьдесят мулов, коровы, овцы и, наконец, небольшой арьергард - вот и вся армия, которой предстоит завоевать Новую Гельвецию. Путь им расчищает гигантский огненный вал. Леса сжигают - это удобнее, чем вырубать их. И как только жадное пламя прокатилось по земле, они взялись за работу среди

еще дымящихся деревьев. Построили склады, вырыли колодцы, засеяли поля, которые не требовали вспашки, сделали загоны для несчетных стад. Из соседних мест, из покинутых миссионерами колоний постепенно прибывает пополнение.

Успех был гигантский. Первый же урожай сняли сам-шест. Амбары ломились от зерна, стада насчитывали уже тысячи голов, и, хотя подчас бывало трудно, - много сил отнимали походы против туземцев, снова и снова вторгавшихся в колонию, - Новая Гельвеция превратилась в цветущий уголок земли. Прокладываются каналы, строятся мельницы, открываются фактории, по рекам вверх и вниз снуют суда, Зутер снабжает не только Ванкувер и Сандвичевы острова, но и все суда, бросающие якорь у берегов Калифорнии. Он выращивает замечательные калифорнийские фрукты, которые славятся теперь во всем мире. Он выписывает виноградные лозы из Франции и с Рейна, они отлично принимаются здесь, и через несколько лет огромные пространства этой далекой земли покрылись виноградниками. Для себя он выстроил дом и благоустроенные фермы, его рояль марки Плейель проделал далекий стовосьмидесятидневный путь из Парижа, паровую машину из Нью-Йорка через весь континент везли шестьдесят волов. У него открытые счета в крупнейших банках Англии и Франции, и теперь, в сорок пять лет, на вершине славы, он вспоминает, что четырнадцать лет назад оставил где-то жену и трех сыновей. Он пишет им, зовет их к себе, в свое королевство, сейчас он чувствует силу в своих руках - он хозяин Новой Гельвеции, один из самых богатых людей на земле, - и так тому и быть. И, наконец, Соединенные Штаты отнимают у Мексики эту запущенную провинцию. Теперь уже все надежно и прочно. Еще несколько лет - и Зутер станет самым богатым человеком на свете.

РОКОВОЙ УДАР ЗАСТУПА

1848 год, январь. Неожиданно к Зутеру является Джемс Маршалл, его плотник. Вне себя от волнения он врывается в дом, - он должен сообщить Зутеру что-то очень важное. Зутер удивлен: только вчера он послал Маршалла на свою ферму в Колома, где строится новая лесопилка, и вот он вернулся без разрешения, стоит перед хозяином, не в силах унять дрожь, толкает его в комнату, запирает дверь и вытаскивает из кармана полную пригоршню песка - в ней блестят желтые зерна. Вчера,

копая землю, он увидел эти странные кусочки металла и решил, что это золото, но все остальные подняли его на смех. Зутер сразу настораживается, берет песок, промывает его; да, это золото, и он завтра же отправится с Маршаллом на ферму. А плотник - первая жертва лихорадки, которая охватит вскоре весь мир, - не дождался утра и ночью, под дождем, двинулся обратно.

На другой день полковник Зутер уже в Колома. Канал запрудили, стали исследовать песок. Достаточно наполнить грохот, слегка потрясти его, и блестящие крупы золота остаются на черной сетке. Зутер подзывает немногих бывших с ним европейцев, берет с них слово молчать, пока не будет построена лесопилка. В глубокой задумчивости возвращается он на свою ферму. Грандиозные замыслы рождаются в его уме. Еще никогда не бывало, чтобы золото давалось так легко, лежало так открыто, почти не прячась в земле, - и это его земля, Зутера! Казалось, десятилетие промелькнуло в одну ночь - и вот он самый богатый человек на свете.

ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

Самый богатый? Нет, самый бедный, самый обездоленный нищий на этом свете. Через неделю тайна стала известна. Одна женщина - всегда женщина! - поведала ее какому-то прохожему и дала ему несколько золотых зерен. И тут случилось неслыханное - люди Зутера тотчас же бросили работу: кузнецы бежали от своих наковален, пастухи от своих стад, виноградари от своих лоз, солдаты побросали ружья - все, словно одержимые, наспех ухватив грохоты, тазы, кинулись туда, к лесопилке, добывать золото. В одну ночь край обезлюдел. Коровы, которых некому доить,дохнут, быки ломают загоны, вытаптывают поля, где на корню гниют посевы, остановились сыроварни, рушатся амбары. Замер весь сложный механизм огромного хозяйства. Телеграфные провода разнесли манящую весть о золоте через моря и земли. И уже прибывают люди из городов и гаваней, матросы покидают корабли, чиновники - службу; бесконечными колоннами тянутся золотоискатели с запада и с востока, пешком, верхами и в фургонах - рой людской саранчи, охваченный золотой лихорадкой. Разнузданная, грубая орда, не признающая иного права, кроме права сильного, иной власти, кроме власти револьвера, захлестнула цветущую колонию. Все было их собственностью, никто не

осмеливался перечить этим разбойникам. Они резали коров Зутера, ломали его амбары и строили себе дома, вытаптывали его пашни, воровали его машины. В одну ночь Зутер стал нищим; он, как царь Мидас, захлебнулся своим собственным золотом.

И все неукротимее становится эта беспримерная погоня за золотом. Весть уже облетела весь свет; только из Нью-Йорка прибыло сто кораблей, из Германии, Англии, Франции, Испании в 1848, 1849, 1850, 1851 годах хлынули несметные полчища искателей приключений. Некоторые огибают мыс Горн, но нетерпеливым этот путь кажется слишком долгим, и они избирают более опасную дорогу - по суше, через Панамский перешеек. Одна предприимчивая компания спешно проводит там железную дорогу. Тысячи рабочих гибнут от лихорадки ради того, чтобы на три-четыре недели сократить путь к золоту. Через континент тянутся огромные потоки людей всех племен и наречий, и все они роются в земле Зутера, как в своей собственной. На территории Сан-Франциско, принадлежавшей Зутеру по акту, скрепленному правительственной печатью, со сказочной быстротой растет новый город; пришельцы по клочкам распродают друг другу землю Зутера, а само название его королевства "Новая Гельвеция" вскоре уступает место магическому имени: Эльдorado - золотой край.

Зутер, снова банкрот, словно в оцепенении смотрел на эти гигантские драконовы всходы. Поначалу он со своими слугами и компаньонами тоже пробовал добывать золото, чтобы вновь обрести богатство, но все покинули его. Тогда он уехал из золотоносного края поближе к горам, на свою уединенную ферму "Эрмитаж", прочь от проклятой реки и злосчастливого песка. Там и нашла его жена с тремя уже взрослыми сыновьями, но она вскоре умерла, - сказались тяготы изнурительного пути. Все же теперь с ним три сына, у него уже не одна пара рук, а четыре, и Зутер снова взялся за работу; снова, но уже вместе с сыновьями шаг за шагом начал он выбиваться в люди, пользуясь баснословным плодородием этой почвы и вынашивая втихомолку новый грандиозный замысел.

ПРОЦЕСС

1850 год. Калифорния вошла в состав Соединенных Штатов Америки.

Вслед за богатством в этом одержимом золотой лихорадкой крае водворился наконец порядок. Анархия обуздана, закон опять обрел силу.

И тут Иоганн Август Зутер выступает со своими притязаниями. Он заявляет, что вся земля, на которой стоит город Сан-Франциско, по праву принадлежит ему. Правительство штата обязано возместить убыток, который нанесен ему расхитителями его имущества; со всего добытого на его земле золота он требует свою долю. Начался процесс такого масштаба, о каком еще не знало человечество. Зутер предъявил иск 17221 фермеру, поселившемуся на его плантациях, и потребовал, чтобы они освободили незаконно захваченные участки. С властей штата Калифорния за присвоенные ими дороги, мосты, каналы, плотины, мельницы он потребовал двадцать пять миллионов долларов в счет возмещения убытков; он требует двадцать пять миллионов долларов с федерального правительства и, кроме того, свою долю добытого золота. Старшего сына Эмиля он послал в Вашингтон изучать право, чтобы он вел дело: огромные доходы, которые приносят новые фермы, целиком уходят на разорительный процесс. Четыре года дело кочует из инстанции в инстанцию. 15 марта 1855 года приговор, наконец, вынесен. Неподкупный судья Томпсон, высшее должностное лицо Калифорнии, признал права Зутера на землю полностью обоснованными и неоспоримыми. В тот день Иоганн Август Зутер достиг цели. Он самый богатый человек на свете.

КОНЕЦ

Самый богатый? Нет и нет. Самый бедный, самый несчастный, самый неприкаянный нищий на свете. Судьба опять нанесла ему убийственный удар, который и подкосил его. Как только приговор стал известен, в Сан-Франциско и во всем штате разразилась буря. Десятки тысяч людей собирались в толпы - землевладельцы, которым угрожала опасность, уличная чернь, сброд, всегда готовый пограбить. Они взяли приступом и сожгли здание суда, они искали судью, чтобы линчевать его; разъяренная толпа задумала уничтожить все достояние Зутера. Его старший сын застрелился, окруженный бандитами, второго зверски убили, третий бежал и по дороге утонул. Волна пламени прокатилась по Новой Гельвеции: фермы Зутера преданы огню, виноградники растоптаны, коллекции, деньги расхищены, все его огромные владения с беспощадной яростью превращены в прах и пепел. Сам Зутер едва спасся. От этого

удара он уже не оправился. Его состояние уничтожено, жена и дети погибли, разум помутился. Только одна мысль еще мерцает в его сознании: закон, справедливость, процесс.

И долгих двадцать лет слабоумный, оборванный старик бродит вокруг здания суда в Вашингтоне. Там уже во всех канцеляриях знают "генерала" в засаленном сюртуке и стоптанных башмаках, требующего свои миллиарды. И все еще находятся адвокаты, пройдохи, мошенники, люди без чести и совести, которые вытягивают у него последние гроши - его жалкую пенсию и подстрекают продолжать тяжбу. Ему самому не нужны деньги, он возненавидел золото, которое сделало его нищим, погубило его детей, разбило всю его жизнь. Он хочет только доказать свои права и добивается этого с ожесточенным упрямством маньяка.

Он подает жалобу в сенат, он предъявляет свои претензии конгрессу, он доверяется разным шарлатанам, которые с большим шумом возобновляют это дело. Обрядив Зутера в шутовской генеральский мундир, они таскают несчастного, как чучело, из учреждения в учреждение, от одного члена конгресса к другому. Так проходит двадцать лет, с 1860 по 1880 год, двадцать горьких, нищенских лет. День за днем Зутер - посмешище всех чиновников, забава всех уличных мальчишек - осаждают Капитолий, он, владелец самой богатой земли на свете, земли, на которой стоит и растет не по дням, а по часам вторая столица огромного государства.

Но назойливого просителя заставляют ждать. И вот там, у входа в здание конгресса, после полудня, его настигает, наконец, спасительный разрыв сердца, служители торопливо убирают труп какого-то нищего, нищего, в кармане которого лежит документ, подтверждающий, согласно всем земным законам, права его и наследников его на самое большое состояние в истории человечества.

До сей поры никто не потребовал своей доли в наследстве Зутера, ни один правнук не заявил о своих притязаниях.

Поныне Сан-Франциско, весь огромный край, расположен на чужой земле, поныне попирается здесь закон, и только перо Блэза Сендрарса даровало всеми забытому Иоганну Августу Зутеру единственное право людей большой судьбы - право на память потомков.

Человек, которому надоела Европа
Поход в Калифорнию
Новая Гельвеция
Роковой удар заступа
Золотая лихорадка
Процесс
Конец

БОРЬБА ЗА ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

(Капитан Скотт 90° широты 16 января 1912 года)

БОРЬБА ЗА ЗЕМЛЮ

Двадцатый век взирает на мир, лишенный тайн. Все страны исследованы, отдаленнейшие моря бороздят корабли. Области, еще поколение тому назад дремавшие в блаженной безвестности, наслаждаясь свободой, рабски служат теперь нуждам Европы; к самым истокам Нила, которых искали так долго, устремляются пароходы; водопад Виктория, впервые полвека тому назад открывшийся взору европейца, послушно вырабатывает электрическую энергию; последние дебри - леса Амазонки - порублены, и пояс единственной девственной страны - Тибета - развязан.

На старых картах и глобусах слова "Terra incognita" [Неизвестная земля (лат.)] исчезли под надписями сведущих людей, человек двадцатого века знает свою планету. Пытливая мысль в поисках новых путей уже принуждена спускаться к причудливым тварям морских глубин или возноситься в бескрайние просторы неба. Нехожеными остались лишь воздушные дороги, но уже взмывают в поднебесье, обгоняя друг друга, стальные птицы, устремленные к новым высям, новым далям, ибо решены все загадки и почва земного любопытства истощилась.

Но одну тайну земля стыдливо скрывала от человеческого взора вплоть до нашего столетия - два крошечных местечка своего истерзанного, изувеченного тела уберегла она от алчности собственных созданий. Северный и Южный полюсы, две почти не существующие, почти невещественные точки, два конца оси, вокруг которых она вращается тысячелетиями, она сохранила нетронутыми, незапятнанными. Ледяными громадами прикрыла она эту последнюю тайну, вечную зиму поставила на страже ее в защиту от людской жадности. Мороз и вихри властно заграждают вход, ужас и смертельная опасность отгоняют смельчаков.

Лишь солнцу дано окидывать беглым взором эту твердыню, человеку же - не дозволено.

Десятки лет одна экспедиция сменяет другую. Ни единая не достигает цели. Где-то, в лишь недавно открытом ледяном хрустальном гробу, тридцать три года покоится тело шведского инженера Андре, храбрейшего из храбрых, того, кто хотел на воздушном шаре подняться над полюсом и не вернулся. Все попытки разбиваются о сверкающие ледяные стены. Тысячелетия, вплоть до наших дней, земля здесь скрывает свой лик, в последний раз победоносно отражая яростный натиск смертных. В девственной чистоте хранит она свою тайну от любопытного мира.

Но юный двадцатый век в нетерпении простирает руки. Он выковал в лабораториях новое оружие, изобрел новые доспехи; препятствия только разжигают его страсть. Он хочет знать всю правду, и уже первое его десятилетие хочет завоевать то, чего не могли завоевать тысячелетия. К мужеству отдельных смельчаков присоединяется соперничество наций. Не только за полюс борются они, но и за честь флага, которому суждено первому развеяться над новооткрытой землей; начинается крестовый поход всех племен и народов за овладение освященных пламенным желанием мест. На всех материках снаряжаются экспедиции. Нетерпеливо ждет человечество, ибо оно уже знает: бой идет за последнюю тайну жизненного пространства. Из Америки к Северному полюсу направляются Кук и Пири; на юг идут два корабля: один ведет норвежец Амундсен, другой - англичанин, капитан Скотт.

СКОТТ

Скотт - капитан английского флота, один из многих; его биография совпадает с послужным списком: добросовестно исполнял свои обязанности, чем снискал одобрение начальников, участвовал в экспедиции Шеклтона. Ни подвигов, ни особенного геройства не отмечено. Его лицо, судя по фотографиям, ничем не отличается от тысячи, от десятка тысяч английских лиц: холодное, волевое, спокойное, словно изваянное затаенной энергией. Серые глаза, плотно сжатые губы. Ни одной романтической черты, ни проблеска юмора в этом лице, только железная воля и практический здравый смысл. Почерк - обыкновенный английский почерк без оттенков и без завитушек, быстрый, уверенный. Его слог - ясный и точный, выразительный в описании фактов и все нее

сухой и деловитый, словно язык рапорта. Скотт пишет по-английски, как Тацит по-латыни, - неотесанными глыбами. Во всем проглядывает человек без воображения, фанатик практического дела, а следовательно, истый англичанин, у которого, как у большинства его соотечественников, даже гениальность укладывается в жесткие рамки исполнения долга. Английская история знает сотни таких Скоттов: это он покорила Индию и безыменные острова Архипелага, он колонизировал Африку и воевал во всем мире с той же неизменной железной энергией, с тем же сознанием общности задач и с тем же холодным, замкнутым лицом.

Но как сталь тверда его воля; это обнаруживается еще до совершения подвига. Скотт намерен закончить то, что начал Шеклтон. Он снаряжает экспедицию, но ему не хватает средств. Это его не останавливает. Уверенный в успехе, он жертвует своим состоянием и влезает в долги. Жена дарит ему сына, но он, подобно Гектору, не задумываясь, покидает свою Андромаху. Друзья и товарищи вскоре найдены, и ничто земное уже не может поколебать его волю. "Terra Nova" [Новая земля (лат.)] называется странный корабль, который должен доставить его на край Ледовитого океана, - странный потому, что он, словно Ноев ковчег, полон всякой живности, и вместе с тем это лаборатория, снабженная книгами и тысячу точнейших приборов. Ибо в этот пустынный, необитаемый мир нужно везти с собой все, что требуется человеку для нужд тела и запросов духа, и удивительно сочетаются на борту предметы первобытного обихода - меха, шкуры, живой скот - с самым сложным, отвечающим последнему слову науки, оборудованием. И та же поразительная двойственность, что и корабль, отличает и само предприятие: приключение - но обдуманное и взвешенное, как коммерческая сделка, отвага - но в соединении с искуснейшими мерами предосторожности, точное предвидение всех деталей перед лицом непредвиденных случайностей.

1 июня 1910 года экспедиция покидает Англию. В эту летнюю пору англосаксонский остров сияет красотой. Сочной зеленью покрыты луга, солнце изливает тепло и свет на ясный, не омраченный туманом мир. С грустью смотрят мореплаватели на скрывающийся из глаз берег, ведь они знают, что на годы, быть может, навсегда прощаются с теплом и солнцем. Но вверху на мачте развевается английский флаг, и они утешают

себя мыслью, что эта эмблема их мира вместе с ними плывет к единственному еще не завоеванному клочку покоренной Земли.

АНТАРКТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В январе они причаливают, после кратковременного отдыха в Новой Зеландии, у края вечного льда и сооружают дом для зимовки. Декабрь и январь считаются там летними месяцами, потому что это - единственное время в году, когда солнце несколько часов в день сияет на свинцово-белом небе. Стены дома сложены из бревен, как на стоянках прежних экспедиций, но внутри дома чувствуются веяние нового века, успехи нового века. Если раньше зимовщики сидели в полутьме, при коптящих, воняющих ворванью фонарях и с тоской глядели друг на друга, утомленные однообразием бессолнечных дней, то эти люди двадцатого столетия владеют в своих четырех стенах всем миром в миниатюре, всеми достижениями науки. Ацетиленовые горелки излучают яркий свет, киноаппарат воссоздает, словно по волшебству, пейзажи дальних стран, картины тропической природы, пианола воспроизводит музыку, граммофон - человеческий голос, библиотека предоставляет знания. В одной из комнат стучит пишущая машинка, в другой, темной - проявляют пленку и цветные фотографические снимки. Геолог испытывает радиоактивность минералов, зоолог обнаруживает новый вид паразитов у пойманных пингвинов, метеорологические наблюдения сменяются физическими опытами; всем участникам экспедиции поручена работа на время темных месяцев, и благодаря разумной системе личный опыт каждого становится общим достоянием. Ибо эти тридцать человек ежевечерне читают друг другу среди паковых льдов и полярной стужи университетские лекции, каждый силится передать свои знания другому, и в оживленном обмене мыслями расширяется их видение мира. Узкоспециальные науки не замыкаются в высокомерном одиночестве, а ищут понимания в совместном устремлении вперед. Затерянные в бескрайнем первобытном мире, вне времени и пространства, тридцать человек обмениваются между собой последними достижениями двадцатого века, и здесь, в этих стенах, люди не отстают ни на час, ни на секунду от движения мира. Трогательно читать, как эти суровые люди, ученые, радуются рождественской елке, забавляются шутками "South Pol Times" ["Южнополярная Таймс" (англ.)], издаваемого ими юмористического листка, как все малое - всплывший кит,

поскользнувшаяся лошадь - превращается в событие и, с другой стороны, все непостижимо огромное - сполохи, лютый мороз, чудовищное одиночество - становится повседневным и привычным.

Между тем они отваживаются на небольшие вылазки. Они испытывают аэросани, учатся ходить на лыжах, дрессируют собак. Они готовят запасы для большого путешествия, но медленно, медленно обрываются листки календаря, и далеко еще до лета (до декабря), когда корабль проберется к ним сквозь паковый лед с письмами из дому. Но уже сейчас, в разгар зимы, они небольшими отрядами совершают для закалки короткие переходы, испытывают палатки, проверяют опыты. Не все удается им, но препятствия лишь разжигают их пыл. Когда они, усталые и продрогшие, возвращаются на стоянку, их встречают радостными криками и теплом очага, и эта уютная хижина на семьдесят седьмом градусе широты после нескольких дней лишений кажется им лучшим в мире жилищем.

Но вот возвратилась с запада одна из экспедиций, и от принесенной ею вести в доме водворяется угрюмая тишина. В своих странствиях путники наткнулись на зимовку Амундсена, и внезапно Скотт понимает, что, помимо мороза и опасности, есть еще противник, который оспаривает у него первенство и может раньше его вырвать тайну строптивой земли. Он сверяет по карте; в записях его слышится тревога, с какой он обнаружил, что стоянка Амундсена на сто десять километров ближе к полюсу, чем его. Он потрясен, но не теряет мужества. "Вперед, во славу отчизны!" - пишет он горделиво в своем дневнике.

Это единственное упоминание об Амундсене в дневнике. Больше его имя не встречается. Но нет сомнений, что с того дня мрачная тень упала на одинокий бревенчатый дом во льдах и что это имя ежечасно, во сне и наяву, тревожит его обитателей.

ПОХОД К ПОЛЮСУ

В расстоянии мили от хижины на возвышении установлен наблюдательный пост. Там, на крутом пригорке, одиноко, точно пушка, наведенная на незримого врага, стоит аппарат для измерения первых тепловых колебаний приближающегося солнца. Целыми днями поджидают они его появления. На утреннем небе уже играют яркие чудесные отблески, но солнечный диск пока еще не подымается над горизонтом.

Этот отраженный свет, предвещающий появление долгожданного светила, разжигает их нетерпение, и наконец в хижине раздается телефонный звонок, и с наблюдательного поста сообщают, что солнце взошло, впервые после многих месяцев оно подняло свою главу в полярной ночи. Его свет еще слаб и бледен, его лучи едва-едва согревают морозный воздух, едва-едва колеблются стрелки измерительного прибора, но один вид солнца - уже огромное счастье. В лихорадочной спешке снаряжается экспедиция, чтобы не потерять ни минуты этой короткой светлой поры, знаменующей и весну, и лето, и осень, хотя по нашим умеренным понятиям это все еще суровая зима. Впереди летят аэросани. За ними нарты, запряженные собаками и сибирскими лошадками. Дорога предусмотрительно разделена на этапы; через каждые два дня пути сооружается склад, где оставляют для обратного путешествия одежду, продовольствие и самое важное - керосин, конденсированное тепло, защиту от нескончаемых морозов. Они выступают в поход все вместе, но будут возвращаться по очереди, отдельными группами, для того чтобы последнему маленькому отряду - избранникам, которым суждено завоевать полюс, - осталось как можно больше припасов, самые свежие собаки и лучшие нарты. План похода мастерски разработан, даже неудачи предусмотрены. И, конечно, в них нет недостатка. После двух дней пути ломаются аэросани, их бросают как лишний балласт. Лошади также не оправдали надежд, но на этот раз живая природа торжествует над техникой, ибо обессиленных лошадей пристреливают, и они дают собакам питательный корм, укрепляющий их силы.

1 ноября 1911 года участники экспедиции разбиваются на отряды. На снимках запечатлен этот удивительный караван: сперва тридцать путников, потом двадцать, десять и, наконец, только пять человек двигаются по белой пустыне мертвого первобытного мира. Впереди всегда идет один, похожий на дикаря, закутанный в меха и платки, из-под которых виднеются только борода и глаза; рука в меховой рукавице держит повод лошади, которая тащит тяжело нагруженные сани; за ним - второй, в таком же одеянии и такой же позе, за ним третий, - двадцать черных точек, вытянувшихся извилистой линией по бескрайней слепящей белизне. Ночью они зарываются в палатки, возводят снежные валы для защиты лошадей от ветра, а утром снова пускаются в

однообразный и безотрадный путь, вдыхая ледяной воздух, впервые за тысячелетия проникающий в человеческие легкие.

Трудности множатся. Погода стоит хмурая, вместо сорока километров они покрывают иногда лишь тринадцать, а между тем каждый день драгоценен, с тех пор как им известно, что кто-то невидимо для них продвигается по белой пустыне к той же цели. Любая мелочь грозит опасностью. Сбежала собака, лошадь отказывается от корма - все это вызывает тревогу, потому что в этом одиночестве обычные ценности приобретают иное, новое значение. Все, что помогает сохранить человеческую жизнь, драгоценно, незаменимо. От состояния копыт одной лошади зависит, быть может, слава; облачное небо, пурга могут помешать бессмертному подвигу. К тому же здоровье путников ухудшается; одни страдают снежной слепотой, у других отморожены руки или ноги; лошади, которым приходится уменьшать корм, слабеют день ото дня, и, наконец, в виду глетчера Бирдмора, силы окончательно изменяют им. Тяжкий долг умерщвления этих стойких животных, ставших за два года совместной жизни вдали от мира друзьями, которых каждый знал по имени и не раз награждал ласками, должен быть исполнен. "Лагерем бойни" назвали это печальное место. Часть экспедиции отправляется в обратный путь, остальные собирают все силы для последнего мучительного перевала через глетчер, через грозный вал, опоясывающий полюс, который может одолеть лишь жаркое пламя человеческой воли.

Все медленнее продвигаются они, ибо наст здесь неровный, зернистый и нарты приходится не тянуть, а тащить. Острые льдины прорезают полозья, ноги изранены от ходьбы по сухому, льдистому снегу. Но они не сдаются: 30 декабря достигнут восемьдесят седьмой градус широты, крайняя точка, до которой дошел Шеклтон. Здесь последний отряд должен вернуться, только пяти избранным дозволено идти к полюсу. Скотт отбирает людей. Никто не осмеливается перечить ему, но всем тяжело так близко от цели поворачивать обратно и уступить товарищам славу первыми увидеть полюс. Но выбор сделан. Еще раз пожимают они друг другу руки, мужественно скрывая волнение, и расходятся в разные стороны. Два маленьких, едва заметных отряда двинулись - один к югу, навстречу неизвестности, другой к северу, на родину. Те и другие много раз оглядываются, чтобы еще в последнюю минуту ощутить живое

присутствие друзей. Вот уже скрылся из виду отряд возвращающихся. Одинокó продолжают путь в неведомую даль пять избранных: Скотт, Бауэрс, Отс, Уилсон и Эванс.

ЮЖНЫЙ ПОЛЮС

Тревожнее становятся записи в эти последние дни; они трепещут, как синяя стрелка компаса, приближаясь к полюсу. "Как бесконечно долго ползут тени вокруг нас, выдвигаясь вперед с правой стороны, потом опять ускользая налево!" Но отчаяние сменяется надеждой. Все с большим волнением отмечает Скотт пройденное расстояние: "Еще только сто пятьдесят километров до полюса; но если не станет легче, мы не выдержим", - пишет он в изнеможении. Через два дня: "Сто тридцать семь километров до полюса, но они достанутся нам нелегко". И вдруг: "Осталось всего лишь девяносто четыре километра до полюса. Если мы и не доберемся, мы все же будем до черта близко!" 14 января надежда становится уверенностью. "Только семьдесят километров, мы у цели". На следующий день - торжество, ликование; почти весело пишет он: "Еще каких-нибудь жалких пятьдесят километров; дойдем, чего бы это ни стоило!" За душу хватают эти лихорадочные записи, в которых чувствуется напряжение всех сил, трепет нетерпеливого ожидания. Добыча близка, руки уже тянутся к последней тайне земли. Еще один последний бросок - и цель достигнута.

ШЕСТНАДЦАТОЕ ЯНВАРЯ

"Приподнятое настроение" - отмечено в дневнике. Утром они выступают раньше обычного, нетерпение выгнало их из спальных мешков; скорее, скорее увидеть своими глазами великую грозную тайну. Четырнадцать километров проходят в полдня по бездушной белой пустыне пятеро неустрашимых: они веселы, цель близка, подвиг во славу человечества почти свершен. Внезапно беспокойство охватывает одного из путников - Бауэрса. Горящим взором впивается он в едва заметную точку, чернеющую среди необъятных снежных просторов. У него не хватает духа высказать свою догадку, но у всех сердце сжимается от страшной мысли: быть может, это дорожная веха, поставленная человеческой рукой. Они силятся рассеять свои страхи. Пытаются уверить себя - подобно Робинзону, который, заметив на необитаемом острове чужие следы, внушал себе, что это отпечатки его собственных ног, - что они видят трещину

во льду или, быть может, какую-то тень. Дрожа от волнения, подходят они ближе, все еще стараясь обмануть друг друга, хотя все уже знают горькую правду: норвежцы, Амундсен опередил их.

Вскоре последняя надежда разбивается о непреложный факт: черный флаг, прикрепленный к поворотному шесту, развевается над чужой, покинутой стоянкой; следы полозьев и собачьих лап рассеивают все сомнения - здесь был лагерь Амундсена. Свершилось неслыханное, непостижимое: полюс Земли, тысячелетиями безлюдный, тысячелетиями, быть может, с начала начал, недоступный взору человеческому, - в какую-то молекулу времени, на протяжении месяца открыт дважды. И они опоздали - из миллионов месяцев они опоздали на один-единственный месяц, они пришли вторыми в мире, для которого первый - все, а второй - ничто! Напрасны все усилия, нелепы перенесенные лишения, безумны надежды долгих недель, месяцев, лет. "Все труды, все лишения и муки - к чему? - пишет Скотт в своем дневнике. - Пустые мечты, которым теперь настал конец". Слезы выступают у них на глазах, несмотря на смертельную усталость, они не могут уснуть. Уныло, в угрюмом молчании, точно осужденные, делают они последний переход к полюсу, который надеялись так победно завоевать. Никто никого не пытается утешить; безмолвно бредут они дальше. 18 января капитан Скотт со своими четырьмя спутниками достигает полюса. Надежда первым совершить подвиг уже не ослепляет его, и он равнодушным взглядом оценивает безотрадный ландшафт. "Ничего для глаза, ничего, что бы отличалось от ужасающего однообразия последних дней" - вот все, что написано о полюсе Робертом Ф. Скоттом. Единственное, что останавливает их внимание, создано не природой, а вражеской рукой: палатка Амундсена с норвежским флагом, спесиво развевающимся на отвоеванной человечеством крепости. Они находят письмо конкистадора к тому неизвестному, кто вторым ступит на это место, с просьбой переслать его норвежскому королю Гакону. Скотт берет на себя исполнение тягчайшего долга: свидетельствовать перед человечеством о чужом подвиге, которого страстно желал для себя.

Печально водружают они "опоздавший английский флаг" рядом со знаменем победы Амундсена. Потом покидают "место, предавшее их надежды", - холодный ветер дует им вслед. С вещим предчувствием пишет Скотт в своем дневнике: "Страшно подумать об обратном пути".

ГИБЕЛЬ

Возвращение сопряжено с удесятенной опасностью. Дорогу к полюсу указывал компас. Теперь, на обратном пути, самое главное - не потерять собственного следа, и это в течение многих недель, чтобы не уклониться в сторону от складов, где их ждет пища, одежда и тепло, заключенное в нескольких галлонах керосина. И тревога охватывает их каждый раз, когда снежный вихрь застилает глаза, ибо один неверный шаг равносителен смерти. К тому же нет уже прежней бодрости; выступая в поход, они были заряжены энергией, накопленной в тепле и изобилии их антарктической родины.

И еще: стальная пружина воли ослабла. В походе к полюсу их окрыляла великая надежда осуществить заветную мечту всего мира; сознание бессмертного подвига придавало им нечеловеческие силы. Теперь же они борются только за спасение своей жизни, за свое брнное существование, за бесславное возвращение, которого они в глубине души, быть может, скорее страшатся, чем желают.

Тяжело читать записи тех дней. Погода все ухудшается, зима наступила раньше обычного, рыхлый снег под подошвами смерзается в опасные ловушки, в которых застревает нога, мороз изнуряет усталое тело. Поэтому так велика их радость каждый раз, когда после многодневных блужданий они добираются до склада; вспыхнувший огонек надежды звучит в их словах. И ничто не говорит красноречивее о героизме этих людей, затерянных в необъятном одиночестве, чем то, что Уилсон даже здесь, на волосок от смерти, неустанно продолжает свои научные наблюдения и к необходимому грузу своих нарт прибавил шестнадцать килограммов редких минеральных пород.

Но мало-помалу человеческое мужество отступает перед натиском природы, которая беспощадно, с тысячелетиями закаленной силой обрушивает на пятерых смельчаков все свои орудия уничтожения: мороз, пургу, пронизывающий ветер. Давно изранены ноги; урезанные пайки и только один раз в день принимаемая горячая пища уже не могут поддержать их силы. С ужасом замечают товарищи, что Эванс, самый сильный, внезапно начинает вести себя очень странно. Он отстает от них, беспрестанно жалуется на действительные и воображаемые страдания; из его невнятных речей они заключают, что несчастный, вследствие ли

падения, или не выдержав мук, лишился рассудка. Что же делать? Бросить его в ледяной пустыне? Но, с другой стороны, им необходимо как можно скорее добраться до склада, иначе... Скотт не решается начертать это слово. В час ночи 17 февраля несчастный Эванс умирает на расстоянии однодневного перехода от того "Лагеря бойни", где они впервые могут насытиться благодаря убитым месяц тому назад лошадям.

Вчетвером они продолжают поход, но злой рок преследует их; ближайший склад приносит горькое разочарование: там слишком мало керосина, а это значит, что нужно скупно расходовать горючее - самое насущное, единственно верное оружие против мороза. После ледяной вьюжной ночи они просыпаются, обессиленные, и, с трудом поднявшись, тащатся дальше; у одного из них, у Отса, отморожены пальцы ног. Ветер становится все резче, и 2 марта на очередном складе их снова ждет жестокое разочарование: снова слишком мало горючего.

Теперь уже страх слышится в записях Скотта. Видно, как он пытается подавить его, но сквозь нарочитое спокойствие то и дело прорывается вопль отчаяния: "Так дальше продолжаться не может", или: "Да хранит нас бог! Силы наши на исходе!", или: "Игра наша кончается трагически", и, наконец: "Придет ли провидение нам на помощь? От людей нам больше нечего ждать". Но они тащатся дальше и дальше, без надежды, стиснув зубы. Отс все сильнее отстает, он обуза для своих друзей. При полуденной температуре в 42 градуса они вынуждены замедлить шаг, и несчастный знает, что он может стать причиной их гибели. Путники уже готовы к худшему. Уилсон выдает каждому по десять таблеток морфия, чтобы, в случае необходимости, ускорить конец. Еще один день они пытаются вести с собой больного. К вечеру он сам требует, чтобы его оставили в спальном мешке и не связывали свою судьбу с его судьбою. Все решительно отказываются, хотя отдают себе полный отчет в том, что это принесло бы им облегчение. Еще несколько километров Отс тащится на отмороженных ногах до стоянки, где они проводят ночь. Утром они выглядывают из палатки: свирепо бушует пурга.

Внезапно Отс подымается. "Я выйду на минутку, - говорит он друзьям. - Может быть, немного побуду снаружи". Их охватывает дрожь, каждый понимает, что значит эта прогулка. Но никто не решается удержать его хоть словом. Никто не решается протянуть ему руку на

прощание, все благоговейно молчат, ибо знают, что Лоуренс Отс, ротмистр Эннискилленского драгунского полка, героически идет навстречу смерти.

Трое усталых, обессиленных людей тащатся дальше по бесконечной железно-ледяной пустыне. У них нет уже ни сил, ни надежды, только инстинкт самосохранения еще заставляет их передвигать ноги. Все грознее бушует непогода, на каждом складе новое разочарование: мало керосина, мало тепла. 21 марта они всего в двадцати километрах от склада, но ветер дует с такой убийственной силой, что они не могут выйти из палатки. Каждый вечер они надеются, что утром сумеют достигнуть цели, между тем припасы убывают и с ними - последняя надежда. Горючего больше нет, а термометр показывает сорок градусов ниже нуля. Все кончено: перед ними выбор - замерзнуть или умереть от голода. Восемь дней борются трое людей с неотвратимой смертью в тесной палатке, среди безмолвия первобытного мира. 29-го они приходят к убеждению, что уже никакое чудо спасти их не может. Они решают ни на шаг не приближаться к грядущему року и принять смерть гордо, как принимали все, выпавшее им на долю. Они забираются в свои спальные мешки, и ни единый вздох не поведал миру об их предсмертных муках.

ПИСЬМА УМИРАЮЩЕГО

В эти минуты, наедине с незримой, но столь близкой смертью, капитан Скотт вспоминает все узы, связывавшие его с жизнью. Среди ледяного безмолвия, которого от века не нарушал человеческий голос, в часы, когда ветер яростно треплет тонкие стены палатки, он проникается сознанием общности со своей нацией и всем человечеством. Перед его взором в этой белой пустыне, словно марево, возникают образы тех, кто был связан с ним узами любви, верности, дружбы, и он обращает к ним свое слово. Коченеющими пальцами капитан Скотт пишет, в смертный час пишет письма всем живым, которых он любит.

Удивительные письма! Все мелкое исчезло в них от могучего дыхания близкой смерти, и кажется, что они наполнены кристально чистым воздухом пустынного неба. Они обращены к людям, но говорят всему человечеству. Они написаны для своего времени, но говорят для вечности.

Он пишет жене. Он заклинает ее беречь сына - его драгоценнейшее

наследие, - просит предостеречь его от вялости и лени и, совершив один из величайших подвигов мировой истории, сознается: "Ты ведь знаешь, я должен был заставлять себя быть деятельным, - у меня всегда была склонность к лени". На краю гибели он не раскаивается в своем решении, напротив - одобряет его: "Как много мог бы я рассказать тебе об этом путешествии! И насколько это все же лучше, чем сидеть дома, среди всяческих удобств".

Он пишет женам и матерям своих спутников, погибших вместе с ним, свидетельствуя об их доблести. На смертном одре он утешает семьи своих товарищей по несчастью, внушая им собственную вдохновенную и уже неземную веру в величие и славу их героической гибели.

Он пишет друзьям - со всей скромностью по отношению к себе, но преисполненный гордостью за всю нацию, достойным сыном которой он чувствует себя в свой последний час. "Не знаю, был ли я способен на большое открытие, - признается он, - но наша смерть послужит доказательством тому, что мужество и стойкость еще присущи нашей нации". И те слова, которые всю жизнь не давали ему произнести мужская гордость и душевное целомудрие, эти слова теперь вырывает у него смерть. "Я не встречал человека, - пишет он своему лучшему другу, - которого бы я так любил и уважал, как Вас, но я никогда не мог Вам показать, что для меня означает Ваша дружба, потому что Вы так много давали мне, а я ничего не мог дать Вам взамен".

И он пишет последнее письмо, лучшее из всех - английскому народу. Он считает своим долгом объяснить, что в борьбе за славу Англии он погиб не по своей вине. Он перечисляет все случайные обстоятельства, ополчившиеся против него, и голосом, которому близость смерти придает неповторимый пафос, призывает всех англичан не оставлять его близких. Его последняя мысль не о своей судьбе, его последнее слово не о своей смерти, а о жизни других: "Ради бога, позаботьтесь о наших близких". После этого - пустые листки.

До последней минуты, пока карандаш не выскользнул из окоченевших пальцев, капитан Скотт вел свой дневник. Надежда, что у его тела найдут эти записи, свидетельствующие о мужестве английской нации, поддерживала его в этих нечеловеческих усилиях. Омертвевшей рукой ему еще удастся начертать последнюю волю: "Перешлите этот дневник

моей жене!" Но в жестоком сознании грядущей смерти он вычеркивает "моей жене" и пишет сверху страшные слова: "Моей вдове".

ОТВЕТ

Неделями ждут зимовщики в бревенчатой хижине. Сначала спокойно, потом с легким беспокойством, наконец, с возрастающей тревогой. Дважды выходили на помощь экспедиции, но непогода загоняла их обратно. Всю долгую зиму проводят оставшиеся без руководства полярники на своей стоянке; предчувствие беды черной тенью ложится на сердце. В эти месяцы судьба и подвиг капитана Роберта Скотта скрыты в снегу и молчании. Лед заключил их в стеклянный гроб, и только 29 октября, с наступлением полярной весны, снаряжается экспедиция, чтобы найти хотя бы останки героев и завещанную ими весть. 12 ноября они достигают палатки: они видят замерзшие в спальных мешках тела, видят Скотта, который, умирая, братски обнял Уилсона, находят письма, документы; они предаются погребению погибших героев. Простой черный крест над снеговым холмиком одиноко висит в белом просторе, где навеки похоронено живое свидетельство героического подвига.

Нет, не навеки! Неожиданно их деяния воскресают, свершилось чудо техники нашего века! Друзья привозят на родину негативы и пленки, их проявляют, и вот снова виден Скотт со своими спутниками в походе, видны картины полярной природы, которые, кроме них, созерцал один лишь Амундсен. По электрическим проводам весть о его дневнике и письмах облетает изумленный мир, английский король в соборе преклоняет колена, чувствуя память героев. Так подвиг, казавшийся напрасным, становится животворным, неудача - пламенным призывом к человечеству напрячь свои силы для достижения доселе недостижимого: доблестная смерть порождает удесятенную волю к жизни, трагическая гибель - неудержимое стремление к уходящим в бесконечность вершинам. Ибо только тщеславие тешит себя случайной удачей и легким успехом, и ничто так не возвышает душу, как смертельная схватка человека с грозными силами судьбы - эта величайшая трагедия всех времен, которую поэты создают иногда, а жизнь - тысячи и тысячи раз.

Завоевание Византии

(29 мая 1453 года)

Перевод В. Станевич

ОПАСНОСТЬ НАДВИГАЕТСЯ

5 февраля 1451 года тайный гонец, посланный в Малую Азию, приносит старшему сыну султана Мурада, Мухаммеду, двадцати одного года, весть о том, что его отец скончался. Не обмолвившись ни словом своим советникам, своим министрам, хитрый и вместе с тем энергичный князь вскакивает на свою лучшую лошадь, нахлестывая великолепного чистокровного коня, мчится без передышки все сто двадцать миль до Босфора и сейчас же переправляется на европейский берег, в Галлиполи. Только там открывает он самым верным своим приближенным, что отец его умер, и, желая сразу пресечь любые покушения на престол, немедленно составляет отборный отряд и ведет его на Адрианополь, где Мухаммеда беспрекословно признают повелителем Оттоманской империи. Первый же правительственный акт султана показывает, как страшна его беспощадная решимость. Чтобы заранее устранить всех возможных соперников одной с ним крови, он приказывает утопить в купальне своего несовершеннолетнего брата, а потом немедленно - что также свидетельствует о его коварной и жестокой предусмотрительности - отправляет на тот свет вслед за убитым и наемного убийцу.

Весть о том, что вместо рассудительного Мурада турецким султаном стал молодой, безудержный и жаждущий славы Мухаммед, вызывает в Византии ужас. Ибо с помощью сотни лазутчиков стало известно, что этот честолюбец поклялся завладеть ее столицей, считавшейся некогда столицей мира, и что он, несмотря на свои молодые годы, проводит дни и ночи, обсуждая стратегию этого главного плана своей жизни; с другой стороны, все слухи единодушно подтверждают выдающиеся военные и дипломатические способности нового падишаха. Мухаммед одновременно благочестив и свиреп, пылок и коварен, он человек ученый и любит искусство, он читает Цезаря и биографии римлян в подлиннике, а вместе с тем он варвар и проливает кровь, как воду. В этом человеке с мечтательным, меланхолическим взором и злым, крючковатым, как у попугая, носом сочетались неутомимый труженик, отважный воин и лицемерный дипломат, и все эти опасные силы действуют концентрически ради одной цели: превзойти деяния его деда Баязета и его отца Мурада, впервые показавших Европе военное превосходство новой турецкой нации. Но его первый удар - это понимают, это чувствуют все - будет направлен на город Византий, последний сверкающий великолепием самоцвет в императорской короне Константина и Юстиниана.

Этот самоцвет очень доступен для жадной руки захватчика и совершенно не защищен. Византия, она же Восточноримская империя, некогда владела миром и простиралась от Персии до Альп и снова до азиатских пустынь, и ее можно было измерить только долгими месяцами пути, а теперь ее спокойно проходят из конца в конец пешком за три часа. От прежнего Византийского государства осталась, увы, только голова без туловища, столица без страны, Константинополь, град Константина, в древности - Византий, и даже в этом Византии, императору, басилевсу, принадлежит только часть, нынешний Стамбул, а Галата уже находится в руках генуэзцев, и вся земля вне городской стены захвачена турками; владения последнего императора

теперь величиной с ладонь, это всего-навсего гигантская стена, церкви и дворцы да скопление домов - словом то, что называют Византией. Город, однажды уже разграбленный дотла крестоносцами, наполовину вымерший от чумы, измотанный необходимостью вечно обороняться от нашествий номадов, раздираемый национальными и религиозными распрями, город этот теперь не в состоянии обрести ни солдат, ни мужества, чтобы защищаться собственными силами от врага, который давно уже обхватил его со всех сторон своими щупальцами; пурпур последнего императора Византии Константина Драгаша - это плащ, подбитый ветром, его корона - игральное судьи. Но именно потому, что Византия, уже окруженный турками, освящен всем западным миром через их общую тысячелетнюю культуру, город этот служит для Европы как бы символом ее чести; только если объединенное христианство защитит этот последний, уже распадающийся оплот на Востоке, сможет Святая София остаться базиликой веры, последним и прекраснейшим собором восточноримского христианства.

Константин сразу же видит опасность. Невзирая на все миролюбивые речи Мухаммеда, он охвачен вполне понятным страхом и шлет гонцов за гонцами в Италию, гонцов в Венецию, гонцов в Геную, прося о присылке галер и солдат. Но Рим колеблется, и Венеция тоже. Ибо между религией Запада и религией Востока все еще зияет прежняя теологическая пропасть. Греческая церковь ненавидит римскую, и ее патриарх отказывается признать в лице папы верховного пастыря. Правда, перед лицом надвигающейся турецкой угрозы на двух соборах - в Ферраре и Флоренции - уже давно принято решение о воссоединении обеих церквей, и за это Византии обещана помощь против турок. Но едва опасность перестала быть для нее столь близкой, как греческие синоды не пожелали, чтобы договор вступил в силу; и только теперь, когда Мухаммед становится султаном, нужда пересиливает упорство православного духовенства; вместе с просьбой о помощи, Византия посылает в Рим извещение о том, что готова уступить. И вот на галеры погружают солдат и боеприпасы, но на одном из кораблей плывет и папский легат, он должен торжественно отпраздновать примирение обеих церквей и возвестить миру, что тот, кто посягнет на Византию, бросит вызов всему христианскому человечеству.

ОБЕДНЯ ПРИМИРЕНИЯ

Этот декабрьский день отмечен величественным зрелищем: в чудесной базилике, с ее мрамором, мозаикой и поблескивающими драгоценностями, - глядя на теперешнюю мечеть, эту былую роскошь даже трудно себе представить - свершается праздник примирения. Окруженный всеми сановниками империи, появляется Константин, басилевс, он и его императорская корона являются как бы верховными свидетелями и поручителями за то, что вечное согласие и мир не будут нарушены. Гигантский храм переполнен, его озаряют тысячи свечей; перед алтарем по-братски служат обедню легат папского престола Исидор и православный патриарх Григорий; впервые в этой церкви имя папы включается в молитвы, впервые плывет волнами к высоким сводам вечного собора благочестивое пение на языках латинском и греческом, в то время как внизу оба примирившиеся причта торжественно проносят мощи святого Спиридона. Восток и Запад, та и другая вера кажутся навеки связанными, и после многих-многих лет преступных раздоров идея Европы, смысл Запада как будто осуществлены.

Но в истории минуты примирения и торжества разума кратки и преходящи. Еще в храме благочестиво сливаются голоса, вознося общую молитву, а за его стенами, в

монастырской келье, ученый монах Геннадий уже обличает латинян и предательство истинной веры; эту связь, едва закрепленную с помощью разума, фанатизм тут же снова разрывает, и если греческое духовенство даже не помышляет об искреннем подчинении, то и друзья на том конце Средиземного моря не вспоминают об обещанной помощи. Правда, послано несколько галер и несколько сотен солдат, но потом город брошен на произвол судьбы.

ВОЙНА НАЧИНАЕТСЯ

Замышляя войну, деспоты, если они еще не вполне вооружились, охотно разглагольствуют о мире. Так и Мухаммед при своем восшествии на престол, принимая послов императора Константина, расточает именно им самые приветливые и успокоительные слова; он публично и торжественно клянется богом и его пророком, ангелами и кораном, что будет свято соблюдать договоры с басилевсом. И одновременно этот двурушник заключает соглашение о двустороннем нейтралитете с венграми и сербами сроком на три года - именно на те три года, в течение которых он намерен без помех овладеть городом. И только после того, как Мухаммед наговорился о мире и клятвенно наобещал блюсти его, он совершает правонарушение и провоцирует войну.

До сих пор туркам принадлежал лишь азиатский берег Босфора, и поэтому суда могли беспрепятственно ходить из Византии через пролив в Черное море, к своему зернохранилищу. Мухаммед замыкает для них этот путь и, даже не стараясь оправдать свои действия, приказывает построить крепость на европейском побережье, возле Румели Хиссары, притом в самом узком месте, там, где во времена персидских войн отважный Ксеркс перешагнул через пролив. За одну ночь тысячи, десятки тысяч землекопов высаживаются на европейском берегу, который, согласно договору, не может быть укреплен (но какое значение для деспотов имеют договоры?), и они опустошают ради своего пропитания окрестные поля, они сносят не только дома, но издавна прославленную Церковь святого Михаила, чтобы добыть камни для крепости; султан самолично, не зная покоя ни днем, ни ночью, руководит работами, а Византия беспомощно взирает, как стараются ее задушить, отрезав ей вопреки всем правам и договорам выход к Черному морю. Уже суда, которые намеревались пройти по до сих пор свободным водам, подверглись обстрелу, хотя еще никакой войны нет, но после этой первой удачной пробы своей мощи всякое притворство вскоре становится для султана излишним. В августе 1452 года Мухаммед собирает всех своих пашей и ага, открыто заявляет им о своем намерении атаковать Византию и захватить его. За этим извещением следует и насилие; по всей турецкой империи рассылаются глашатаи, они созывают всех мужчин, способных носить оружие, и 5 апреля 1453 года, словно внезапно прорвавшийся штормовой прилив, необозримая оттоманская армия затопляет всю равнину перед Византией, вплоть до самых его стен.

Во главе своих войск в роскошных одеждах едет верхом султан, он намерен разбить свой шатер прямо перед воротами евангелиста Луки. Но прежде чем штандарты его главного штаба будут здесь развеиваться по ветру, он приказывает расстелить на земле молитвенный коврик. Босой становится он на него, обратившись лицом в сторону Мекки, трижды склоняется, касаясь лбом земли, а позади него разворачивается величественное зрелище: тысячи и тысячи солдат также склоняются и в ту же сторону, произносят в таком же ритме ту же молитву, прося аллаха, чтобы он даровал им мощь и победу. Лишь после этого султан встает. Смиранный стал снова

вызывающим, слуга господен - владыкой и воином, и по всему лагерю спешно расходятся его «теллалы», его глашатаи, чтобы, когда прогремит дробь барабанов и прозвонят фанфары, тут же возвестить: осада города началась.

СТЕНЫ И ПУШКИ

У Византия есть только стены - в них его сила и спасение; ничего у него не осталось от бывшего всемирного могущества, кроме этого наследия более славных и счастливых времен. Треугольник города защищен тройным панцирем. Ниже каменные стены прикрывают город с флангов, со стороны Мраморного моря и Золотого Рога; и гигантской массой разворачивается бруствер лицом к равнине, это так называемая стена Теодозия. Уже Константин в предвидении будущих опасностей опоясал Византию плитняком, а Юстиниан продолжал возведение насыпей и укрепил их; но только Теодозий возвел настоящие бастионы со стеной в семь километров, о каменной мощи которой можно еще судить и теперь по обвитым плющом развалинам. Украшенная амбразурами и зубцами, защищенная рвами с водой, охраняемая мощными квадратными сторожевыми башнями, она тянется двумя и тремя параллельными рядами, и каждый государь, в течение целого тысячелетия, дополнял и обновлял ее; эта величественная окружная стена считалась в то время символом совершенной неприступности. Как некогда перед лицом неудержимых варварских орд и валивших валом турецких отрядов, так же и сейчас эти квадратные глыбы кажутся неуязвимыми для всех изобретенных до сих пор орудий войны: снаряды всякого рода катапульт и таранов и даже недавно созданных пицалей и мортир бессильно отскакивают от этой отвесной плоскости, ни один европейский город не защищен крепче и надежнее, чем Константинополь своей стеной Теодозия.

Мухаммеду лучше чем кому-либо известна мощь этих стен и их надежность. И во время бессонницы и в сновидениях вот уже долгие месяцы и годы он занят единственной мыслью об этих стенах, о том, как победить непобедимое, как разрушить нерушимое. На его столе непрерывно растет груда чертежей, изображающих размеры и очертания вражеских укреплений, он знает каждый холмик по ту и по эту сторону стен, каждый склон, каждый водосток, и его инженеры продумали вместе с ним каждую деталь. Но их постигло разочарование: все они высчитали, что при существующих орудиях стену Теодозия разрушить нельзя.

Значит, надо применить новые пушки! Они должны быть длиннее, более дальнобойные, более мощные, чем те, которые до сих пор известны военному искусству! И другие снаряды - из более крепкого камня, тяжелее, мощнее, разрушительнее, чем все применявшееся до сих пор! Для этой неприступной стены нужно изобрести новую артиллерию, иного решения нет, и Мухаммед заявляет, что готов любой ценой создать новые наступательные средства.

Любой ценой - такое заявление уже само по себе пробуждает творческие, движущие силы. И вот вскоре после объявления войны к султану приходит человек, известный как самый опытный и изобретательный пушечный мастер, Урбас или Орбас, венгерец. Правда, он христианин и только что предлагал свои услуги императору Константину; но, справедливо ожидая, что найдет у Мухаммеда и лучшую оплату и более смелые задачи для своего искусства, он заявляет, что готов, если ему предоставят неограниченные средства, отлить такую огромную пушку, какой на земле еще не бывало. Султан, которому, как и всякому одержимому одной-единственной мыслью, никакая цена не кажется слишком дорогой, тотчас дает ему любое число

рабочих, и в Адрианополь доставляют тысячи повозок меди. За три месяца пушечник с великими усилиями изготавливает литейную форму в глине, применяя секретные способы закалки, лишь после этого должно начаться волнующее литье раскаленной массы. Выполнить задачу удастся. Гигантский пушечный ствол, самый большой из всех до сих пор известных в мире, выбивается из формы и остуживается, но перед тем, как произвести первый пробный выстрел, Мухаммед рассылает по всему городу глашатаев, чтобы предостеречь беременных женщин. И когда с чудовищным громом, освещенное словно вспышкой молнии жерло выбрасывает мощное каменное ядро и это ядро, этот единственный пробный выстрел разрушает стену, Мухаммед тотчас приказывает создать целую артиллерию из орудий столь же гигантских размеров.

Первая большая «каменетная машина», как впоследствии назовут эту пушку перепуганные греческие историки, наконец все же создана. Но возникает еще большая трудность: как протащить это чудовище, этого медного дракона через всю Фракию, до самых стен Византия? И начинается ни с чем не сравнимая Одиссея. Ибо целый народ, целая армия в течение двух месяцев волокут вперед упрямое чудовище с непомерно длинной шеей. Впереди мчатся отряды всадников, постоянные патрули, они должны защищать сокровище от всех возможных нападений, за ними следуют многие сотни, а может быть, и тысячи землекопов; они трудятся и возят день и ночь тачки с землей, устраняя все неровности почвы перед столь тяжелым транспортом, который на многие месяцы вновь разрушает позади себя дороги. В эту крепость на колесах впряжены пятьдесят пар волов, а на оси, как некогда обелиск, путешествовавший из Египта в Рим, уложены громадные стволы пушек, причем их тяжесть тщательно распределена: двести человек неумоимо подпирают справа и слева покачивающуюся от собственного веса громадину, а пятьдесят каретников и столяров то и дело заменяют или смазывают деревянные катки, укрепляют подпорки, наводят мосты; все понимают, что только шаг за шагом, медленной рысцой может этот бесконечный караван передвигаться через горные хребты и степи. Дивясь, собираются в деревнях мужики и крестятся, глядя на медное чудовище, которого, словно бога войны, несут из одной земли в другую его жрецы и служители; но вскоре уже волокут следом и его братьев, также отлитых из меди и извлеченных из глиняного материнского лона; человеческая воля еще раз сделала невозможное возможным. И вот уже двадцать или тридцать таких же чудовищ ощерили черные круглые пасти, направленные на Византий; тяжелая артиллерия совершила свой въезд в историю войн, и начинается поединок между простоявшей тысячелетия стеной императоров римского Востока и новыми пушками нового султана.

СНОВА НАДЕЖДА

Медленно, упорно, неотвратимо сверкающими укусами перегрызают и перемалывают Мухаммедовы пушки стены Византия. Каждое из орудий может пока производить ежедневно не больше шести-семи выстрелов, но изо дня в день султан устанавливает все новые пушки, и с каждым ударом среди облаков пыли и щебня в осыпающейся каменной кладке открываются все новые бреши. Правда, по ночам осажденные затыкают эти бреши деревянными кольями, хотя кольев становится все меньше, и свернутыми в комок кусками холста, но все-таки они сражаются теперь уже не за прежней неприступной стеной, и с ужасом восемь тысяч осажденных, укрывающихся за насыпями, думают о том решающем часе, когда сто пятьдесят тысяч воинов Мухаммеда пойдут в решающее наступление и набросятся на продырявленные

стены. Пора, давно пора христианскому миру вспомнить о данном обещании; толпы женщин с детьми целыми днями стоят на коленях в церквах перед раками с мощами, со всех сторожевых башен день и ночь высматривают солдаты, не появится ли наконец на волнах Мраморного моря, кишящего турецкими судами, обещанный папский или венецианский запасной флот.

Наконец 20 апреля в три часа загорается сигнал. На горизонте замечены паруса. Правда, это не тот мощный христианский флот, о котором грезили осажденные, все же ветер медленно гонит к берегу три больших генуэзских корабля, а позади них еще маленькое византийское судно с зерном, которое окружено этими тремя для защиты. Тотчас весь Константинополь собирается у береговых укреплений, чтобы восторженно приветствовать идущих им на помощь. Но в это же время Мухаммед вскакивает на коня, несется бешеным галопом от своей пурпурной палатки вниз к гавани, где стоит на якоре турецкий флот, и отдает приказ любой ценой помешать судам войти в гавань Византия, в Золотой Рог.

Турецкий флот состоит из ста пятидесяти хотя и меньших судов, и тотчас с моря доносится плеск нескольких тысяч весел. С помощью абордажных крюков, огнеметов и пращей сто пятьдесят каравелл с трудом подходят к четырем галионам, но, подталкиваемые сильным ветром, четыре мощных корабля обгоняют и давят суда турок, с которых доносится гомон, крики и стрельба. Величественно, с надувшимися круглыми парусами, направляются они, презирая нападающих, к надежной гавани Золотого Рога, где знаменитая цепь, протянутая от Стамбула до Галаты, будет им долго служить защитой против атак и наступлений. Четыре галиона уже почти у цели: уже тысячи людей могут с береговых укреплений разглядеть каждое лицо в отдельности, уже мужчины и женщины бросаются на колени, чтобы возблагодарить господ бога и его святых за славное спасение, уже звякает портовая цепь, чтобы пропустить суда, снимающие с города блокаду.

И вдруг совершается нечто ужасное. Ветер неожиданно падает. Словно притянутые магнитом, цепенеют на месте четыре корабля, прямо в море, всего несколько бросков из пращи отделяют их от спасительной гавани, и с дикими торжествующими криками бросается вся свора с весельных судов на четыре застывших корабля, которые неподвижно высятся в заливе, как четыре башни. Подобно охотничьим псам, вцепившимся в оленя, повисают мелкие суда на боках больших, турки рубят их дерево топорами, чтобы они затонули; все новые группы взбираются по якорным цепям, швыряя в паруса факелами и головешками, чтобы их поджечь. Капитан турецкой армады решительно направляет свое адмиральское судно на галион с зерном, намереваясь его протаранить; уже оба судна сцеплены друг с другом, точно кольца. Правда, защищенные высокими бортами и шлемами, генуэзские матросы еще в состоянии обороняться от лезущих сверху турок, они еще отгоняют нападающих крюками, камнями и греческим огнем. Но скоро этой борьбе наступит конец. Силы греков и турок слишком неравные. Генуэзские суда обречены.

Какое ужасное зрелище для тысяч людей, собравшихся на стенах города! Оно так же увлекательно близко, как на арене, когда народ следит за кровавыми поединками, а сейчас так мучительно близко, что он может воочию наблюдать морской бой и, видимо, неизбежную гибель своих защитников, ибо еще самое большее два часа, и все четыре корабля будут побеждены на арене моря нападающим врагом. Напрасен был приход друзей, напрасен! Греки, стоя на константинопольских укреплениях лишь на

расстоянии брошенного камня от своих братьев, сжимают кулаки в бесполезной ярости, ибо не в силах помочь своим спасителям. Иные, отчаянно жестикулируя, стараются воодушевить друзей. Другие, воздев руки к небу, призывают Христа, архангела Михаила и всех святых их храмов и монастырей, столько веков охранявших Византию, совершить чудо. Но на противоположном берегу, в Галате, турки тоже ждут, взывают и молятся так же горячо о даровании победы их войску: море стало как бы ареной, морское сражение - состязанием гладиаторов. Сам султан примчался галопом на берег. Окруженный своими пашами, въезжает он так глубоко в воду, что его верхняя одежда становится мокрой, и, приставив к губам руки в виде рупора, гневно выкрикивает своим солдатам команду во что бы то ни стало захватить христианские суда. И всякий раз, когда одну из его галер вынуждают отойти, осыпает он бранью и угрозами своего адмирала, заноса над ним кривую саблю: «Если не победишь, живым не возвращайся!»

Четыре христианских корабля все еще держатся, но бой идет к концу; уже метательные снаряды, которыми христиане отгоняют турецкие галеры, на исходе, уже устает у матросов рука после многочасового сражения с превосходящими греков в пятьдесят раз силами противника. День меркнет, солнце садится за горизонт. Еще час, и суда, если даже их до тех пор не возьмут турки на abordаж, будут отнесены течением к занятому неприятелем берегу за Галатой. Они погибли, погибли, погибли!

И вот происходит то, что отчаявшейся, воющей, взывающей толпе людей из Византия кажется чудом. Вдруг в море начинается легкое волнение, вдруг поднимается ветер. И сразу же надуваются повисшие паруса четырех галионов, становятся округлыми и большими. Ветер, желанный, спасительный ветер снова проснулся! Торжествующе поднимается нос галионов, распустив паруса, внезапным рывком обгоняют они и топят, перейдя к нападению, кишачие вокруг них вражеские суда. Они на свободе, они спасены! Под бурю тысячных, многотысячных ликующих толп входит первый корабль, потом второй, потом третий, потом четвертый в безопасную гавань, заградительная цепь, звякая, снова поднимается, а позади остается рассеянная по морю, беспомощная стая турецких каравелл; и еще раз ликование надежды проносится, как пурпурное облако, над угрюмым, впавшим в отчаяние городом.

ФЛОТ ПЕРЕПРАВЛЯЕТСЯ ЧЕРЕЗ ГОРУ

Всего одну ночь продолжается безудержная радость осажденных. Но ведь ночь всегда пробуждает в нас фантазию и подмешивает в наши надежды сладостный яд мечтаний. Одну ночь осажденные считают себя уже спасенными и вне опасности. Ведь так же, как эти четыре судна благополучно доставили на берег солдат и провиант - мечтают люди в городе, - так же неделя за неделей будут приходить новые; Европа их не забыла, и они, отдавшись преждевременным надеждам, уже видят город свободным от осады, врага - посрамленным и разбитым.

Но и Мухаммед - мечтатель, правда, мечтатель иного рода, явление гораздо более редкое; он из тех, кто умеет благодаря силе воли претворять свои мечты в жизнь. И в то время как галионы, достигнув гавани Золотого Рога, уже мнят себя в безопасности, он создает план, столь фантастически дерзновенный, что в истории войн его можно, поистине не кривя душой, приравнять к отважнейшим деяниям Ганнибала и Наполеона. Византий лежит перед ним, точно золотой плод, но он не может овладеть им: главным препятствием для овладения и для нападения является глубокий морской

залив. Золотой Рог - это бухта, похожая на слепую кишку, которая защищает Константинополь с одного фланга. Проникнуть в эту бухту фактически невозможно, ибо у входа в бухту лежит генуэзский город Галата, в отношении которого Мухаммед обязан сохранять нейтралитет, и оттуда тянется железная заградительная цепь через море, до вражеского города. Поэтому его флоту не проникнуть в бухту фронтальным ударом; лишь со стороны внутреннего бассейна, там, где кончается генуэзская территория, можно было бы завладеть христианскими судами. Но как провести флот в эту внутреннюю бухту? Его можно было бы построить, конечно. Но на такое дело нужны месяцы и месяцы, а этот нетерпеливец ждать не может.

И тут Мухаммеда осеняет гениальная мысль: переправить волоком свой флот из внешнего моря, где он стоит без пользы, через полуостров в виде косы во внутреннюю гавань Золотого Рога. Эта смелая, дух захватывающая идея переправиться с сотнями судов через гористый полуостров кажется на первый взгляд столь нелепой и невыполнимой, что и византийцы и генуэзцы в Галате отводят ей так же мало места в своих стратегических расчетах, как римляне, а затем австрийцы стремительному переходу через Альпы Ганнибала и Наполеона. Весь земной опыт говорит о том, что суда могут плыть только по воде, но никогда флот не переплывал через гору. Однако признаком демонической воли во все времена и является то, что она превращает невозможное в действительность, и военного гения всегда узнают по тому, что во время войны он пренебрегает обычными законами ведения войны и в нужную минуту заменяет испытанные методы творческой импровизацией. И вот начинается кампания, едва ли с чем-нибудь сравнимая в анналах истории. Мухаммед втайне приказывает доставить бесчисленное множество кругляков, плотники делают из них сани, и на них кладут потом суда, словно на подвижной сухой док. Одновременно работают тысячи землекопов, чтобы как можно лучше выровнять для транспорта узкую тропинку, идущую вверх и вниз по краю возвышенности Пера. Чтобы скрыть, однако, от врага столь великое скопление рабочих, султан каждую ночь и каждый день ведет устрашающий обстрел из мортир поверх нейтрального города Галаты; сам по себе обстрел лишен смысла, но цель его одна: отвлечь внимание и скрыть путешествие судов по горам и долинам из одних вод в другие. И пока враги заняты и ожидают атаки только с суши, турки уложили суда на круглые вальки, обильно смазанные маслом и жиром; бесчисленные пары буйволов на полозьях повлекли суда, а матросы поддерживали их сбоку. Турки перетаскивают их с помощью этого гигантского катка одно за другим через гору.

Решающим во всех крупных военных операциях является момент неожиданности. И здесь мы видим потрясающее доказательство своеобразной гениальности Мухаммеда. Никто не подозревает о его намерениях. «Знай хоть один волос в моей бороде о моих замыслах, я вырвал бы его!» - сказал однажды о себе этот гениальный и коварный хитрец. И в то время как пушечные ядра гремят об стены, выполняется его приказ, 22 апреля семьдесят судов переправляются через горы и долины, через виноградники и пашни из одного моря в другое. На следующее утро византийцам кажется, что они все еще видят сон: вражеский флот, словно перенесенный рукою призраков, с вымпелами и матросами плывет посередине их бухты, которую они считали недоступной; они еще протирают глаза, стараясь понять, откуда взялось это чудо, а под их боковой стеной, до сих пор защищенной бухтой, уже ликуют фанфары, цимбалы и барабаны, и весь Золотой Рог, за исключением тесного нейтрального пространства возле Галаты, где изолирован христианский флот, благодаря этому

гениальному ходу принадлежит уже султану и его армии. Беспрепятственно может он теперь повести свои войска по понтонному мосту к более слабо укрепленной стене: тем самым поставлен под угрозу и более слабый фланг, а и без того редкие ряды защитников должны теперь еще больше растянуться. Крепче и крепче сжимает железный кулак горло своей жертвы.

ЕВРОПА, НА ПОМОЩЬ!

Осажденные уже не строят себе иллюзий. Они понимают: пусть даже они сосредоточат свои силы на прорванном фланге, они не смогут долго сопротивляться за этими разрушенными бомбардировками стенами, восемь тысяч человек против ста пятидесяти тысяч, если им немедленно не будет оказана помощь. Но разве венецианская синьория торжественно не обещала послать корабли? Разве папа может остаться равнодушным, если Святой Софии, благолепнейшему храму Запада, грозит опасность превратиться в мечеть неверных? Разве Европа не понимает, что хоть и погрязшие в распрях, хоть и разделенные сотнями проявлений низменной зависти, греки все же не представляют собой опасности для культуры Запада? А может быть, утешают себя осажденные, запасной флот давно готов и медлит поднять паруса только от неведения и достаточно было бы довести до их сознания, какая грозная ответственность ложится на них за это убийственное промедление?

Но как подать весть венецианскому флоту? Мраморное море усеяно турецкими судами; двинуть весь флот значило бы обречь его на гибель, и, кроме того, защитники, где на счету каждый человек, лишившись двух-трех сотен солдат, станут еще слабее. Поэтому решают рискнуть одним, совсем маленьким судном с крошечной командой. Всего двенадцать человек - если бы в истории царила справедливость, их имена были бы прославлены не меньше, чем имена аргонатов, но мы не знаем ни одного из них, - эти двенадцать решаются на героический поступок. На маленькой бригантине поднимают вражеский флаг. Все двенадцать человек переодеваются турками, они в тюрбанах, или «тарбушах», чтобы не привлекать внимания. 3 мая, в полночь, заградительную цепь гавани беззвучно опускают, едва слышится приглушенный плеск весел, и отважная бригантина, пользуясь темнотой, выскальзывает из гавани. И что же - чудо свершается: неузнанным проходит утлое суденышко через Дарданеллы в Эгейское море. И, как всегда, безмерность отваги парализует противника. Кажется, все предусмотрел Мухаммед, но не мог себе представить, чтобы на своем одиноком судне двенадцать героев дерзнули проплыть через его флот с мужеством, равным мужеству аргонатов.

Однако какое трагическое разочарование: в Эгейском море не видно ни одного венецианского паруса. И Венеция и папа - все забыли о Византии, все оставили ее в пренебрежении, занятые мелкой, недалекновидной политикой, почестями да присягами. Все вновь и вновь повторяются в истории эти трагические моменты, когда для защиты европейской культуры необходимо величайшее сосредоточение и объединение всех сил, а властители и государства ни на малую толику не могут пожертвовать мелким соперничеством. Генуе важнее затмить Венецию, а Венеции - Геную, чем, объединившись хотя бы на несколько часов, совместно пойти на общего врага. И вот море пусто. В отчаянии гребут герои в своей ореховой скорлупе от острова к острову. Но повсюду гавани уже заняты врагом, и ни одно дружественное судно не отваживается войти в область военных действий.

Что делать? Кое-кто из двенадцати пал духом, что вполне естественно. Зачем

возвращаться в Константинополь и еще раз проделать весь этот опасный путь? Никаких надежд они привезти не могут. Может быть, город уже пал; во всяком случае, если они вернутся, их ожидает плен или смерть. Но как великолепны те герои, которые никому не ведомы! - большинство все же высказывается за возврат в Византий. Им дано поручение, и они должны его выполнить. Их послали за вестями, и они должны их привезти на родину, как бы тяжелы эти вести ни были. И вот хрупкое суденышко отважно пускается в обратный путь, через Дарданеллы, Мраморное море и между судов враждебного флота. 23 мая, спустя двадцать дней после отплытия - в Константинополе уже давно решили, что бригантина погибла, уже никто не думает о вестях и о возвращении - несколько часовых на стенах вдруг начинают махать флагами, ибо под резкие удары весел маленькое судно устремляется к Золотому Рогу. И когда турки, услышав бурное ликование осажденных, с удивлением замечают, что эта бригантина, которая дерзко прошла под турецким флагом через их воды, на самом деле судно неприятеля, они со всех сторон окружают его своими галионами, чтобы успеть перехватить перед самым входом в безопасную гавань. На мгновение над Византией поднимаются ликующие крики. Люди полны радостной надежды на то, что Европа вспомнила о них и что первые корабли посланы вперед как вестники помощи. Лишь вечером становится известной печальная правда: христианский мир забыл о Византии. Осажденные покинуты, они погибли, если не спасут себя сами.

НОЧЬ ПЕРЕД ШТУРМОМ

После шести недель почти ежедневных боев султана наконец охватывает нетерпение. Его пушки во многих местах уже разрушили стены, но все атаки, которые он приказывает производить, отбиты с большим кровопролитием. Перед полководцем стоят теперь только две возможности: или отказаться от осады, или после бесчисленных отдельных атак наконец начать большое, решающее наступление. Мухаммед созывает своих пашей на военный совет, и его пылкая воля побеждает все сомнения. Великий решающий штурм назначается на 29 мая. С привычной энергией султан готовится к нему. Назначается день праздника, когда все сто пятьдесят тысяч воинов, от первого до последнего, должны выполнить все праздничные обряды, предписанные исламом, - семь омовений и три раза в день великая молитва. Еще оставшийся порох и снаряды подносят к орудиям для усиленного артиллерийского обстрела, который подготовит штурм города; отдельные отряды размещаются в разных пунктах для атаки. С раннего утра и до поздней ночи Мухаммед не дает себе отдыха ни на час. От Золотого Рога до Мраморного моря, вдоль всего гигантского лагеря едет он от палатки к палатке, всюду лично подбадривает военачальников, воодушевляет солдат. Но, как опытный психолог, он знает, чем можно разжечь до предела боевой пыл его стопятидесятитысячной армии; и он дает свирепое обещание, которое, к его чести и бесчестию, и выполняет до конца. Это обещание под гром барабанов и звуки фанфар его герольды выкрикивают на все четыре стороны света: «Мухаммед клянется именем аллаха, именем Магомета и четырьмя тысячами пророков, он клянется душой своего отца, султана Мурада, клянется жизнью своих детей и своей саблей, что после взятия города он дарует своим войскам на три дня право неограниченного разграбления. Все, что имеется внутри его стен: утварь и всякое добро, украшения и драгоценности, монеты и сокровища, мужчины, женщины, дети, все это должно принадлежать победоносным воинам, сам он отказывается от какой-либо доли, кроме чести завоевания этого последнего оплота Восточной Римской империи».

Бешеным ликованием встречают солдаты свирепую весть. Словно буря, нарастает буйный шум ликования и неистовых криков «аллах-иль-аллах», вырывающихся из тысяч глоток, и долетает до перепуганного города. «Ягма», «Ягма» - «Грабьте!» «Грабьте!» Слово это становится боевым кличем, оно в дробь барабанов, оно в реве труб и звоне цимбал, и ночью лагерь превращается в праздничное море света. Содрогаясь, видят осажденные со своих насыпей, как на равнине и на холмах загораются мириады огней и факелов и неприятель под звуки труб, свистелок, барабанов и тамбуринов празднует победу еще до победы; это напоминает зловещую и шумную церемонию языческих жрецов перед принесением жертвы. Но в полночь, по приказу Мухаммеда, гаснут в один миг все огни и резко обрывается тысячеголосый гомон разгоряченных толп. Но этот тяжкий мрак и внезапное безмолвие своей грозной решительностью больше угнетают расстроенных, насторожившихся греков, чем неистовое ликование буйных огней.

ПОСЛЕДНЯЯ ОБЕДНЯ В СВЯТОЙ СОФИИ

Осажденным не нужны ни дозорные, ни перебежчики, они знают и так, что им предстоит. Они знают, что приказ о штурме крепости отдан, и предчувствие неслыханной ответственности и неслыханных опасностей нависает над городом, как грозная туча. Население, разъединенное ссорами и религиозными распрями, в эти последние часы вдруг забывает о всех разногласиях. Так обычно только крайняя беда являет нам зрелище несравненного человеческого единения на земле; пусть все знают, какие ценности им предстоит защищать: веру, великое прошлое, общую культуру. Басилевс повелевает совершить волнующую церемонию: по его приказу весь народ - православные и католики, священники и миряне, дети и старцы выстраиваются в одну процессию. Никто не имеет права, никто не хочет оставаться дома, начиная с самых богатых и кончая беднейшими, все выстраиваются, с благоговением запевая «Kyrie Eleison», и торжественное шествие сначала обходит город, а затем и внешние укрепления. Взятые из церкви иконы и реликвии несут впереди; повсюду, где в стенах пробита брешь, вешают иконы, они лучше, чем земное оружие, отразят штурм неверных. Одновременно император Константин собирает сенаторов, дворян и военачальников, чтобы последним обращением разжечь в них мужество. Правда, он не может, как Мухаммед, обещать им безмерную добычу. Но он живописует честь и славу, которые они добудут для всех христиан и всего западного мира, если они отразят этот последний решающий штурм, и ту опасность, которая грозит всем, если они не устоят перед поджигателями к убийству; и Мухаммед и Константин знают, что этот день определит ход истории на многие века.

Потом начинается заключительная сцена, одна из самых захватывающих в Европе, незабываемый экстаз гибели. В соборе Святой Софии, тогда еще одном из самых великолепных соборов мира, который со дня объединения церквей был покинут и православными и католиками, собираются обреченные на смерть. Вокруг императора столпился весь двор, аристократия, греческое и Римское духовенство, гунуэзские и венецианские солдаты и матросы, все в доспехах и при оружии, а позади них стоят, молча и благоговейно преклонив колена, тысячи и тысячи бормочущих теней - молящийся, обуреваемый страхом и заботами народ; и свечи, свет которых едва рассеивает сумрак нависших сводов, озаряют эту в единокорной молитве склонившуюся долу, как единое тело, толпу. Сама душа Византии молится здесь богу. И вот мощно и призывно раздается голос патриарха, ему отвечают хоры, еще раз

звучит в этом соборе священный вечный голос Запада - музыка. Затем один за другим подходят они к алтарю - первым император, - чтобы получить утешение веры, и, отдаваясь от стен огромного храма, до самых сводов гулко и звонко плещет высокий прибор неустанной молитвы. Последняя, зауспокойная обедня Восточной Римской империи началась. Ибо в последний раз живет христианская вера в Юстиниановом соборе.

После этой потрясающей церемонии император только раз ненадолго вернулся в свой дворец, чтобы у всех своих подданных и слуг попросить прощения за всякую обиду, которую им когда-либо нанес. Затем он вскакивает на коня, в точности как Мухаммед, его великий противник, и едет в тот же час вдоль укреплений, чтобы воодушевить солдат. Ни один голос не звучит, ни один меч не звякнет. Но, взволнованные душой, ждут тысячи людей за городскими стенами рассвета и смерти.

КЕРКАПОРТА, ЗАБЫТАЯ ДВЕРЬ

В час пополуночи султан отдает сигнал к атаке. Развернут гигантский штандарт, и сотни тысяч людей с криками «аллах, аллах-иль-аллах» бросаются с оружием, лестницами, веревками и крюками на стены, и в то же время выбивают дробь все барабаны, пронзительные звуки труб, цимбал и флейт сливаются с криками людей и громом пушек, образуя сплошной оглушительный ураган звуков. Султан безжалостно бросает на стены неопытные отряды башибузуков, в его планах осады их полунагие тела должны играть роль упоров и предназначены для того, чтобы утомить и ослабить врага. Только после того он введет в дело свои основные силы, которые и должны нанести решающий удар. Подгоняемые кнутами, бегут башибузуки в темноте вперед, неся сотни лестниц, карабкаются на зубцы, их сбрасывают вниз, они опять кидаются в атаку, все вновь и вновь, ибо пути назад им нет: позади этого предназначенного быть только жертвой и не имеющего ценности человеческого материала уже стоят основные силы, которые беспрерывно гонят его в атаку, на почти верную смерть. Еще защитники берут верх, их кольчуги неуязвимы для бесчисленных камней и стрел неприятеля. Но главная угрожающая им опасность - и тут Мухаммед не ошибся в своих расчетах - это утомление. Осажденные вынуждены беспрерывно сражаться против все новых наступающих, легковооруженных частей, то и дело перебегать с одного угрожаемого места на другое, и скоро оказывается, что в этой навязанной им защите большая часть их сил уже израсходована. И когда затем - после двухчасовых боев начинает светать - второй штурмовой отряд, анатолийцы, идут в атаку, борьба становится уже опасной. Ибо анатолийцы - дисциплинированные воины, они хорошо обучены и тоже защищены кольчугами, кроме того, они многочисленнее и полны сил, тогда как защитникам города приходится оборонять от вторжения нападающих то одно место, то другое. Однако атакующих еще повсюду отбрасывают назад, и султан вынужден ввести в бой свои последние резервы - янычар, кадровые войска, избранную гвардию оттоманской армии. Собственной особой становится он во главе двенадцати тысяч молодых, отборных солдат, лучших, каких знала в те времена Европа; и, издав один согласный крик, они бросаются на измотанного противника. Уже давно пора зазвонить всем городским колоколам и призвать на стены всех хоть сколько-нибудь боеспособных жителей, пора забрать матросов с кораблей, ибо сейчас разгорается действительно решающая битва. На беду защитников, каменное ядро тяжело ранит начальника генуэзских войск, отважного кондотьера Джустиниани, его утаскивают на суда, и от этой неудачи энергия осажденных на миг ослабевает. Но вот уже мчится

галопом сам император, чтобы помешать угрожающему византийцам вторжению, и удастся еще раз столкнуть лестницы штурмующих: решимость противопоставлена отчаянной решимости, и на миг, краткий, как вздох, кажется, что Византии спасен, величайшее бедствие побеждает самое яростное нападение. И вдруг один трагический эпизод, одна из тех загадочных минут, какие порой возникают при неисповедимых решениях истории, как бы одним ударом определяют судьбу Византии.

Произошло нечто совершенно неправдоподобное. Через одну из многочисленных брешей, пробитых во внешней стене, неподалеку от главной точки нападения, проникли несколько турок. Но к внутренней стене они боятся подступить. А когда они без всякого плана, любопытствуя, бродят между первой и второй городскими стенами, они замечают, что одни ворота, поменьше, так называемые керкапорта, по непостижимому недосмотру остались отпертыми. В сущности, это просто калитка, предназначенная в мирное время для пешеходов, когда главные ворота еще закрыты; именно потому, что эта калитка не имеет никакого стратегического значения, среди всеобщей тревоги этой ночи о ее существовании совсем забыли. И янычары, к своему изумлению, видят среди грозного бастиона эту спокойно раскрытую перед ними дверь. Сначала они подозревают военную хитрость, ибо им кажется просто абсурдом, что здесь по-воскресному мирно открыта калитка керкапорта, ведущая к центру города, тогда как перед каждой брешью, каждым отверстием, каждыми воротами крепости громоздятся тысячи трупов, осажденные мечут в осаждающих дротики и льют на них горящее, шипящее масло. На всякий случай янычары зовут подкрепление, и, не встретив никакого отпора, целый отряд турок врывается во внутренний город и внезапно нападает с тылу на ничего не подозревающих защитников наружных стен. Несколько воинов вдруг видят турок за своей спиной и, на свое несчастье, поднимают тот крик, который рождает ложные слухи: «Город взят!» И все громче его повторяют турки, ликуя: «Город взят!» И этот крик подрывает всякое сопротивление. Отряды наемников, вообразив, что их предали, покидают свои посты, стараясь поскорее достигнуть гавани и спастись на суда. Тщетно Константин с несколькими верными ему людьми бросается навстречу захватчикам, он падает, сраженный в сумятице, и только на другой день его узнают в груди убитых по пурпурным, украшенным золотым орлом башмакам и установят, что последний государь Восточной Римской империи доблестно (в римском смысле этого слова) расстался с жизнью и с империей. Так случайная пылинка, керкапорта, забытая дверь, определила ход всемирной истории.

КРЕСТ НИЗВЕРЖЕН

Порой история играет датами. Ибо ровно через тысячу лет после того, как Рим был столь знаменательно разграблен вандалами, начинается грабеж Византия. Верный своим клятвам, сдержал слово Мухаммед, свирепый победитель. После первой резни он без разбору отдает в руки своих солдат военную добычу: дома и дворцы, монастыри и церкви, мужчин, женщин и детей, и, словно дьяволы преисподней, мчатся турки тысячами по улицам, стараясь опередить друг друга. Первыми атакуются церкви, там сверкают золотые сосуды, искрятся самоцветы, а когда солдаты врываются в какой-нибудь дом, они сейчас же вывешивают на нем свои знамена, чтобы идущие следом знали: здесь добыча уже конфискована; и добыча эта состоит не только из драгоценных камней, тканей, денег и движимого имущества; женщины - это тоже товар, годный для сералей, а мужчины и дети - для невольничьих рынков.

Целыми толпами выгоняют победители кнутах тех несчастных, которые искали убежища в церквах, стариков приканчивают, ибо это бесполезные едоки и балласт, не имеющий спроса, а молодых связывают вместе, как скот, и утаскивают прочь, причем наряду с грабежом свирепствует бессмысленное разрушение. Все, что крестоносцы, грабившие, быть может, не менее жестоко, оставили, - часть драгоценных реликвий и произведений искусства, - неистовствующие победители теперь разбивают, разрывают на клочья, распарывают; они уничтожают ценнейшие картины, раскалывают молотками великолепные статуи, книги, в которых заключены мудрость веков, бессмертное сокровище греческой мысли и поэзии и которые должны были сохраняться на веки веков, сжигаются и небрежно выбрасываются. Никогда человечество не узнает до конца, какое бедствие ворвалось в этот роковой час через открытую керкапорту и сколь многие духовные богатства мира были при разграблении Рима, Александрии и Константинополя утрачены.

Лишь во вторую половину дня, ознаменованного великой победой, когда побоище уже кончилось, свершает Мухаммед свой въезд в завоеванный город. Гордый и серьезный, следует он на своем великолепном скакуне мимо диких сцен грабежа, не глядя в сторону, ибо он остается верен данному слову - не мешать солдатам, добывшим ему победу в их ужасном деле. Но увидеть в первую очередь плоды победы, ибо это полная победа - не его цель, он гордо едет прямо к собору, к этой золотой главе Византия. Больше пятидесяти дней жадно взирал он из своей палатки на поблескивающий недоступный купол Святой Софии; теперь он, победитель, имеет право перешагнуть через порог ее бронзовых дверей. Но Мухаммед еще раз укрощает свое нетерпение: он хочет сначала возблагодарить аллаха, прежде чем навеки посвятить ему этот храм. Султан смиренно спешивается и склоняется до земли в молитве. Затем берет горсть земли и насыпает ею главу, дабы напомнить самому себе, что и сам он смертен и не должен чрезмерно гордиться своим триумфом. Лишь затем, показав богу, как он смиренен, султан резко выпрямляется и вступает - первый слуга аллаха - в храм Юстиниана, в храм священной премудрости, в храм Святой Софии.

С любопытством и волнением разглядывает султан великолепное здание, высокие своды, поблескивающие мрамором и мозаикой, хрупкие арки, вздымающиеся из сумрака к свету; не ему, чувствует он, а его богу должен принадлежать этот благородный дворец молитвы. Тотчас посылает он за имамом, тот восходит на кафедру и оттуда провозглашает магометанский символ веры, а падишах, обратившись лицом к Мекке, читает молитву аллаху, владыке миров; она звучит впервые в этом христианском храме. На следующий же день мастеровые получают приказ убрать из церкви все знаки прежней религии; сносятся алтари, замазываются благочестивые картины из мозаики, и высоко вознесенный крест на Святой Софии, в течение тысячи лет простиравший свои руки, чтобы охватить все земное страдание, с глухим стуком падает наземь.

Громким эхом отдается звук в храме и далеко за его стенами. Ибо от этого падения содрогается весь Запад. Вызывая испуг, отдается горестная весть в Риме, в Генуе, в Венеции, словно предостерегающий гром, докатывается она до Франции, Германии, и Европа, трепеща, осознает, что в результате ее тупого равнодушия через роковую забытую дверь, через керкапорту, ворвалась, подобно судьбе, разрушительная мощь, которая в течение веков будет связывать и сковывать силы Европы. Однако в истории народов, как и в жизни отдельного человека, сожалениями о потерянной минуте ее не

возвратишь, и тысячелетию не исправить упущенного за один час.

Побег в бессмертие

(Открытие Тихого океана 25 сентября 1513 года)

Перевод Е. Гнедина

КОРАБЛЬ СНАРЯЖАЕТСЯ В ПУТЬ

Когда Колумб вернулся в Испанию после открытия Америки, он в своем триумфальном шествии по заполненным народом улицам Севильи и Барселоны выставил напоказ великое множество ценностей и диковинок - краснокожих людей доселе неизвестной расы, невиданных зверей, пестрых, крикливых попугаев, неповоротливых тапиров, удивительные растения и фрукты, которые вскоре затем привились в Европе, индийское зерно, табак и кокосовые орехи. Ликующая толпа с любопытством глазеет на все это богатство, но внимание королевской четы и ее советников приковано к нескольким ларчикам и корзинкам с золотом. Совсем немного золота привез Колумб из новой Индии - несколько украшений, отнятых или вымененных у туземцев, несколько маленьких слитков, две-три горсти золотых крупинок - скорее золотая пыль, нежели золото, - всей добычи хватило бы разве на чеканку нескольких сотен дукатов. Однако гениальный фантазер Колумб, который всегда слепо верит именно в то, во что он сейчас хочет верить, и который только что со столь великой славой утвердил свою правоту, открыв морской путь в Индию, хвастает, невольно впадая в преувеличение, что все это золото - только первый, ничтожный образец. Он, по его словам, получил достоверные известия о неисчислимых золотых россыпях, имеющих на этих новых островах; в иных местах драгоценный металл лежит под тонким слоем земли почти на поверхности. Золото можно легко выгребать обыкновенной лопатой. Но дальше к югу есть страны, где короли пьют вино из золотых кубков, и золото там ценится дешевле, чем в Испании свинец. Король, вечно нуждающийся в деньгах, как зачарованный слушает рассказы об этом новом, принадлежащем ему золотоносном Офире [1]; еще недостаточно известно высокое безумие Колумба, поэтому никто не сомневается в достоверности его слов. Тотчас же снаряжают большой флот для второго плавания, и на этот раз нет надобности в вербовщиках и глашатаях для найма корабельных команд. Всю Испанию сводит с ума весть о вновь открытом Офире, где золото можно взять голыми руками; люди сотнями, тысячами спешат в Эльдорадо, в страну золота.

Но какую мутную волну выплескивает теперь жажда наживы изо всех городов, селений и деревень! Свои услуги предлагают не только дворяне, желающие основательно позолотить свой родовой герб, не только отчаянные искатели приключений и храбрые солдаты; волна выносит в порты Палос и Кадис всю грязь и все отбросы Испании. Клейменные воры, разбойники с большой дороги и грабители, рассчитывающие найти более выгодное дельце в стране золота, должники, спасающиеся от кредиторов, и мужья, удирающие от сварливых жен, - все эти отщепенцы и несчастливцы, преступники, отбывшие каторгу, и преступники, разыскиваемые полицией, - все они нанимаются на корабли; это разношерстная толпа неудачников, решивших одним махом добиться наконец богатства и готовых на любое насилие, любое преступление. Они так рьяно внушают друг другу веру в бредни Колумба, который утверждал, будто в тех странах достаточно вонзить лопату в землю, и взору тут же откроются сверкающие самородки, что переселенцы побогаче берут с собою слуг и мулов, надеясь сразу отгрузить целые горы драгоценного металла. Тот,

кому не удастся попасть в состав экспедиции, пробирается другим путем; не слишком заботясь о королевском разрешении, бесшабашные авантюристы снаряжают корабли на свой страх и риск, чтобы как можно быстрее переправиться через океан и захватить в свои руки золото, золото, золото. Испания одним ударом освободилась от беспокойных людей и самого опасного сброда.

Губернатор Эспаньолы (впоследствии Сан-Доминго, или Гаити) с ужасом наблюдает, как эти незваные гости наводняют вверенный ему остров. Из года в год приходят груженные корабли, поставляя все более разнузданных головорезов. Однако и пришельцы горько разочарованы, ибо золото здесь вовсе не валяется на дороге, а из несчастных туземцев, на которых они набросились как звери, нельзя выжать больше ни крупинки. Наводя ужас на злополучных индейцев и страх на губернатора, повсюду бродят и рыщут орды грабителей. Напрасно пытается губернатор превратить их в оседлых колонистов, отводит им земельные участки, наделяет скотом и даже - в немалом количестве - людьми на положении скота, а именно: каждому поселенцу шестьдесят - семьдесят туземцев-рабов. Однако и знатные идальго [2] и бывшие разбойники равно не питают особой склонности к земледелию. Не для того они переселились сюда, чтобы возделывать пшеницу и разводить скот; ничуть не заботясь о посеве и жатве, они истязают злосчастных индейцев - в течение немногих лет будет истреблено все население - или проводят время в притонах. За короткий срок большинство из них до такой степени увязло в долгах, что они вынуждены были продать не только свое имение, но и плащ, шляпу и последнюю рубашку и окончательно попадают в петлю к торговцам и ростовщикам.

Поэтому желанной вестью для всех неудачников на Эспаньоле явилось решение весьма уважаемого на этом острове человека - правоведа, «бакалавра» Мартина Фернандеса де Энсисо снарядить в 1510 году корабль, чтобы с новым отрядом прийти на помощь своей колонии на terra firma¹ - на материке. В 1509 году два знаменитых искателя приключений, Алонсо де Охедо и Диего де Никуеса, получили от короля Фердинанда право основать близ Панамского пролива и побережья Венесуэлы колонию, которую они несколько опрометчиво назвали Кастилия дель Оро - «Золотая Кастилия»; Энсисо, законовед, не ведающий жизни, оболыщенный звучным названием и обманутый лживыми слухами, вложил все свое состояние в это предприятие. Однако из этой колонии, основанной в Сан-Себастьяне у залива Ураба, приходит не весть о добытом золоте, а вопль о помощи. Половина людей погибла в боях с туземцами, остальные умирают от голода. Чтобы спасти деньги, вложенные в это дело, Энсисо рискует остатками своего состояния и снаряжает спасательную экспедицию. Едва стало известно, что Энсисо нуждается в солдатах, как все головорезы и бездельники на Эспаньоле ухватились за возможность бежать с острова. Только бы убраться отсюда, только бы улизнуть от кредиторов и надзора строгого губернатора! Однако и кредиторы настороже. Увидев, что самые злостные должники хотят с ними навеки распрощаться, они осаждают губернатора, требуя, чтобы он запретил покидать остров без его особого разрешения. Губернатор удовлетворяет эту просьбу. Устанавливается строгое наблюдение; корабль Энсисо вынужден находиться за пределами гавани; вокруг патрулируют правительственные шлюпки, следя за тем, чтобы на борт корабля тайком не пробрался человек, не имевший на то права. И вот все отщепенцы и головорезы, боящиеся смерти меньше, чем честной работы или долговой тюрьмы, с

¹ Твердая земля (лат.); в мореходной терминологии того времени - материк.

безмерной горечью глядят, как корабль Энсисо на всех парусах уходит без них навстречу приключениям.

ЧЕЛОВЕК В ЯЩИКЕ

На всех парусах несется корабль Энсисо от берегов Эспаньолы к американскому континенту, уже потонули в голубой дали очертания острова; это мирное плавание; сначала ничего примечательного не происходит, разве только то, что громадный пес необычайной силы, отпрыск знаменитой охотничьей собаки Бесерикко и сам вскоре прославившийся под именем Леонсико, беспокойно бегает взад и вперед по палубе, обнюхивая все закоулки. Никто не знает, кому принадлежит это могучее животное и как оно попало на борт корабля. Наконец окружающим бросается в глаза, что собаку нельзя отогнать от очень большого ящика с провиантом, который был доставлен на борт корабля в последний день погрузки. Но что это? Крышка ящика неожиданно приподнимается, оттуда вылезает какой-то человек, лет тридцати пяти, вооруженный мечом и щитом и в шлеме, как Сант-Яго, кастильский святой. Это Васко Нуньес де Бальбоа, который сейчас впервые показывает свою изумительную дерзость и находчивость. Дворянин, родившийся в городе Херес де лос Кабаллерос, он отправился в качестве простого солдата с Родриго де Бастидас в Новый Свет; в конце концов после долгих блужданий его вместе с кораблем прибило к берегам Эспаньолы. Напрасно губернатор пытался сделать из Нуньеса де Бальбоа хорошего колониста; через несколько месяцев тот бросил на произвол судьбы предоставленное ему имение и настолько разорился, что не знал, куда деваться от кредиторов. Но тогда как другим должникам приходится, сжимая кулаки, глядеть с берега на правительственные шлюпки, мешающие им бежать на корабле Энсисо, Нуньес де Бальбоа дерзко обходит кордон Диего Колумба; он прячется в пустой ящик и поручает своим сообщникам перенести его на борт корабля, где в суете сборов никто не обнаруживает наглой и хитрой проделки. Только решив, что корабль достаточно далеко от берега и не повернет из-за него обратно, безбилетный пассажир заявляет о себе. Теперь он добился своего.

Бакалавр Энсисо - знаток права, и ему, как большинству правоведов, романтика не по душе. В качестве алькальда, в качестве начальника полиции в новой колонии он не намерен терпеть там присутствие безнадежных пьяниц и темных личностей. Поэтому он сурово заявляет Нуньесу де Бальбоа, что и не подумает брать его с собой, а высадит на первом же острове, который попадется им на пути, будь то обитаемый или необитаемый остров.

Но до этого дело не дошло. На пути к Кастилии дель Оро встречается парусник, что было чудом в те времена, когда по этим неизвестным морям плавало всего несколько десятков кораблей, - парусник, переполненный людьми, под командой Франсиско Писарро, чье имя вскоре прогремит на весь мир. На борту находятся поселенцы из колонии Сан-Себастьян, принадлежащей Энсисо; сначала их принимают за бунтовщиков, самовольно покинувших свой пост, однако, к ужасу Энсисо, они сообщают: не существует больше колонии Сан-Себастьян; они последние, оставшиеся в живых колонисты; комендант Охеда бежал на корабле, а они располагали только двумя бригантинами, им пришлось ждать, пока часть людей перемерет, потому что только семьдесят человек могли уместиться на двух таких маленьких суденышках. Одна из бригантин потерпела крушение, тридцать четыре человека под командой Писарро - это последние уцелевшие обитатели Кастилии дель Оро. Куда же теперь?

После рассказа Писарро солдаты Энсисо не склонны ни подвергать себя опасности, которой грозит смертоносный болотистый климат покинутого селения, ни подставлять себя под отравленные стрелы туземцев; им кажется, что вернуться на Эспаньолу - единственный выход. В это решающее мгновение неожиданно выступает Васко Нуньес де Бальбоа. По его словам, во время плавания с Родриго де Бастидасом он хорошо узнал все побережье Центральной Америки, и, как ему помнится, они тогда нашли на берегу золотоносной реки место, называющееся Дарьен, где живут мирные туземцы. Именно здесь, а не в том гиблом месте надо основать новое поселение.

Вся команда тотчас же выражает свое согласие с Нуньесом де Бальбоа. По его предложению они направляются к Дарьену на Панамском перешейке, сначала устраивают обычную бойню среди туземцев, а затем, обнаружив в награбленном имуществе золото, головорезы принимают решение основать здесь поселок, после чего благочестиво и благодарно присваивают новому городу название - Санта Мария де ля Антига дель Дарьен.

ОПАСНОЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Вскоре неудачливый колонизатор, бакалавр Энсисо, горько пожалеет о том, что не выбросил в свое время за борт ящик с Нуньесом де Бальбоа, ибо через несколько недель вся власть в колонии оказалась в руках этого смельчака. Законник, воспитанный на понятиях дисциплины и порядка, Энсисо, в качестве *Alcalde mayor*, преемника бесследно исчезнувшего правителя, пытается управлять колонией в интересах испанской короны; в убогой индейской хижине он составляет свои эдикты с такой же аккуратностью и строгостью, как некогда в своей севильской конторе стряпчего. В этих диких краях, еще не тронутых цивилизацией, он запрещает солдатам выменивать золото у туземцев, ибо сие есть привилегия короны; он пытается навязать этой разнузданной орде закон и порядок, но искателям приключений больше по душе человек с мечом, нежели человек с гусиным пером. Вскоре Бальбоа становится подлинным хозяином колонии; Энсисо вынужден бежать, спасая свою жизнь; когда же назначенный королем губернатор *terra firma* Никуеса наконец прибывает, чтобы навести порядок, Бальбоа и вовсе не дает ему высадиться на берег, и несчастный Никуеса, изгнанный из страны, которую пожаловал ему король, погибает во время обратного плавания.

Теперь Нуньес де Бальбоа, человек, явившийся из ящика, возглавляет колонию. Но, несмотря на достигнутый успех, он чувствует себя не очень хорошо. Ведь он открыто восстал против короля, и ему тем более не приходится рассчитывать на прощение, что по его вине погиб назначенный королем губернатор. Бежавший Энсисо уже на пути в Испанию; значит, рано или поздно по его жалобе Бальбоа будут судить за мятеж. Однако Испания далеко, и пройдет немало времени, пока корабль дважды пересечет океан. Бальбоа столь же умен, сколь и отважен; он находит единственный способ как можно дольше удерживать захваченную власть: он знает, что в нынешние времена успех оправдывает любые преступления и, основательно пополнив золотом королевскую казну, можно замять или затянуть всякое уголовное дело; значит, прежде всего надо добыть золото, ибо золото - это сила! Вместе с Франсиско Писарро он поработает и грабит соседние туземные племена, и во время обычной кровавой резни на его долю выпадает неожиданная удача. Один из кациков [3], по имени Карэта, на которого Бальбоа коварно напал, грубо нарушив закон гостеприимства, предлагает ему, уже приговоренный к казни: не лучше ли вместо того, чтобы превращать

индейцев в своих врагов, заключить союз с его племенем; а в качестве залога верности Карэта готов отдать ему свою дочь. Нуньес Бальбоа сразу понимает, как важно иметь надежного и сильного друга среди туземцев; он принимает предложение и - что особенно удивительно - до последнего своего часа сохраняет самую нежную привязанность к молодой индианке. Вместе с кациком Карэтой он покоряет все соседние индейские племена и приобретает среди них такое влияние, что в конце концов даже Комагре, самый могущественный индейский вождь, почтительно приглашает его к себе.

Пребывание у Комагре знаменует веку всемирно-исторического значения в жизни Васко Нуньеса де Бальбоа, бывшего доселе просто отщепенцем и дерзким бунтовщиком против короны, которого кастильские судьи неминуемо послали бы на плаху. Кацик Комагре принимает Бальбоа в просторном каменном доме, поражающем Васко Нуньеса своей невиданной роскошью; затем кацик преподносит гостю неожиданный подарок - четыре тысячи унций золота. Но теперь пришел черед удивляться кацику: едва эти сыны неба, эти могучие, богоравные чужеземцы, которых он принимал с таким почетом, увидели золото, как все их горделивое достоинство сразу же улетучилось. Точно собаки, спущенные с цепи, бросаются они друг на друга, выхватывают мечи, сжимают кулаки, кричат, бешено спорят, и каждый требует свою долю золота. С презрительным удивлением глядит кацик на беснующихся людей; так все дети природы во всех концах земли всегда удивляются цивилизованным людям, которым горсть желтого металла кажется ценнее всех духовных и материальных достижений собственной цивилизации.

Кацик обращается к испанцам с речью, и они, трепеща от алчности, слушают слова толмача. Как странно, говорит Комагре, что вы спорите между собой из-за такой безделицы, что из-за такого обыкновенного металла подвергаете себя тяжелым лишениям и опасностям. За высокой грядой наших гор лежит огромное море, и все реки, впадающие в него, несут с собой золото. А живет там народ, который плавает на кораблях, подобных вашим, с парусами и веслами, и его короли пьют и едят на золоте. Там-то вы и добудете этого желтого металла сколько вашей душе угодно. Но ведет туда опасный путь, ибо вожди племени, наверное, откажутся вас пропустить; зато этот путь продлится лишь несколько дней.

Васко Нуньес де Бальбоа поражен в самое сердце. Наконец он напал на след сказочной страны золота, о которой столь многие мечтали долгие годы; его предшественники искали ее повсюду, на юге и на севере, и вот теперь она совсем близко, всего в нескольких днях пути, если кацик сказал правду. Тогда доказано наконец существование того, другого океана, к которому тщетно искали путь Колумб, Кабот, Кортереал - все великие и славные мореплаватели; значит, тем самым открыт и путь вокруг земного шара. Тот, кто первый увидит это новое море и сделает его достоянием своего отечества, навеки прославит свое имя на земле. И Бальбоа становится ясно, какой подвиг он призван совершить, чтобы искупить свою вину и стяжать неувядаемую славу: он должен первым пересечь перешеек к *Mar del sur* - к Южному морю, ведущему в Индию, и завоевать для испанской короны новый золотоносный Офир. Этот час в доме кацика Комагре решил судьбу Бальбоа. Отныне жизнь заурядного искателя приключений приобрела высокое, непреходящее значение.

ПОБЕГ В БЕССМЕРТИЕ

Судьба дарует человеку высшее счастье, если в середине жизненного пути, в годы творческой зрелости, он достигнет цель своей жизни. Нуньес де Бальбоа знает, перед каким выбором он поставлен: либо позорная смерть на плахе, либо бессмертие. Прежде всего надо купить примирение с короной, хотя бы задним числом оправдать и узаконить самовольный захват власти! Поэтому вчерашний бунтовщик, а теперь самый ревностный подданный короля, посылает Пасамонте, королевскому казначею на Эспаньоле, не только пятую часть даров Комагре, по закону причитающуюся короне, но, как человек в житейских делах более опытный, чем сухарь-законник Энсисо, к взносу в казну присовокупляет частным образом крупное денежное подношение казначею и просит утвердить его в звании генерал-капитана колонии. На это у казначея Пасамонте нет никаких полномочий, и все же в обмен на полновесное золото он посылает Нуньесу де Бальбоа временный и по существу ничего не стоящий документ. Между тем Бальбоа, стремясь обезопасить себя со всех сторон, направляет в Испанию двух самых доверенных людей, чтобы они рассказали при дворе о его заслугах перед короной и передали важное сообщение, которое ему удалось выманить у кадика. Васко Нуньес де Бальбоа велит сказать в Севилье, что ему нужен только отряд в тысячу человек; с этим отрядом он берется совершить для Кастилии подвиги, еще не свершенные ни одним испанцем. Он обязуется открыть новое море и овладеть найденной наконец страной золота, которую Колумб лишь посулил, а он, Бальбоа, завоеует.

Казалось бы, все оборачивается к лучшему для этого пропадающего человека, бунтовщика и отщепенца. Однако первый же корабль из Испании привозит дурные вести. Один из соучастников Бальбоа по мятежу, которого он в свое время отправил в Испанию, чтобы опровергнуть при дворе жалобу ограбленного Энсисо, сообщает, что дело приняло для Бальбоа плохой оборот и даже жизнь его в опасности. Обманутый бакалавр добился в испанском суде удовлетворения иска, предъявленного похитителю его власти, - Бальбоа обязан возместить ему убытки. А весть о том, что Южное море найдено, весть, которая могла бы спасти Бальбоа, еще не получена в Испании; во всяком случае, с ближайшим кораблем должен прибыть судья, чтобы привлечь Бальбоа к ответственности за мятеж и либо осудить его на месте, либо отправить в кандалах обратно в Испанию.

Васко Нуньес де Бальбоа понимает, что погиб. Приговор над ним вынесен до того, как было получено его сообщение о Южном море и золотом берегу. Это известие, разумеется, будет использовано, но тем временем его голова скатится с плеч и кто-нибудь другой совершит его деяние, то самое деяние, о котором он мечтал. Ему уже больше нечего ждать от Испании, там известно, что он обречен на гибель законного королевского губернатора, что он самовольно сместил с должности алькальда; хорошо еще, если присудят только к тюремному заключению и он не поплатится головой за свою дерзость! Не приходится рассчитывать и на влиятельных друзей, потому что сам он больше не располагает властью, а голос его лучшего защитника - золота - звучит еще слишком слабо, чтобы добыть ему прощение. Только одно может спасти его от кары за дерзость - еще большая дерзость! Он спасется, если откроет новое море и новый Офир раньше, чем придут судьи, раньше, чем их подручные схватят его и закуют в цепи. Здесь, на краю обитаемого мира, единственная возможность бежать - это побег в грандиозный подвиг, побег в бессмертие.

И вот Нуньес де Бальбоа решает не ждать прибытия из Испании тысячи человек, испрошенных им для завоевания неизвестного океана, не ждать и прибытия судебных властей. Лучше испытать судьбу вместе с немногими смельчаками! Лучше с честью умереть ради одного из самых дерзновенных приключений всех времен, нежели позорно, со связанными руками быть брошенным на плаху. Нуньес де Бальбоа созывает колонистов; не скрывая трудностей, он объявляет о своем намерении пересечь перешеек и спрашивает, кто желает следовать за ним. Его мужество вселяет мужество в других. Сто девяносто солдат - почти все обитатели колонии, способные носить оружие, - дают согласие; о вооружении колонистов не нужно заботиться, потому что эти люди и без того живут в постоянных битвах. И 1 сентября 1513 года, чтобы избежать виселицы или тюрьмы, Нуньес де Бальбоа, герой и разбойник, искатель приключений и бунтовщик, начинает свой поход в бессмертие.

НЕПРЕХОДЯЩЕЕ МГНОВЕНИЕ

Переход через Панамский перешеек начинается в провинции Койба, в маленьком владении кацика Карэты, чья дочь-спутница жизни Бальбоа; как обнаружится позднее, Нуньес де Бальбоа выбрал не самое узкое место перешейка и по незнанию местности удлинил на несколько дней опасный переход. Но Бальбоа, очевидно, считал, что, совершая такой смелый прыжок в неизвестное, он прежде всего должен располагать поддержкой дружественного племени индейцев, если придется отступить или понадобится пополнение. В десяти больших каноэ отряд переправляется из Дарьена в Койбу - сто девяносто солдат, вооруженных копьями, мечами, аркебузами и самострелами, в сопровождении большой своры свирепых охотничьих собак. Кацик - союзник Бальбоа - предоставляет ему своих индейцев в качестве вьючных животных и проводников, и уже 6 сентября начинается тот славный поход через перешеек, который потребовал небывалого напряжения воли даже от этих отважных и испытанных искателей приключений. В душном, расслабляющем, жгучем тропическом зное испанцам предстоит сначала пройти через низины; болотистая почва насыщена миазмами лихорадки и спустя столетия погубит многие тысячи людей при постройке Панамского канала. Уже с первых часов нужно пробивать путь в нехоженые места топором и мечом сквозь ядовитые заросли лиан. Словно в огромной зеленой шахте, передние в отряде вырубая штольни в непроходимых джунглях; по узким ходам, солдат за солдатом, бесконечной вереницей шагает армия конкистадоров, всегда с оружием в руках, на чеку днем и ночью, всегда готовая отбить внезапное нападение туземцев. Удушающей становится жара в знойном, влажном сумраке под сводами исполинских деревьев, над которыми пылает беспощадное солнце. Все дальше, преодолевая милю за милей, бредут люди в тяжелых доспехах, покрытые потом, с запекшимися от жажды губами; затем вдруг низвергаются ураганные ливни, ручейки мгновенно превращаются в стремительные реки, их надо переходить либо вброд, либо по зыбким мосткам, наспех сплетенным индейцами из луба. Все, чем испанцы могут подкрепить силы, - это горсть маиса; измученные бессонницей, голодные, истомленные жаждой, облепленные мириадами жалящих, сосущих кровь насекомых, они пробиваются вперед в изорванной шипами одежде, с израненными ногами; глаза их лихорадочно блестят, лица распухли от укусов moskitov, они не знают ни отдыха днем, ни сна ночью и вскоре окончательно теряют силы. Уже через неделю значительная часть отряда не в состоянии больше выдержать тяготы пути, и Нуньес де Бальбоа приказывает остаться на месте всем истощенным и больным лихорадкой; он знает, что подлинная опасность еще впереди. Лишь с отборными людьми своего

отряда отважится он на решающее испытание.

Наконец начинается подъем в гору. Редуют дремучие дебри, которые только в болотистых низинах предстали во всем своем тропическом буйстве. Но теперь, когда тень больше не защищает путников, тяжелые латы нестерпимо накаляются под отвесными жгучими лучами тропического солнца; изнуренные люди способны сейчас лишь медленно и только короткими переходами, преодолевая ступень за ступенью, взбираться по холмам к той горной цепи, к тому твердокаменному хребту, который тянется вдоль узкого промежутка между двумя океанами. Постепенно горизонт становится шире, а воздух прохладнее. После восемнадцатидневных героических усилий самые большие трудности, видимо, позади; перед путниками вздымается гребень горы, с ее вершины, по словам проводников-индейцев, взору откроются оба океана - Атлантический и другой, еще неведомый и безыменный, Тихий океан. Но именно теперь, когда, казалось бы, окончательно побеждено упорное и коварное сопротивление природы, их встречает новый враг: казык, правящий областью, расположенной по другую сторону горного хребта, с сотнями своих воинов пытается заградить проход чужеземцам. Но у Нуньеса де Бальбоа уже есть большой опыт борьбы против индейцев. Стоит ему дать залп из аркебузов, и искусственная молния и гром вновь оказывают свое испытанное магическое действие на туземцев. Они разбегаются, испуская вопли ужаса, преследуемые испанцами и охотничьими собаками. И вместо того, чтобы радоваться легкой победе, Бальбоа, как и все испанские конкистадоры, оскверняет ее низкой жестокостью: он выпускает на безоружных и связанных, еще живых пленников - замена боя быков и игрищ гладиаторов - свору голодных, свирепых псов, которые их грызут, терзают, рвут на куски. Так гнусная бойня позорит последнюю ночь накануне бессмертного дня Нуньеса де Бальбоа.

Неповторимые, необъяснимые противоречия в характере и поведении испанских конкистадоров: на редкость верующие и набожные христиане, они от всего сердца призывают бога и в то же время совершают его именем самые мерзкие, бесчеловечные злодеяния, какие только знала история. Способные на самые великолепные и героические проявления мужества, на самопожертвование, на изумительную стойкость в испытаниях, они борются между собой и бесстыдно обманывают друг друга; и все-таки даже в своем падении они сохраняют ярко выраженное чувство чести и чудесное, поистине достойное восхищения понимание исторического величия своей задачи. Тот самый Нуньес де Бальбоа, который накануне бросил на растерзание кровожадным псам невинных, безоружных и связанных пленников и, может быть, с удовольствием поглаживал еще влажные от свежей человеческой крови псы морды, - прекрасно понимает значение своего подвига в истории человечества и способен в решающую минуту на такой великолепный жест, который навеки останется в памяти потомков. Бальбоа знает: этот день, 25 сентября, станет всемирно-историческим днем; и с чисто испанским пафосом показывает этот жестокий, ни перед чем не останавливающийся искатель приключений, что он глубоко постиг смысл своей исторической миссии.

Великолепный жест Бальбоа: вечером непосредственно после кровавой бойни один из туземцев указал ему на близкую вершину, сказав, что оттуда уже можно увидеть море, неведомое. *Mar del sur*. Бальбоа тотчас же отдает необходимые распоряжения. Он бросает раненых и обессиленных людей в разоренной деревне и приказывает тем

из его отряда, которые еще способны передвигаться, взойти на гору; из ста девяноста человек, выступивших с ним в поход из Дарьена, осталось только шестьдесят семь. Около десяти часов утра они приближаются к гребню. Еще надо взобраться на небольшую голую вершину, и тогда взору откроется беспредельность.

Бальбоа приказывает отряду остановиться. Никто не должен следовать за ним, ибо он не желает ни с кем делить право бросить первый взгляд на неведомый океан. Он хочет быть и остаться на вечные времена тем единственным первым испанцем, первым европейцем, первым христианином, который, переплыв один огромный океан земного шара, Атлантический, узрел другой, доселе неизвестный, Тихий океан. Медленно, с бьющимся сердцем, глубоко проникнутый сознанием величия этого мига, он подымается вверх, держа знамя в левой руке и меч в правой, - одинокая человеческая фигура в необозримом пространстве. Медленно, не торопясь подымается он на гору, ибо, в сущности, дело уже сделано. Еще только несколько шагов, еще немного, совсем немного. И в самом деле, когда он достигает вершины, перед ним открывается величественная картина. За круто обрывающимися скалами, за лесистыми и отлогими зелеными холмами простирается безбрежная гладь, отливающая металлическим блеском; вот оно, море, новое море, неведомое, до сих пор только грезившееся и никогда не виданное, легендарное, долгие годы Колумбом и всеми его преемниками тщетно разыскиваемое море, волны которого омывают Америку, Индию и Китай. И Васко Нуньес де Бальбоа глядит и глядит, упиваясь гордым и блаженным сознанием, что он первый европеец, в чьих глазах отразилась бескрайняя синева этого моря.

Долго и самозабвенно смотрит вдаль Васко Нуньес де Бальбоа. Лишь после этого он призывает своих товарищей, своих друзей разделить с ним его радость, его гордость. Возбужденные, взволнованные, разгоряченные, задыхаясь, с громкими криками, то ползком, то бегом они взбираются на вершину, смотрят и любуются, восторженно глядят друг на друга. Вдруг сопровождающий их патер Андрес де Вера запекает псалом «Te Deum Laudamus»², и тотчас же стихают крики и шум; сильные и грубые голоса всех этих солдат, авантюристов и разбойников сливаются в благочестивом хорале. С изумлением взирают индейцы на то, как по слову священника испанцы рубят дерево, сколачивают крест и вырезают на нем начальные буквы имени испанского короля. И когда этот крест водружен - кажется, будто обе его раскинутые деревянные руки стремятся охватить оба моря - Атлантический и Тихий океан с их необозримыми далями.

В наступившей благоговейной тишине Нуньес де Бальбоа выходит вперед и держит речь перед своими солдатами. Это похвально, говорит он, что они благодарят бога за ниспосланные им честь и милость и призывают божью помощь для завоевания этого моря и всех этих стран. Если они будут так же преданно, как и до сих пор, следовать за ним, они возвратятся из новой Индии самыми богатыми людьми в Испании. Бальбоа торжественно машет знаменем на все четыре стороны, как бы вводя Испанию во владение всеми дальними просторами, над которыми веют четыре ветра земли. Затем он зовет писца Андреса де Вальдеррабано и приказывает составить грамоту, которая закрепила бы на все времена торжественный акт вступления во владение. Андрес де Вальдеррабано разворачивает пергамент, - он пронес его через девственный лес в запертом деревянном ларчике вместе с чернильницей и гусиным пером, - и

² «Тебя, боже, хвалим...» - начальные слова молитвы ранних христиан (лат.).

приглашает всех дворян, рыцарей и солдат, присутствовавших при открытии Южного моря «благородным и высокочтимым сеньором капитаном Васко Нуньесом де Бальбоа, губернатором его величества», засвидетельствовать, что «сей сеньор Васко Нуньес был тем, кто первый узрел новое море и показал его своим спутникам».

Потом шестьдесят семь человек начинают спуск к морю, и с 25 сентября 1513 года человечеству известен последний, дотоле неведомый, океан нашей планеты.

ЗОЛОТО И ЖЕМЧУГ

Сомнений больше нет. Они видели море. Но теперь надо спуститься вниз к берегу, погрузить руку во влажную стихию, коснуться воды, потрогать ее, отведать ее вкус и захватить добычу на побережье. Спуск длится два дня, и, чтобы впредь знать кратчайший путь, ведущий с гор к морю, Нуньес де Бальбоа разбивает свой отряд на несколько групп. Третья из этих групп во главе с Алонсо Мартином первой выходит на взморье; и все, включая простых солдат этого отряда авантюристов, до такой степени охвачены жаждой славы и бессмертия, что даже столь незначительный человек, как Алонсо Мартин, требует, чтобы писец тотчас же засвидетельствовал черным по белому, что он, Алонсо Мартин, первым погрузил ногу и руку в эти еще безыменные воды. И только после того, как он наделил свое маленькое «я» крупницей бессмертия, он извещает Бальбоа, что достиг моря и своею рукой коснулся его волны. Вслед за тем Бальбоа подготавливает новый патетический жест. На следующий день, в праздник архангела Михаила, он появляется на взморье в сопровождении лишь двадцати двух спутников и здесь, в доспехах, опоясанный мечом, как сам архангел Михаил, совершает торжественный обряд и вступает во владение новым морем. Бальбоа не сразу входит в воду, а как ее господин и повелитель, отдыхая под деревом, надменно ждет, пока нарастающий прибой не докатит до него волну и не станет, точно послушная собака, лизать ему ноги. Только тогда Бальбоа встает, забрасывает за плечи щит, сверкающий на солнце, как зеркало, берет в одну руку меч, в другую - знамя Кастилии с изображением божьей матери и входит в воду. Лишь когда волны омывают его уже по пояс и вокруг плещет неведомая, громадная водная стихия, лишь тогда Нуньес де Бальбоа, до сей поры бунтовщик и отщепенец, а ныне триумфатор и верный слуга короля, поднимает знамя, машет им во все стороны, громким голосом провозглашая: «Да здравствуют Фердинанд и Хуана, высокие и могучие владыки Кастилии, Леона и Арагона, именем коих я вступаю в подлинное, непосредственное и постоянное владение и присоединяю к короне кастильских королей все сии моря и земли, берега, и заливы, и острова и клянусь, что ежели какой-либо государь или другой военачальник, будь то христианин или язычник, любой веры и сословия, посягнет на сии земли и моря, я буду защищать их именем королей Кастилии, чьим достоянием они пребудут ныне и присно, пока мир стоит и до самого второго пришествия».

Все испанцы повторяют слова клятвы, и их голоса на мгновение заглушают мощный шум прибоя. Каждый омочил уста морской водой, и снова писец Андрес де Вальдеррабано составляет акт о вступлении во владение, заключая этот документ следующими словами: «Сии двадцать два человека, а с ними и писец Андрес де Вальдеррабано были первыми христианами, вступившими в воды *Mar del sur*, и все они коснулись воды рукою и омочили уста, дабы узнать, соленая ли здесь вода, как и в том, другом море. И увидев, что сие истинно так, они возблагодарили бога».

Великий подвиг совершен. Теперь нужно извлечь из доблестного деяния земные

блага. Испанцы отнимают или выменивают у туземцев немного золота. Но в разгаре торжества открывается новая неожиданность. Индейцы приносят полные пригоршни драгоценных жемчужин - их на ближайших островах несчетное множество, и среди принесенных жемчужин находится та, названная «Пеллегриной», которую воспели Сервантес и Лопе де Вега, ибо эта прекраснейшая из жемчужин украшала корону королей Испании и Англии. Испанцы набивают полные карманы и мешки жемчугом, которым здесь дорожат не больше, чем ракушками и песком морским; когда же они жадно спрашивают о том, что для них важнее всего на земле, - о золоте, один из кациков указывает на юг, туда, где очертания гор мягко расплываются на горизонте. Там, говорит он, лежит страна несметных богатств; правители той страны едят на золоте и драгоценные грузы возят в королевскую сокровищницу на больших четвероногих зверях, - кацик имеет в виду лам. Он произносит слово, обозначающее название страны, которая лежит южнее, за морем и за горами. Это слово звучит, как «Биру», напевно и чуждо.

Васко Нуньес де Бальбоа пристально смотрит по направлению вытянутой руки кацика, туда, где далекие горы, бледнея, теряются в небе. Нежное, прельстительное слово «Биру» тотчас же запало ему в душу. Беспокойно бьется его сердце. Второй раз в жизни ему нежданно-негаданно открывается его предназначение. Первый раз, когда Комагре обещал, что море близко, - это сбылось: Бальбоа нашел жемчужный берег и *Mar del sur*; быть может, ему удастся и второе: открыть, завоевать государство инков, страну золота на нашей земле.

РЕДКО ДАРУЮТ БОГИ...

Нуньес де Бальбоа все еще со страстной тоской глядит вдаль. Как звон золотого колокола звучит в его душе слово «Биру» - «Перу». Однако, как ни горестно, он вынужден отказаться - он не может сейчас отважиться на новые поиски. Нельзя с двумя-тремя десятками изнуренных людей покорить государство. Итак, назад, в Дарьен; позднее, собравшись с силами, он направится по ныне найденной дороге в новый Офир. Но обратный путь не менее труден. Испанцы снова пробираются сквозь дебри, снова отражают нападения туземцев. И 19 января 1514 года, после четырехмесячных чудовищных испытаний, в Дарьен возвращается уже не военный отряд, а горстка больных лихорадкой и едва передвигающих ноги людей; сам Бальбоа на волосок от смерти, индейцы несут его в гамаке. Но один из величайших подвигов в истории совершен. Бальбоа сдержал слово, - все участники отважного похода в неизвестность разбогатели; солдаты Бальбоа принесли с берега Южного моря такие сокровища, каких никогда не добывал ни Колумб, ни другие конкистадоры; остальные члены колонии также получают свою долю. Пятая часть добычи предоставляется в распоряжение короны, и никто не порицает победителя за то, что он, при оценке заслуг, наравне с другими воинами выделяет долю своему псу Леонсико, очевидно, в награду за то, что он так усердно рвал в клочья тела несчастных туземцев, - и Бальбоа приказывает навьючить на собаку пятьсот золотых песет. Теперь уже никто в колонии больше не оспаривает власть Бальбоа как губернатора. Авантюриста и бунтовщика почитают точно бога, и он может с гордостью утверждать в своем послании на родину, что после Колумба он совершил самый великий подвиг во имя кастильской короны. В своем стремительном восхождении солнце его счастья разогнало тучи, доселе омрачавшие жизнь Бальбоа. Теперь оно - в зените.

Однако счастье Бальбоа длится недолго. Через несколько месяцев, в

ослепительный июньский день, жители Дарьена в изумлении толпятся на берегу. Светлый парус маячит на горизонте - поистине чудо в этом затерянном уголке земли! Но что это? Рядом с первым парусом возникает второй, третий, четвертый, пятый... Вот их уже десять, нет, пятнадцать... нет, двадцать - целая флотилия направляется к гавани. Вскоре все разъясняется: это ответ на послание Нуньеса де Бальбоа, не на весть о его триумфе, - она еще не достигла Испании, - а на первое письмо, в котором он передавал сообщение кадика о близости Южного моря и страны золота и просил дать ему отряд в тысячу человек, чтобы завоевать новые земли. Испанское правительство не замедлило снарядить для этой экспедиции мощный флот, но в Севилье и Барселоне отнюдь не собирались доверить столь важную задачу Васко Нуньесу де Бальбоа, авантюристу и бунтовщику с такой дурной славой. Настоящий губернатор, богатый и знатный шестидесятилетний вельможа Педро Ариас Давилья, обычно именуемый Педрариасом, уполномочен в качестве королевского губернатора навести наконец порядок в колонии, учинить суд и расправу за все до сих пор совершенные преступления, найти Южное море и покорить обетованную страну золота.

Но Педрариас оказывается в щекотливом положении. Во-первых, он уполномочен привлечь к ответственности бунтовщика Нуньеса де Бальбоа, изгнавшего прежнего губернатора, и, буде его вина доказана, заковать Бальбоа в цепи или осудить на месте; во-вторых, Педрариасу поручено открыть Южное море. Однако едва шлюпка губернатора пристала к берегу, он узнает, что именно Нуньес де Бальбоа, которого он должен привлечь к суду, совершил на свой собственный страх и риск великое дело; этот бунтовщик уже успел отпраздновать свой триумф, присвоив лавры, уготованные Педрариасу, и оказал испанской короне величайшую услугу со времени открытия Америки. Разумеется, Педрариас не может такому человеку отрубить голову, как обыкновенному преступнику; он вынужден вежливо его приветствовать и горячо поздравлять. Но с этой минуты Нуньес де Бальбоа обречен. Никогда Педрариас не простит сопернику, что тот самостоятельно совершил открытие, порученное Педрариасу и сулившее ему славу на вечные времена. Впрочем, чтобы не озлоблять преждевременно колонистов, Педрариас должен скрывать свою ненависть к их герою: он откладывает судебное следствие и устанавливает мнимый мир, для чего объявляет о помолвке Нуньеса де Бальбоа со своей дочерью, оставшейся в Испании. Однако его ненависть и зависть к Бальбоа ничуть не ослабевают, наоборот, они еще усиливаются, когда из Испании, где, наконец, узнали о подвиге Бальбоа, прибывает указ, который присваивает задним числом бывшему бунтовщику подобающий ему титул, и отныне он наравне с Педрариасом именуется губернатором и Педрариасу предписано советоваться с ним по всем важным вопросам. Двум губернаторам тесно в этой стране: один из них должен будет отступить, одному из двух суждено погибнуть. Васко Нуньес де Бальбоа чувствует, что над ним занесен меч, ибо Педрариас держит в руках военную власть и правосудие. Бальбоа вторично замышляет побег, - ведь первый ему так блистательно удался, - побег в бессмертие. Он просит у Педрариаса дозволения снарядить экспедицию, чтобы обследовать берега Южного моря и расширить испанские владения. Однако затаенный замысел закоренелого бунтовщика таков: он хочет на берегу другого моря освободиться от всякого надзора, построить свой флот, стать полновластным правителем собственной провинции, а там, быть может, завоевать легендарное Биру, этот Офир Нового Света. Педрариас коварно дает свое согласие: если Бальбоа погибнет - тем лучше; если же затея увенчается успехом, он

всегда успеет избавиться от ненавистного честолюбца.

Итак, Нуньес де Бальбоа снова готовит побег в бессмертие; его второй подвиг, пожалуй, еще грандиознее первого, хотя и не принес ему такую же славу, потому что история всегда прославляет только тех, кто добился успеха. На этот раз Бальбоа пересекает перешеек не только со своим отрядом, но несколько тысяч туземцев тащат на себе через горы строительный лес, доски, такелаж, паруса, якоря, лебедки для четырех бригантин. Ведь если у него будет флот по ту сторону гор, он овладеет всем побережьем, завоюет жемчужные острова и Перу, легендарное Перу. Однако на этот раз судьба противится замыслам дерзновенного мореплавателя, и он непрестанно наталкивается на все новые и новые препятствия. Так, во время пути сквозь болотистые дебри строительный лес источили черви, доски прибыли на место прогнившими и негодными к употреблению. Бальбоа не падает духом; он приказывает рубить деревья на побережье Панамского залива и изготовить свежие доски. Его энергия творит подлинные чудеса; все как будто удалось: уже построены бригантины, первые на Тихом океане. Но вдруг налетает ураган - реки, на которых приготовлены бригантины, широко разливаются. Вода срывает с места готовые суда, уносит их в море, где они разбиваются в щепы. Надо начинать в третий раз. И теперь-то, наконец, Бальбоа удастся построить две бригантины. Нужны только хотя бы еще две-три, и он сможет отправиться в путь и покорить страну, о которой мечтает день и ночь, с тех пор как кацик указал ему рукой на юг, с тех пор как впервые для Бальбоа прозвучало прельстительное слово «Биру». Надо добиться, чтобы ему дали еще несколько смелых офицеров, надо как следует пополнить отряд, и тогда он сможет основать свое государство! Еще два-три месяца да немного удачи вдобавок к отваге Бальбоа, и мировая история назвала бы победителем инков, завоевателем Перу не Писарро, а Нуньеса де Бальбоа.

Но судьба не бывает слишком милостивой даже к своим любимцам. Редко даруют боги смертному более одного бессмертного деяния.

ЗАКАТ

Нуньес де Бальбоа с железной энергией готовил свое великое предприятие. Но именно отвага и удача навлекают на него опасность, потому что встревоженный Педрариас следит подозрительным взором за приготовлениями своего подчиненного. Вероятно, ему стали известны через доносчиков честолюбивые мечты Бальбоа о власти; а может быть, Педрариас просто завидует и боится, как бы неисправимый бунтовщик не добился успеха вторично. Так или иначе, он шлет Бальбоа весьма сердечное письмо, в котором предлагает ему перед походом встретиться в Акле, городе близ Дарьена. Надеясь получить от Педрариаса пополнение своего отряда, Бальбоа тотчас же принимает приглашение. У городских ворот Аклы его встречает небольшой отряд солдат, по-видимому, чтобы оказать ему подобающие почести; Бальбоа радостно спешит обнять их командира, старого товарища по оружию, соратника при открытии Южного моря и верного друга, - Франсиско Писарро. Но Франсиско Писарро тяжело кладет руку на плечо Бальбоа и объявляет его арестованным. Писарро тоже жаждет бессмертия, и он тоже хочет завоевать страну золота, и, может статься, не прочь устранить смельчака, опередившего его на пути к славе. Губернатор Педрариас возбуждает судебное дело о якобы поднятом Бальбоа мятеже, суд чинят скорый и несправедливый. Через несколько дней Васко Нуньес де Бальбоа вместе с ближайшими соратниками всходит на плаху; сверкнул меч палача,

голова скатилась с плеч, и в одно мгновение навеки померкли глаза того, кто впервые в истории человечества увидел оба океана, объемлющие нашу землю.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Офир - упоминаемая в Библии легендарная земля золота.

[2] Идальго - мелкое и среднее испанское дворянство.

[3] Кацик - так именовали индейцы вождей и старейшин своих племен в эпоху колонизации Америки.

Ю. Шейнин, А. Ибрагимов

Мариенбадская элегия

(Гете на пути из Карлсбада в Веймар, 5 сентября 1823 года.)

Перевод Е. Лях

Стихи в переводе В. Левика

Пятого сентября 1823 года дорожная коляска медленно катится по дороге от Карлсбада к Эгеру; уже по-осеннему пробирает предрассветный холодок, порывистый ветер гуляет по сжатым полям, но над распаханной далью синее безоблачное небо. В коляске трое мужчин: тайный советник Саксен-Веймарского герцогства фон Гете (так он именуется в списке приезжих на карлсбадские минеральные воды) и двое преданнейших ему людей - старый слуга Штадельман и Джон, секретарь, чьей рукой впервые начертаны на бумаге почти все произведения Гете девятнадцатого века. Ни тот, ни другой не произносят ни слова, ибо с самого отъезда из Карлсбада, где молодые женщины и девушки толпились с прощальными приветствиями и поцелуями вокруг стареющего поэта, уста его хранят молчание. Он сидит не шевелясь, и только задумчивый, углубленный в себя взгляд говорит о душевном волнении. На первой же почтовой станции Гете выходит из коляски, и спутники его видят, как он торопливо набрасывает что-то карандашом на случайно попавшем под руку клочке бумаги; то же повторяется на протяжении всего пути до Веймара - и во время езды и на остановках. Едва прибыв в Цвотау, а назавтра в замке Гартенберг в Эгере, а затем в Пёснеке, везде его первое движение - с лихорадочной быстротой записать то, что продумано в дороге. А дневник лишь кратко сообщает: «Работал над стихами» (6 сентября), «Воскресенье продолжил работу» (7 сентября), «Стихи перечел еще раз в пути» (12 сентября). В Веймаре, у цели путешествия, закончено и стихотворение; это не что иное, как «Мариенбадская элегия», самая проникновенная, глубоко лиричная, а потому и самая любимая песнь его старости, - мужественное прощание и новый героический взлет.

«Дневник душевного состояния» - так Гете однажды в разговоре назвал поэзию, и, быть может, нет страницы в дневнике его жизни, которая так полно, так наглядно раскрывала бы нам тайну своего происхождения, как эта горестно вопрошающая жалоба, это скорбное свидетельство сокровеннейших его чувств; ни одно поэтическое излияние его юношеских лет не родилось так непосредственно из только что пережитого, ни в одном его произведении не видим мы столь явственно, шаг за шагом, строфа за строфой, час за часом, ход его творческой мысли, как в этой «чудесной песне, нам уготованной», в этих самых задушевных, самых зрелых, поистине осенним багрянцем пламенеющих стихах семидесятичетырехлетнего поэта. «Плод в высшей степени страстного состояния», - как он сказал о своей элегии Эккерману, - ее вместе с тем отличает благороднейшая сдержанность формы: открыто и в то же время

тайнственно самое пламенное мгновение воплощается в совершенном образе. Прошло больше ста лет, но и поныне ничто не поблекло и не потускнело в этом чудесном осеннем листе его пышноветвистой широкошумной жизни, и еще на века 5 сентября 1823 года останется достопамятным днем для грядущих поколений Германии.

Над этим листом, этими стихами, над этим стареющим человеком и этим часом сияет редкостная звезда - звезда обновления. В феврале 1822 года Гете перенес тяжелую болезнь; жесточайшие приступы лихорадки сотрясают тело больного, он часто теряет сознание, а близкие теряют надежду. Врачи не могут поставить диагноз, но понимают, что положение очень серьезно, и не знают, что предпринять. Болезнь проходит так же внезапно, как началась: в июне Гете едет в Мариенбад - он не узнаваем, и кажется, что миновавший приступ болезни был лишь симптомом возвращенной юности, «новой поры возмужалости». Замкнутый, суровый, педантичный старик, в котором поэзию почти вытеснила заскорузлая ученость, вновь, спустя десятилетия, весь во власти чувств. От музыки, по его словам, «он весь раскрывается», он без слез не может слушать игру на клавире, особенно если играет такая очаровательная женщина, как Шимановская. Его неудержимо влечет к молодости, и друзья с изумлением видят, что семидесятичетырехлетний старик до полуночи проводит время в обществе женщин, впервые после многих лет опять участвует в танцах, причем его «всегда выбирали самые прелестные девушки».

Этим летом, точно по волшебству, его онемевшие чувства оттаивают, и раскрывшаяся душа, как встарь, подпадает под власть извечных чар. Дневник предательски сообщает о «счастливых снах», в нем снова пробуждается «старый Вертер»; присутствие женщин вдохновляет его на поэтические экспромты, на игры и шутки, как полвека назад, во времена Лили Шенеман [1]. Он еще колеблется в выборе: сначала прелестная полька, а затем девятнадцатилетняя Ульрика фон Левецов пленяет его возвращенное к жизни сердце. Пятнадцать лет назад он любил ее мать, еще год назад лишь отечески подтрунивал над «дочуркой», но теперь привязанность внезапно превращается в страсть, и этот новый недуг, всецело овладев им, потрясает его вулканической силой чувств, как ни одно переживание за долгие годы. Семидесятичетырехлетний старик влюблен, как мальчик: едва услышав смеющийся голос в аллее парка, он оставляет работу и без шляпы и палки спускается вниз к беспечной молодой девушке. Однако он домогается ее с пылом юноши, со страстью мужчины. Разыгрывается трагикомическое представление: тайно посовещавшись со своим врачом, Гете открывается герцогу саксен-веймарскому и поручает этому верному старому другу просить для него у госпожи Левецов руки ее дочери Ульрики. И герцог, памятуя о том, какие бурные ночи они проводили вместе лет пятьдесят назад, быть может, втихомолку злорадно посмеиваясь над стариком, которого Германия, вся Европа чтит как мудрейшего из мудрых, как самый зрелый и светлый ум современности, - герцог торжественно надевает все свои ордена и регалии и отправляется просить для семидесятичетырехлетнего Гете руки девятнадцатилетней девушки. Чем кончилось сватовство, в точности неизвестно; видимо, госпожа Левецов ответила уклончиво, и решение было отложено. Итак, Гете принужден довольствоваться надеждой на счастье, мимолетным поцелуем, ласковым словом, а между тем его все сильнее томит желание снова упиться юностью в этом нежном обличье. Снова он нетерпеливо и страстно домогается благосклонности фортуны; преданно следует он за любимой в Карлсбад, но и здесь не находит ничего, кроме полуобещаний в ответ на свои пламенные чувства, и с уходящим летом усугубляются

его муки. Наконец наступает час прощания, - он ничего не сулит, не обнадеживает, - и теперь, когда коляска уносит его в Веймар, великий прозорливец знает: то огромное, что вошло в его жизнь, кончилось. Но «вечный спутник глубочайшей боли» и в эту горькую минуту утоляет печаль: гений осеняет страждущего, и он, не обрета утешения в земном, взывает к божеству. Снова, как уже несчетное число раз - и теперь в последний, - Гете находит прибежище от жизни в поэзии, и, с чувством благодарности за эту последнюю милость, на семьдесят пятом году жизни проникновенно предпосылает стихам строки своего Тассо, созданные им сорок лет тому назад и снова, к его изумлению, ожившие для него:

Там, где немеет в муках человек,
Мне дал господь поведать, как я стражду.

Погруженный в невеселые думы старец едет в дорожной коляске и с волнением ищет ответа на осаждающие его вопросы. Еще сегодня утром во время «шумного прощания» Ульрика вместе с сестрой подбежала к нему, юные, любимые уста поцеловали его, но был ли то нежный поцелуй, или только дочерний? Полюбит ли она его, не забудет ли? А сын, невестка, с нетерпением ожидающие богатого наследства, допустят ли они этот брак? Не станет ли он посмешищем в глазах света? Не покажется ли он через год безнадежно старым Ульрике? И если они увидятся, что принесет свидание?

Все тревожнее становятся вопросы. И вдруг один, самый насущный, отливается в строчку, в строфу, ему дано «поведать, как он страдает». Под мощным натиском душевного смятения прямой, обнаженный вопрос криком боли вторгается в стих:

Что принесет желанный день свиданья,
Цветок, не распустившийся доселе?
В нем ад иль рай, восторги иль страданья?
Твоей душой сомненья овладели.

Сердечная боль, очищенная, просветленная, претворяется в прозрачных строфах. Поэт, блуждая в «душной атмосфере» душевного хаоса, случайно поднимает глаза, и перед ним открывается утренний ландшафт Богемии, божественный покой, столь отличный от терзающей его тревоги; и вот увиденная им картина уже возникает в стихах:

Иль мир погас? Иль гордые утесы
В лучах зари не золотятся боле?
Не зреют нивы, не сверкают росы,
Не вьется речка через лес и поле?
Не блещет - то бесформенным эфиром,
То в сотнях форм - лазурный свод над миром?

Но ему мало этого неодоушевленного мира. Охваченный страстью, он все постигает лишь слитно с образом любимой, и этот образ в волшебном преображении оживает в памяти поэта:

Ты видишь: там, в голубизне бездонной,
Всех ангелов прекрасней и нежней,
Из воздуха и света сотворенный,
Сияет образ, дивно сходный с ней.

Такою в танце, в шумном блеске бала,
Красавица очам твоим предстала.
И ты глядишь в восторге, в восхищенье.
Но только миг - она здесь неживая,
Она верней в твоём воображенье -
Подобна той, но каждый миг другая,
Всегда одна, но в сотнях воплощений,
И с каждым - все светлей и совершенней.

И, едва возникнув перед мысленным взором, образ Ульрики уже облекается плотью. Гете рисует, как она его встретила и «шаг за шагом дарила счастье», как за последним ее поцелуем последовал еще «самый последний»; весь во власти сладостных воспоминаний, престарелый поэт слагает одну из самых чистых и совершенных строф о преданности и любви, когда-либо прозвучавших на немецком или на ином языке:

Мы жаждем, видя образ лучезарный,
С возвышенным, прекрасным, несказанным
Навек душой сродниться благодарной,
Покончив с темным, вечно безымянным,
И в этом - благочестье! Только с нею
Той светлою вершиной я владею.

Но чем отраднее память о любимой, тем мучительнее разлука с ней, и вот боль уже рвется наружу с такой силой, что почти разбивает возвышенно элегический строй чудесного стихотворения; только однажды за многие годы так открыто, так обнаженно воплощается непосредственное чувство; до глубины души потрясает эта горестная жалоба:

И ты ушла! От нынешней минуты
Чего мне ждать? В томлении напрасном
Приемлю я как тягостные путы
Все доброе, что мог бы звать прекрасным.
Тоской гоним, скитаюсь я в пустыне
И лишь слезам вверяю сердце ныне.

И здесь, когда, казалось, скорбь уже достигла предела, последний, самый мучительный стон:

Друзья мои, простимся! В чаще темной
Меж диких скал один останусь я.
Но вы идите смело в мир огромный,
В великолепии, в роскошь бытия!
Все познавайте: небо, земли, воды,
За слогом слог - до самых недр природы!
А мной - весь мир, я сам собой утрачен,
Богов любимцем был я с детских лет.
Мне был ларец Пандоры предназначен,
Где много благ, стократно больше бед.

Я счастлив был, с прекрасной обрученный.
Отвергнут ею, гибну, обреченный.

Никогда еще у него, неизменно сдержанного и скрытного, не вырывалось подобных строк. Тот, кто юношей умел таить свои чувства, зрелым мужем - укрощать их, кто всегда лишь в видениях, иносказаниях и символах приоткрывал свои сокровенные тайны, теперь, на склоне лет, впервые дает себе волю. Быть может, за минувшие пятьдесят лет ни разу не был он столь живо чувствующим человеком, великим лириком, как в тот незабвенный день, в тот достопамятный поворотный миг его жизни.

Гете сам видел в своем творении таинственный и редкий дар судьбы. По возвращении в Веймар он в первую очередь, прежде чем заняться какой-либо другой работой или домашними делами, искусно, каллиграфическим почерком собственноручно переписывает элегию. Три дня он пишет на тщательно выбранной бумаге красивыми затейливыми буквами, словно монах в своей келье, таясь от всех домочадцев, даже от самого близкого из них. Даже переплетную работу он выполняет сам, дабы не разнеслась раньше времени болтливая молва, и шелковым шнуром прикрепляет рукопись к обложке из красного сафьяна (позже замененной прекрасным холщовым переплетом, который и по сей день можно видеть в архиве Гете и Шиллера). Дни тянутся, полные горечи и взаимного раздражения, предполагаемая женитьба была встречена злыми насмешками, а у сына вызвала даже взрыв открытой ненависти; лишь в стихах своих он близок к любимой. Только когда очаровательная полька, Шимановская, навещает его, настроение светлых мариенбадских дней возвращается к нему и он снова становится общителен. Наконец 27 октября Гете зовет к себе Эккермана, и уже по той торжественности, с которой он обставляет чтение стихов, видно, как дороги они его сердцу. Слуга ставит на письменный стол две зажженные восковые свечи, и только после этого Гете приглашает Эккермана занять место и прочесть элегию. Постепенно и другим, однако только самым близким, удастся услышать ее, потому что Гете, по словам Эккермана, хранит ее «как святыню». Уже в ближайшие месяцы обнаруживается, какое особое значение для его жизни имеют эти стихи. После необычайного подъема, словно вернувшего ему молодость, наступает резкий упадок сил. Он снова близок к смерти, с трудом переходит от постели к креслу, от кресла к постели, нигде не находя покоя; невестка в отъезде, сын полон ненависти, некому позаботиться об одиноком больном старике. Но вот из Берлина приезжает, вероятно, вызванный друзьями, самый близкий из близких - Цельтер [2] и сразу обнаруживает пламя, сжигающее больного. «И что же я вижу? - с изумлением пишет он. - Судя по всему, его терзает любовь всеми муками пылкой юности». Дабы исцелить его, Цельтер снова и снова с «искренним участием» читает ему элегию, и Гете не устает его слушать. «Удивительно, - выздоравливая, пишет он, - ты неоднократно читал мне своим мягким, проникновенным голосом столь сильно мной любимое, что я сам не хочу признаться себе в этом». И дальше: «Я не могу расстаться с элегией, но если бы мы жили вместе, ты должен был бы до тех пор читать и петь ее мне, пока не выучил бы наизусть».

Так приходит, как пишет Цельтер, «исцеление от копья, которым он был ранен». Можно сказать без преувеличения - Гете спасла его элегия. Наконец сердечная боль преодолена, последняя мучительная надежда осилена, мечта о супружестве с любимой «дочуркой» развеяна. Он знает, что никогда уже не поедет ни в Мариенбад, ни в

Карлсбад, никогда не вернется в мир беспечных и праздных, - отныне жизнь его принадлежит только труду. Он устоял перед искушением, отказался от попыток повернуть вспять свою судьбу, зато в его жизненный круг вступает новое великое слово: завершение. Он оглядывается на пройденный шестидесятилетний творческий путь, видит, что его труды разбросаны, рассеяны, и решает - если уж он не в силах больше созидать, - по крайней мере собрать все воедино; заключен договор на «Собрание сочинений», ограждены авторские права. Снова вся любовь его, еще столь недавно отданная девятнадцатилетней девушке, обращается на старейших спутников юности - «Вильгельма Мейстера» и «Фауста». Полный энергии, берется он за работу; по пожелтевшим листам восстанавливается замысел минувшего века. Еще до того, как Гете исполнилось восемьдесят лет, он заканчивает «Годы странствий» и на восемьдесят первом году героически приступает к «главному делу» своей жизни - «Фаусту»; семь лет спустя после трагических дней «Мариенбадской элегии» завершён и этот труд, который он с таким же благоговением оберегает от мира сургучной печатью и тайной.

В зените между двумя сферами его чувств, между последней страстью и последней жертвой, между новым началом и завершением, стоит 5 сентября 1823 года - прощание с Карлсбадом, прощание с любовью - незабвенный миг душевного перелома, претворенный в вечность потрясающей жалобой. Мы вправе назвать этот день достопамятным, ибо немецкая поэзия не знала с тех пор более блистательного часа, чем тот, когда мощное чувство мощным потоком хлынуло в эти бессмертные стихи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Шенеман Лили (Анна Элизабет Шенеман) (1753-1817) - невеста молодого Гете, воспетая им в ряде стихотворений, впоследствии жена страсбургского бургомистра фон Тюркгейма.

[2] Цельтер Карл Фридрих (1758-1832) - немецкий композитор и музыкальный деятель, учитель Мендельсона. С 1796 г. был в тесной дружбе с Гете.

Ю. Шейнин, А. Ибрагимов

Первое слово из-за океана

(Сайрус Филд, 28 июля 1858 года.)

Перевод Л. Засецкого

НОВЫЙ РИТМ

В течение тысяч, а может быть и сотен тысяч лет, прошедших со времени появления на земле удивительного существа, именуемого человеком, мериллом скорости была скорость бегущей лошади, катящегося колеса, корабля, идущего на веслах или под парусами. Все вместе взятые технические открытия, сделанные за весь тот короткий, освещенный сознанием промежуток времени, который мы называем мировой историей, не привели к сколько-нибудь значительному ускорению ритма движения. Армии Валленштейна продвигались вперед едва ли быстрее, чем легионы Цезаря; войска Наполеона не наступали стремительнее, чем орды Чингисхана; корветы Нельсона пересекали моря лишь немногим быстрее, чем пиратские ладьи викингов или галеры финикийцев [1]. Лорд Байрон в путешествиях Чайльд-Гарольда преодолевал ежедневно не больше миль, чем Овидий на пути в понтийскую ссылку

[2]; Гете в восемнадцатом столетии путешествовал почти с таким же комфортом и такой же скоростью, как апостол Павел в начале первого тысячелетия. В эпоху Наполеона время и пространство так же разделяли страны, как и в годы Римской империи; упорство материи все еще брало верх над человеческой волей.

И только девятнадцатый век коренным образом меняет ритм и мерило скорости на земле. За первые два десятилетия страны и народы сблизилась теснее, чем за все прошедшие тысячелетия; железные дороги и пароходы свели к одному дню многодневные путешествия прошлого, превратили в минуты бесконечные часы, проводимые доселе в пути. Но какими поразительными ни казались современникам скорости железных дорог и пароходов, они все-таки не выходили из пределов, доступных пониманию. Их скорости в пять, десять, двадцать раз превосходили ранее известные, однако все же было возможно следить за ними взглядом и постигать умом разгадку кажущегося чуда. Но уже первые успехи электричества, этого Геркулеса еще в колыбели, производят настоящий переворот, опрокидывают все ранее установленные законы, отбрасывают все принятые мерки. Мы, более поздние поколения, никогда не сможем до конца понять восхищения тех, кто был свидетелем первых успехов электрического телеграфа, их безмерного и восторженного удивления перед тем, что та же самая, едва ощутимая искра Лейденской банки, которая еще вчера преодолевала лишь расстояние в один дюйм до сустава подставленного пальца, превратилась вдруг в могучую силу, способную проложить себе путь через равнины, горы и целые материки; что едва додуманная до конца мысль, не успевшая еще просохнуть запись на бумаге в ту же секунду принимается, читается, понимается за тысячи миль; что невидимый ток между полюсами крошечного вольтова столба может распространяться по всей земле, пробегая ее из конца в конец; что игрушечный прибор в лаборатории физика, еще вчера способный лишь на то, чтобы наэлектризованным стеклом притянуть несколько клочков бумаги, заключает в себе силу и скорость, равную миллионам и миллиардам человеческих сил и скоростей, невидимую силу, которая приводит в движение поезда, освещает дома и улицы, доставляет известия и, как Ариэль, незримо витает в воздухе. Это открытие впервые со дня сотворения мира в корне меняет представление о времени и пространстве.

Этот знаменательный для всего мира 1837 год, когда телеграф впервые связал воедино разобщенные человеческие судьбы, лишь изредка упоминается авторами наших школьных учебников, которые, к сожалению, все еще считают более важным повествовать о войнах и победах отдельных полководцев или государств вместо того, чтобы говорить о всеобщих - единственно подлинных - победах человечества. И, однако, новая история не знает другого такого события, которое могло бы по своему психологическому воздействию сравниться с этой переоценкой самого понятия времени. Мир стал другим с тех пор, как в Париже можно узнать, что в эту самую минуту происходит в Амстердаме, Москве, Неаполе, Лисабоне. Нужно сделать последний шаг - и все части света будут вовлечены в грандиозный всемирный союз, объединенный единым общечеловеческим сознанием.

Но природа все еще противится окончательному воссоединению человечества, все еще ставит непреодолимые преграды, и еще два десятилетия остаются разобщенными те страны, которые отрезаны друг от друга морями. Проложить электрическую линию через море невозможно, так как вода поглощает ток, который в воздухе беспрепятственно распространяется по проводам, подвешенным на фарфоровых

изоляторах, а вещество, которое могло бы изолировать железные и медные провода в водной среде, еще не открыто.

К счастью, в эпохи интенсивного развития одно изобретение прокладывает путь для другого. Через несколько лет после постройки первых сухопутных телеграфных линий найдено вещество, которое способно изолировать в воде провода, несущие ток, - гуттаперча. Теперь можно включить в телеграфную сеть Европы важнейшую страну вне континента - Англию. Инженер по фамилии Брет прокладывает первый кабель через Ламанш, в том самом месте, где впоследствии Блерио [3] первым пересечет его на самолете. Нелепый случай помешал немедленному успеху предприятия: в Булони один рыбак, решив, что ему попался необычайно жирный угорь, вытащил на поверхность уже проложенный кабель. Но в 1851 году вторая попытка увенчивается полным успехом. Итак, Англия присоединена к материкам, и с этого момента Европа впервые стала настоящей Европой, единым организмом, который одним общим сердцем и одним общим мозгом одновременно воспринимает все события эпохи. Такие блестящие достижения в течение столь немногих лет - ибо десятилетие не больше чем краткий миг в истории человечества - не могли не пробудить безграничную отвагу в современниках. Все, что задумано, - удастся, удастся со сказочной быстротой. Проходит немного лет, и вот телеграф уже связал Англию с Ирландией, Данией и Швецией, а Корсику с материком, и уже нащупывается почва для включения в общую сеть Египта, затем Индии. Только одна часть света, и едва ли не важнейшая - Америка, - казалось, обречена еще долгое время оставаться вне этой связующей весь мир цепи. Как пронизать одной линией безбрежные просторы Атлантического или Тихого океана, где невозможно создать какую-либо промежуточную станцию? В те годы, когда электричество едва вышло из младенчества, задача состояла из одних неизвестных. Еще не измерена глубина океана, недостаточно исследован рельеф его дна, не проверено, может ли кабель, опущенный на такую глубину, выдержать давление гигантских масс воды. И даже если бы прокладка такого бесконечно длинного кабеля на такой глубине была технически осуществима, где найти корабль, который может поднять две тысячи миль кабеля из железа и меди? Где найти генератор, вырабатывающий ток, способный беспрепятственно преодолеть расстояние, которое корабли проходят в лучшем случае за две-три недели? Все необходимые предпосылки отсутствуют. Еще не установлено, не циркулируют ли в океанских глубинах магнитные токи, которые могут вызвать отклонение электрического тока; нет достаточно надежной изоляции, точных измерительных приборов; известны только элементарные законы электричества, едва пробудившегося от своего векового сна. «Неосуществимо! Безумие!» - отмахиваются ученые, как только речь заходит о прокладке трансокеанского кабеля. «Может быть, позже», - говорят наиболее смелые из инженеров. Даже сам Морзе, человек, который больше всех способствовал усовершенствованию телеграфа, считает это предприятие слишком смелым. Но ему же принадлежат пророческие слова, что в случае успеха прокладка трансокеанского кабеля будет «the great feat of the century» - величайшим подвигом столетия.

Для того чтобы чудо или принимаемое за чудо свершилось, необходимо прежде всего человек, способный уверовать в него. Мужество неведения иногда преодолевает препятствия, перед которыми в нерешительности останавливаются ученые. И как это часто бывает, и здесь простая случайность дает первый толчок всему грандиозному предприятию. Один английский инженер, по фамилии Гисборн, начавший в 1854 году

подготовительные работы по прокладке кабеля из Нью-Йорка к самой восточной точке Америки - Ньюфаундленду, чтобы известия с кораблей поступали на несколько дней раньше, должен прервать эти работы, так как его денежные средства исчерпаны. Он отправляется в Нью-Йорк, рассчитывая найти там финансовую помощь. И там по чистой случайности, этой матери стольких славных подвигов, он сталкивается с одним молодым человеком, сыном пастора, Сайрусом Филдом, который благодаря неизменной удаче в коммерческих делах быстро нажил значительное состояние и смог еще в молодости отойти от дел. К этому ничем не занятому человеку, слишком молодому и энергичному, чтобы вынести долгую бездеятельность, и обращается Гисборн, надеясь получить от него помощь для завершения начатой работы. Однако Сайрус Филд - можно сказать, к счастью, - не инженер, не специалист. Он ничего не понимает в электричестве и никогда в жизни не видел кабеля. Но в крови у сына пастора - страстная вера, в крови американца кипит энергия и отвага. И там, где английский инженер видел лишь простую и близкую цель - связать Нью-Йорк с Ньюфаундлендом, - увлекающийся молодой человек увидел иные возможности. Почему в таком случае не связать подводным кабелем Ньюфаундленд с Ирландией? С небывалой энергией, готовый преодолеть любое препятствие (за один только год этот человек тридцать один раз пересек океан, отделяющий Старый Свет от Нового), Сайрус Филд принимается за дело, твердо решившись посвятить все силы и средства осуществлению задуманного предприятия. Это и явилось той искрой, которая вызывает взрыв, превращающий мысль в созидающую силу. Новая волшебная сила электричества соединилась с другим, сильнеешим движущим началом - человеческой волей. Человек нашел свою жизненную задачу, и задача нашла человека, способного ее разрешить.

ПРИГОТОВЛЕНИЯ

С небывалой настойчивостью принимается Сайрус Филд за дело. Он связывается со специалистами, осаждает правительства просьбами о разрешении, в обоих полушариях проводит кампанию по сбору необходимых средств; и так сильна энергия, исходящая от этого совершенно неизвестного человека, так непоколебима его страстная убежденность, так велика его вера в чудотворную силу электричества, что акции основного капитала на сумму триста пятьдесят тысяч фунтов стерлингов размещены в Англии в течение нескольких дней. В Ливерпуле, Манчестере, Лондоне достаточно было призвать богатейших коммерсантов к учреждению «Telegraph Construction and Maintenance Company»³, чтобы деньги полились рекой. Среди акционеров - Теккерей и леди Байрон; они далеки от деловых интересов, но грандиозная идея увлекла их, и они пожелали внести свой вклад в задуманное предприятие. И ни в чем не проявилась так ярко вера в технику, воодушевлявшая Англию во времена Стивенсона [4], Брюнеля [5] и других великих изобретателей, как в той легкости, с какой огромная сумма была предоставлена по первому призыву на совершенно фантастическое и безнадежное начинание.

Приблизительная стоимость прокладки кабеля - единственное достоверно известное из всех исходных данных. Нет технического опыта прокладки, на который можно было бы опереться. Нет опыта планирования; такие грандиозные предприятия еще неизвестны девятнадцатому веку. Разве можно сравнить трудности прокладки трансокеанского кабеля с преодолением узкой полосы воды между Дувром и Кале?

³ Компания по постройке и эксплуатации телеграфа (англ.).

Там все дело свелось к тому, чтобы размотать с верхней палубы обыкновенного колесного парохода тридцать или сорок миль кабеля, который раскручивался с такой же легкостью, как простая якорная цепь. При прокладке кабеля в проливе можно было спокойно ждать благоприятной погоды, была точно известна глубина, корабль всегда оставался в виду одного из берегов, что ограждало от неприятных неожиданностей, и, наконец, все предприятие не требовало для своего осуществления больше одного дня. Но при работе в океане, которая должна продлиться по меньшей мере две-три недели, кабель, в сто раз длиннее и тяжелее, нельзя оставлять на верхней палубе, подвергая его всем превратностям непогоды. Да и ни один корабль того времени не может вместить в свой трюм этот гигантский кокон из железа, меди и гуттаперчи, ни один корабль не обладает достаточной мощностью, чтобы поднять такой груз. Для этого требуется по меньшей мере два основных судна и несколько вспомогательных, которые следили бы за правильностью курса и в случае необходимости могли бы оказать помощь. Правда, английское правительство предоставило для этой цели «Агамемнон» - один из самых крупных военных кораблей, флагманское судно английского флота под Севастополем, американское правительство - «Ниагару», крупнейший по тем временам фрегат водоизмещением в пять тысяч тонн. Но оба корабля сначала нужно специально оборудовать, чтобы каждый из них мог поднять половину бесконечной цепи, которая должна соединить две части света. Однако главное затруднение представлял, конечно, сам кабель. Огромные требования предъявлены к этой гигантской пуповине, которой предстоит связать два полушария. Кабель должен быть так же прочен на разрыв, как стальной трос, и вместе с тем не терять гибкости, чтобы его легко было укладывать. Он должен выдерживать любое давление, любую нагрузку и вместе с тем разматываться с легкостью шелковой нити. Он должен быть массивным, но не громоздким, прочным, но настолько чувствительным, чтобы передавать на две тысячи миль самый слабый электрический сигнал. Достаточно тончайшей трещины, малейшей неровности на каком-либо участке этого гигантского провода, чтобы прекратить движение тока по всему четырнадцатидневному пути.

Но Сайрус Филд принимает вызов! День и ночь работают фабрики, несокрушимая воля этого человека приводит в движение весь механизм. Целые рудники опустошаются, чтобы доставить необходимое количество железа и меди; целые леса каучуковых деревьев отдают свою кровь, чтобы изготовить гуттаперчевую оболочку такой колоссальной длины. Но ничто не показывает так ощутимо огромных масштабов задуманного, как триста шестьдесят семь тысяч миль переплетенных жил, в совокупности составляющих стержень кабеля, - в тридцать раз больше, чем требуется, чтобы опоясать Землю, и столько же, сколько нужно, чтобы соединить прямой линией Землю с Луной. Со времен Вавилонской башни человечество не отваживалось на столь грандиозное, с технической точки зрения, предприятие.

ПЕРВОЕ ОТПЛЫТИЕ

Целый год неустанно крутились машины, непрерывно наматывалась в трюмах обоих кораблей тонкая, ровная нить кабеля, поступающего с фабрик, и, наконец, после многих тысяч оборотов, каждая половина кабеля на каждом корабле намотана на барабаны. Уже установлены снабженные тормозами специально сконструированные тяжеловесные машины, способные давать обратный ход, которым предстоит безостановочно в течение одной, двух, трех недель опускать кабель в глубину океана. Лучшие инженеры и электротехники, в числе которых сам Морзе, собрались на борту,

чтобы во время всей прокладки непосредственно проверять своими приборами действие электрической цепи. Репортеры и художники присоединились к флотилии, чтобы кистью и пером запечатлеть это волнующее отплытие, которое может сравниться лишь с отплытием экспедиций Колумба и Магеллана.

Наконец, все приготовления закончены, и если до сих пор многие относились к задуманному скептически, то теперь вся Англия со страстным интересом следит за развитием событий. 5 августа 1857 года сотни лодок и судов окружают кабельную флотилию в маленьком ирландском порту Валенсии, чтобы быть свидетелем того исторического момента, когда конец кабеля будет спущен с корабля и закреплен на земле Европы. Прощание стихийно превратилось в торжество. Правительство прислало своих представителей, произносятся речи, в волнующих словах священник испрашивает божье благословение смелым путешественникам. «О боже всемогущий, - говорит он, - ты один распростираешь небеса, держишь в руке волны морские и повелеваешь бурями и ветрами. Воззри с милосердием на слуг твоих. Устрани могуществом твоим все преграды с их пути, сокруши все препятствия, дабы они свершили свой благородный замысел».

Тысячи рук и шляп взметнулись на берегу и в гавани. Медленно скрывается из глаз земля. Близится осуществление одного из самых смелых мечтаний человечества.

НЕУДАЧА

Первоначально предполагалось, что оба корабля, «Агамемнон» и «Ниагара», несущие каждый по половине кабеля, вместе дойдут до заранее намеченной точки посреди океана, где обе половины кабеля будут сращены. Затем один корабль должен был направиться на запад, взяв курс на Ньюфаундленд, другой - на восток, к Ирландии. Однако риск потерять при первой же попытке весь драгоценный кабель показался слишком большим, и было решено, что первый участок будет прокладываться начиная от берегов Ирландии, тем более что еще неизвестно, сможет ли вообще исправно действовать подводная телеграфная линия такой протяженности.

Задача уложить кабель от берега до середины океана выпала на долю «Ниагары». Медленно, осторожно двигается в путь американский фрегат, словно гигантский паук, выпуская из своего туловища непрерывную нить. Медленно, размеренно грохочет на борту укладывающая кабель машина, производя привычный, хорошо известный всем морякам шум разматывающейся якорной цепи, которая погружается в глубину с барабана лебедки. И уже через несколько часов люди на борту корабля обращают на этот однообразный, размеренный шум не больше внимания, чем на биение собственного сердца.

Все дальше и дальше уходит в море корабль, все так же непрерывно опускается за корму кабель. И кажется, что нет ничего необычного в этом необычном плавании. Только в специальной каюте сидят у своих аппаратов электротехники, непрерывно обмениваясь сигналами с ирландским берегом. И поразительно: хотя берег давно пропал из вида, подводный кабель работает с такой же четкостью, как если бы линия связывала один европейский город с другим. Уже остались позади небольшие глубины прибрежной полосы, уже пройдена часть так называемого глубоководного плато, поднимающегося позади Ирландии, но все так же равномерно, как песок в песочных часах, бежит за корму металлическая нить, по которой одновременно передаются и принимаются известия.

Уже уложено триста тридцать пять миль - в десять раз больше, чем расстояние от Дувра до Кале, уже преодолена неуверенность и тревога первых пяти дней и ночей, уже разрешил себе отдохнуть после многочасового напряжения и беспокойства вечером одиннадцатого августа Сайрус Филд. И вдруг что-то произошло - равномерный грохот машины оборвался. Как мгновенно просыпается от неожиданной остановки поезда задремавший пассажир, как в ужасе вскакивает с постели мельник, когда останавливается мельничное колесо, так в мгновение ока все участники экспедиции уже на ногах и бросаются на палубу. Один взгляд на машину - и все ясно: барабан укладывающей машины пуст. Кабель оборвался так внезапно, что невозможно было подхватить оторвавшийся кусок, и теперь совершенно безнадежно искать его в глубине, чтобы поднять на поверхность. Произошло непоправимое: небольшая техническая ошибка свела на нет работу многих лет. Победенными возвращаются отважные участники экспедиции в Англию, которую внезапно замолкший телеграф уже подготовил к самому худшему.

СНОВА НЕУДАЧА

Сайрус Филд, единственный, оставшийся непоколебимым герой и вместе с тем коммерсант, подводит баланс. Насколько велики убытки? Триста миль кабеля, около ста тысяч фунтов акционерного капитала и - что, быть может, более всего удручает его - потеря целого года. Ибо экспедиция может рассчитывать на благоприятную погоду только летом, а в этом году время уже упущено. Но плавание принесло не только убытки; во время первой экспедиции приобретен немалый практический опыт. Сам кабель, доказавший свою полную пригодность, можно перемотать и использовать в следующей экспедиции. Необходимо изменить только конструкцию укладывающих машин, по вине которых произошел злополучный обрыв. Так в ожидании и подготовительных работах проходит еще год. Наконец, 10 июня 1858 года те же самые корабли со старым кабелем и новыми надеждами выходят в море. Так как при первом путешествии телеграфная линия работала безукоризненно, решено вернуться к первоначальному плану: производить укладку одновременно в обе стороны, начиная с середины океана. Первые дни новой экспедиции ничем не примечательны. Лишь на седьмой день, когда будет достигнут намеченный пункт, должна начаться укладка кабеля и вместе с ней настоящая работа. А пока что экспедиция напоминает обычную морскую прогулку. Машины стоят в бездействии, матросы отдыхают и наслаждаются ясной погодой; безоблачно небо, спокоен, может быть, слишком спокоен, океан.

Однако на третий день смутное беспокойство охватывает капитана «Агамемнона». Взглянув на барометр, он увидел, что столбик ртути падает с ужасающей быстротой. Это предвещает резкую перемену погоды, и действительно, на четвертый день разражается буря, такая буря, какую даже бывалым морякам редко приходилось испытывать в Атлантическом океане. По воле случая ураган захлестнул именно английский корабль. Превосходно оснащенный, испытанный в бурях и в огне войны, флагманский корабль английского флота, казалось, должен бы противостоять любому ненастью. Но, к несчастью, корабль полностью перестроен для приема гигантского груза. Кроме того, невозможно было, как это делают на обыкновенных грузовых пароходах, равномерно распределить нагрузку по всей площади трюма, и вся огромная тяжесть кабеля приходилась на его середину. Только небольшая часть кабеля была перегружена на носовую часть, но это только усугубило опасность, так как при каждом движении корабля вверх и вниз качка увеличивалась вдвое. Это облегчает

буре ее жестокою игрою: корабль накрывается вправо, влево, вперед, назад, под углом в 45 градусов, волны перекатываются через палубу, смывая все находящиеся на ней предметы. Новое несчастье: при одном чудовищном ударе, который сотрясает корабль от киля до мачт, лопаются перегородка, за которой находился сложенный на палубе уголь. Градом черного щебня обрушивается вся масса угля на матросов, и без того уже окровавленных и измученных. Многие ранены кусками угля, находившиеся в камбузе обварены кипятком из перевернувшегося котла, один из матросов сошел с ума, не вынеся десятидневного шторма. Команда уже готова прибегнуть к крайнему средству: выбросить за борт часть кабеля, который грозит погубить корабль. К счастью, капитан, не решаясь взять на себя такую ответственность, воспротивился этому и оказался прав. «Агамемнон» выдержал все испытания десятидневного шторма и, несмотря на значительное опоздание, присоединился к остальным кораблям в условленном месте, откуда должна была начаться укладка.

Но только теперь обнаруживается, как сильно пострадал от беспрестанных толчков драгоценный, изготовленный из тысячекратно переплетенных проволок чувствительный груз. В некоторых местах перепутались жилы, протерлась или прорвалась гуттаперчевая оболочка. Несмотря на все это, почти без всякой надежды на успех, делается несколько попыток начать укладку, но они приводят только к потере двухсот миль кабеля, которые без всякой пользы исчезают в океане. Пришлось еще раз спустить флаг и возвратиться на родину не триумфаторами, а побежденными.

ТРЕТЬЕ ПЛАВАНИЕ

В Лондоне перепуганные акционеры, уже осведомленные о новой неудаче, ожидали возвращения Сайруса Филда, того, кто ввел их в искушение и расходы. Половина акционерного капитала уже истрачена на две экспедиции - и ничего не достигнуто, ничего не доказано; не приходилось сомневаться, что большинство заявит теперь: «Довольно!» Председатель правления советует спасти то, что еще можно спасти. Он предлагает снять с кораблей неиспользованный кабель, продать его, в крайнем случае даже в убыток, и поставить крест на этом безумном плане трансокеанской связи. Вице-председатель присоединяется к его мнению и вручает свою отставку, чтобы подчеркнуть, что он не желает иметь ничего общего с этим абсурдным предприятием. Но вера Сайруса Филда и его упорство непоколебимы. Ничто еще не потеряно, говорит он. Кабель блестяще выдержал испытание, на кораблях его еще достаточно, чтобы предпринять новое путешествие, флотилия готова к отплытию, экипажи наняты, а страшная буря, разразившаяся во время последней экспедиции, позволяет надеяться на несколько недель ясной, безветренной погоды. Нужно мужество, одно только мужество. Надо собрать все силы для последней попытки - теперь или никогда!

Акционеры растерянно переглядываются: неужели доверить этому одержимому остаток капитала? Но так как сильная воля всегда увлекает за собой колеблющихся, то Сайрус Филд вырвал у акционеров согласие на новую экспедицию. 17 июля 1858 года, через пять недель после второго злополучного плавания, флотилия в третий раз выходит из английского порта.

И на этом примере еще раз подтверждается старая истина, что важнейшие предприятия лучше всего удаются, когда вокруг них не поднимают шума. На этот раз отплытие проходит совершенно незамеченным. Лодки и яхты не провожают отплывающие корабли пожеланиями удачи, толпы любопытных не собираются на

берегу, не устраивается торжественного прощального банкета, не произносят речей, не испрашивают божьей помощи. Скрытно и бесшумно, как пиратские корабли, выходит в море флотилия. Но море встречает их дружелюбно. Точно в назначенный день, 28 июля 1858 года, через одиннадцать дней после отплытия из Куинстауна, «Агамемнон» и «Ниагара», встретившись в указанном месте, могут начать свой титанический труд.

Редкое зрелище - корма с кормой сходятся корабли. Теперь между ними будут сращены концы кабеля. Без всякой торжественности, не вызывая даже особого интереса у матросов, разочарованных предыдущими бесплодными попытками, железно-медный кабель опускается в глубину, на самое дно океана, куда не достигал еще ни один лот. В последний раз приветствуют друг друга оба судна, поднимаются на мачтах флаги - и английский корабль направляется к берегам Англии, американский - к берегам Америки. Корабли удаляются друг от друга, как две блуждающие точки в безграничных просторах океана, но кабель продолжает связывать их; впервые в истории человечества два корабля, разделенные пространством и невидимые друг другу, могут переговариваться сквозь ветер, волны и океанские дали. Каждые несколько часов электрический сигнал с одного корабля, промчавшись по глубинам океана, извещает другой о длине уложенного кабеля, и каждый раз второй корабль посылает ответный сигнал, извещая, что погода благоприятствует укладке и что преодолено такое же расстояние. Так проходит день, второй, третий, четвертый. Наконец, 5 августа с «Ниагары» сообщают, что корабль находится в заливе Тринити на острове Ньюфаундленд, в виду американского берега, уложив по меньшей мере тысячу тридцать миль кабеля. В тот же день торжествует победу и «Агамемнон», уложивший около тысячи миль и подошедший к берегам Ирландии. Впервые между двумя материками, Европой и Америкой, установилось непосредственное живое общение. Но лишь два корабля - несколько сот людей, находящихся на их борту, - знают, что подвиг совершен. Мир, который уже успел забыть об экспедиции, еще ничего не подозревает. Никто не встречает возвращающиеся корабли ни в Ирландии, ни на Ньюфаундленде; но в ту же самую секунду, когда кабель будет включен в сухопутную телеграфную сеть, все человечество сразу узнает об одержанной им грандиозной победе.

ВЕЛИКОЕ СЛАВОСЛОВИЕ

Радость, вызванная этим известием, тем сильнее, что оно грянуло как гром среди ясного неба. Почти одновременно, в первые августовские дни, Старый и Новый Свет узнают об успешном завершении работы; произведенное впечатление не поддается описанию. В Англии газета «Таймс», обычно весьма сдержанная, пишет в передовой статье: «Со времени открытия Колумба не было сделано ничего, что в какой-либо степени могло бы сравниться с этим гигантским расширением сферы человеческой деятельности». Сити охвачено лихорадкой. Но робкой и бледной кажется горделивая радость Англии по сравнению с той бурей восторга, которая охватила Америку, едва новость успела там распространиться. Деловые операции приостановлены, улицы заполнены возбужденными людьми, спрашивающими, спорящими, кричащими. Доселе никому не известный Сайрус Филд становится национальным героем. Его имя ставят рядом с именами Франклина [6] и Колумба, весь Нью-Йорк и сотни других городов с лихорадочным и шумным нетерпением ждут появления человека, благодаря твердости которого осуществилось «бракосочетание юной Америки со Старым Светом». Но восторг еще не достиг своего апогея, так как получено всего лишь скупое

предварительное сообщение, что кабель проложен. А работает ли он? Удалось ли установить прочную связь между материками? Грандиозное зрелище: целый город, целый народ, затаив дыхание, ждет первого слова из-за океана. Известно, что прежде всего будет передано поздравление английской королевы, и его ждут с растущим час от часу нетерпением. Но проходят дни за днями, и только вечером 16 августа, после того как наконец устранено случайное повреждение кабеля в самом Ньюфаундленде, послание королевы Виктории достигает Нью-Йорка.

Долгожданная весть пришла слишком поздно, чтобы газеты успели опубликовать официальные сообщения, но едва только послание вывешивается на дверях редакций и телеграфных контор, как огромные толпы людей скопляются перед ними. Газетчики, в разорванной одежде, с трудом продираются сквозь праздничные толпы. Новость объявлена в театрах и ресторанах. Тысячи людей, в мозгу которых еще не укладывается, что телеграф на много дней обгоняет самый быстроходный корабль, устремляются в Бруклинский порт, чтобы приветствовать «Ниагару» - героический корабль, одержавший эту мирную победу. На следующий день газеты выходят с огромными заголовками: «Кабель работает безукоризненно», «Восторг населения не знает границ», «Небывалая сенсация всколыхнула весь город», «Настал час всеобщего ликования».

Небывалая победа: впервые с момента возникновения мышления на земле мысль со скоростью мысли пронеслась через океан. И уже гремит артиллерийский салют из ста орудий, возвещая, что президент Соединенных Штатов ответил на послание королевы. Теперь никто не осмеливается сомневаться. Вечером Нью-Йорк и все другие города сверкают десятками тысяч огней и факелов. Все окна освещены, и даже пожар, начавшийся на крыше ратуши, не может помешать ликованию. Следующий день приносит новую радостную весть: в Нью-Йорк прибыла «Ниагара», на борту которой находится сам виновник торжества, Сайрус Филд. Остаток кабеля с триумфом провезен по городу, команде корабля оказан достойный прием. День за днем в каждом городе Соединенных Штатов, от Мексиканского залива до Тихого океана, происходят манифестации, как будто Америка во второй раз празднует свое открытие.

Но и этого мало! Соответствующее моменту триумфальное шествие должно быть еще великолепнее, самым грандиозным из всех, которые когда-либо видел Новый Свет. Приготовления длятся две недели, и наконец в ясный осенний день 31 августа весь город чествует одного человека - Сайруса Филда, как со времен цезарей и императоров ни один народ не чествовал победителей. Торжественная процессия так велика, что ей потребовалось шесть часов, чтобы пересечь город с одного конца до другого. По украшенным флагами улицам проходят полки с развернутыми знаменами. За ними бесконечным потоком - хоры и оркестры, пожарные команды, школьники, ветераны. Каждый, кто в состоянии идти, идет, каждый, кто может петь, - поет, каждый, кто может ликовать, - ликует. В карете, запряженной четверкой лошадей, едет, словно античный триумфатор, Сайрус Филд, во второй - капитан «Ниагары», в третьей - президент Соединенных Штатов, далее - мэр города, высшие чиновники, ученые. Речи, банкеты, факельные шествия без перерыва следуют друг за другом, звонят колокола, гремят артиллерийские залпы, все вновь и вновь вспыхивают взрывы ликования в честь второго Колумба, победителя пространства, объединившего Старый и Новый Свет и ставшего в этот день самым прославленным и любимым героем Америки, - в честь Сайруса Филда.

КРЕСТНЫЕ МУКИ

Тысячи и миллионы голосов слились в этот день в громкий, ликующий хор. Лишь один-единственный и важнейший голос не присоединился к нему - голос электрического телеграфа. Быть может, уже посреди бурного празднества Сайрус Филд предчувствует ужасную истину, и кто знает, как тяжело ему - единственному, кто осведомлен о том, что именно в этот день трансатлантический кабель перестал действовать; в последние дни по телеграфу поступали все более сбивчивые, все менее четкие сигналы, пока наконец последний невнятный сигнал не долетел, как предсмертный вздох, и провод не замолк окончательно. Только несколько человек во всей Америке, наблюдающие за приемом сигналов в Ньюфаундленде, знали об этом постепенном ухудшении связи. Но и они медлили день за днем, не решаясь сообщить эту горькую весть в самый разгар праздничного ликования. Однако скоро замечают, что телеграммы из Европы поступают очень редко. В Америке ждали, что вести из-за океана будут приходить каждый час, но вместо этого аппарат лишь изредка выстукивает неразборчивые, бессвязные сигналы. Так не могло долго продолжаться, и вот пополз слух, что в спешке и нетерпении, стараясь добиться улучшения связи, по проводам пустили слишком сильный ток, и кабель, и без того уже несовершенный, теперь окончательно испорчен. Еще остается надежда устранить повреждение, но вскоре уже невозможно сомневаться: сигналы становятся все реже, все бессвязнее. И как раз утром 1 сентября, когда не успело еще рассеяться праздничное похмелье, аппарат не принял из-за океана ни одного ясного сигнала.

Люди менее всего склонны проявлять снисходительность в тех случаях, когда их искренние увлечения оканчиваются разочарованием, и особенно к тем, от кого они ожидали всего и кто обманул их ожидания. Едва подтвердился слух о том, что прославленный телеграф перестал действовать, как бурная волна ликования отхлынула обратно и с яростным ожесточением обрушилась на без вины виноватого Сайруса Филда. Он обманул весь город, всю страну, весь мир, утверждают в Сити, он давно знал о негодности телеграфа, но из себялюбия предоставил людям чувствовать его, а сам за это время преспокойно сбыл с рук принадлежавшие ему акции, получив неслыханные барыши. Распространяется самая злонамеренная клевета; уже безапелляционно утверждают, что трансатлантический кабель по-настоящему вообще никогда не работал, что все телеграммы оказались мошенничеством и мистификацией, что послание английской королевы было привезено заранее, а вовсе не передано по телеграфу. За все это время, утверждают далее, ни одна телеграмма не была принята в связном виде, и директора телеграфной компании сами стряпали воображаемые тексты сообщений, основываясь на догадках и хаотических сигналах. Разразился подлинный скандал. И те, кто накануне ликовал с особым рвением, теперь громче всех выражают свое негодование. Весь город, вся страна стыдится своих неумеренных и опрометчивых восторгов. Жертвой всеобщего гнева избран Сайрус Филд: тот, кто еще вчера был национальным героем, братом Франклина и преемником Колумба, сегодня должен прятаться, как преступник, от своих прежних друзей и почитателей. Его слава, созданная в один день, в один день и разрушена. Необъятны размеры поражения: потерян капитал, утрачено доверие, и бесполезный кабель, как мифическое морское чудовище, лежит в неизведанных глубинах океана.

ШЕСТИЛЕТНЕЕ МОЛЧАНИЕ

Шесть лет пролежал бесполезный кабель на дне океана. Шесть лет как царит

прежнее холодное молчание между двумя континентами. Шесть лет прошло с того знаменательного момента, когда согласно бился пульс Америки и Европы, которые в мгновение близости, краткое, как вздох, обменялись несколькими сотнями слов и снова, как в прошедшие тысячелетия, оказались разъединенными непреодолимым пространством. Самое отважное предприятие девятнадцатого века, которое еще недавно едва не стало действительностью, снова превратилось в легенду, в миф. Разумеется, никому и в голову не приходит возобновить наполовину удавшуюся попытку; тяжкое поражение парализовало все силы, отняло всякую надежду. В Америке все интересы поглощены гражданской войной Севера и Юга, в Англии еще заседают время от времени комитеты, но им потребовалось два года, чтобы высидеть тощее решение, что теоретически прокладка подводного кабеля возможна. Между этим академическим заключением и претворением его в действительность лежит длинный путь, на который никто не выражает желания вступить; шесть лет о возобновлении практических попыток думают так же мало, как и о бесполезном кабеле, покоящемся на дне океана.

Но шесть лет - лишь краткое мгновение в грандиозном ходе движения истории - в такой молодой науке, как электротехника, стоят целого тысячелетия. Каждый год, каждый месяц приносит новые открытия. Все более мощными, все более совершенными становятся динамо-машины, все расширяется область их применения, все точнее делаются приборы. Телеграфные линии объединяют уже самые отдаленные уголки континентов, уже проложен кабель через Средиземное море, связавший Европу с Африкой, и год от года рассеивается туман фантастики, который так долго окутывал идею прокладки трансатлантического кабеля. Неизбежно должен наступить час, когда попытка будет возобновлена. Нет только человека, который мог бы вдохнуть в старый замысел новую энергию.

И внезапно человек появился. Кто же он? Все тот же Сайрус Филд, полный прежней веры и прежней убежденности, Сайрус Филд, которого не могли сломить ни молчаливое презрение, ни злобные нападки. В тридцатый раз он пересекает океан и снова появляется в Лондоне. Ему удастся возобновить старые разрешения и собрать новый капитал в шестьсот тысяч фунтов стерлингов. Есть, наконец, и гигантский корабль, о котором раньше приходилось лишь мечтать, - знаменитый четырехтрубный «Грейт Истерн» водоизмещением в двадцать две тысячи тонн, построенный Изабаром Брюнелем, корабль, который один способен поднять весь огромный груз кабеля. И - чудо за чудом - именно в 1865 году корабль, слишком смелая конструкция которого опередила свое время, не может найти себе применения и стоит в бездействии. В два дня корабль куплен и снаряжен для экспедиции.

То, что раньше было безмерно трудным, стало теперь простым и легким. 23 июля 1865 года корабль-великан, нагруженный новым кабелем, покидает Темзу. И хотя первая попытка не удастся из-за обрыва кабеля в двух днях пути от цели и ненасытный океан поглощает еще шестьсот тысяч фунтов стерлингов, вера людей в технику слишком сильна, чтобы эта неудача могла заставить их пасть духом. И когда 13 июля 1866 года «Грейт Истерн» снова плывет через океан, то эта вторая экспедиция увенчивается полным успехом. Ясно и четко работает теперь телеграф. Несколько дней спустя найден старый, забытый кабель, и две линии связывают воедино Старый и Новый Свет. Вчерашнее чудо стало нынешней действительностью, и с этого момента пульс времени забился одновременно по всей земле. Все страны и народы

одновременно слышат, и видят, и понимают друг друга во всех концах земли, и человечество стало божественно вездесущим благодаря своим собственным творческим силам. Победа над временем и пространством навеки объединила людей, и будущее их было бы прекрасно, если бы не роковое ослепление, все вновь и вновь заставляющее их разрушать это грандиозное единство и применять те же средства, которыми они утвердили свою власть над природой, для уничтожения самих себя.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ...галеры финикийцев. - Имеются в виду жители древнефиникийских городов-государств - Тира, Сидона, Библа и Арвада, - унаследовавшие обширную торговлю древнего Египта.

[2] ...Овидий на пути в понтийскую ссылку. - Римский поэт Публий Овидий Назон (43 до н. э. - 17 н. э.), выразивший недовольство политикой императора Августа, был сослан в 8 г. н. э. в местечко Томы близ устья Дуная в Причерноморье («Понт Эвксинский» - античное название Черного моря).

[3] Блерио Луи (1872-1936) - один из пионеров французской авиации, пилот и конструктор самолетов. В 1909 г. впервые перелетел Ла-Манш.

[4] Стивенсон Роберт (1772-1850) - английский инженер, шотландец по происхождению, крупный специалист по строительству маяков.

[5] Брюнель Изабар-Кингдом (1806-1859) - талантливый английский инженер, спроектировавший большое количество туннелей, железных дорог и доков, конструктор винтовых пароходов, самый крупный из которых, «Левиафан», был переименован впоследствии в «Грейт Истерн».

[6] Франклин Вениамин (1706-1790) - известный американский ученый и политический деятель, сыгравший видную роль в борьбе североамериканских колоний за независимость.

Ю. Шейнин, А. Ибрагимов